

Opp. 659 6/₄

XV, 19-4

an

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

С
СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

4

МОСКВА,

Въ Типографіи С. Селивановскаго,

1803.

За 1641547

Съ дозволѣнія
Московскаго Гражданскаго Губернатора.

П И С Ь М А

РУСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Ч А С Т Ь III.

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ IV.

ПИСЬМА

РУСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

ЧАСТЬ III.

Женева.

Пріяпель мой Б* уѣхалъ въ Лозану. Сію минушу получилъ я опѣ него письмо. Вотъ оно:

„Ахъ мой другъ! жалѣй онеща-
„сѣдномъ! Проспуда, кашель, боль

„въ груди, едва позволяють мнѣ за
 „перо взяться ; но я непременно
 „долженъ извѣстить тебя о моемъ
 „меланхолическомъ приключеніи.

„Ты помнишь молодую Ивердон-
 „скую красавицу, съ копорою мы
 „ужинали въ Базелѣ, въ пракпирѣ
 „аиста (*); помнишь можетъ быть
 „и то, что я сидѣлъ рядомъ съ
 „нею ; что она говорила со мною
 „ласково, и смотрѣла на меня съ
 „нѣжностію—ахъ! какая граниш-
 „ная гора могла зашипить мое
 „сердце опъ ея пронзительныхъ
 „взоровъ? Какія снѣжныя громады
 „могли погасить огонь, воспали-
 „тый сими взорами въ источникъ
 „жизни моей? Такъ, мой другъ! я
 „учился Анапоміи, Медицинѣ, и
 „знаю, что сердце есть почно
 „источникъ жизни, хотя почпен-
 „ный Докпоръ Мегадидакпосъ,
 „вмѣстѣ съ уваженіа достойнымъ

(*) Пис. Руск. Пут. Ч. II, стран. 58.

„Микрологосомъ, искалъ души и
 „жизненнаго начала въ чудесномъ,
 „опъ глазъ нашихъ укрывающемъ-
 „ся сплещеніи нервъ. . . . Но я бо-
 „юсь удалиться опъ моего пред-
 „мепа, и пошому, оставляя на сей
 „разъ почтеннаго Метадидактоса
 „и уваженія досшойнаго Микроло-
 „госа, скажу тебѣ откровенно,
 „что Ивердонская красавица воз-
 „будила во мнѣ такіа чувства,
 „копрыхъ — теперь описать не
 „умѣю. Не знаю, что бы изъ меня
 „вышло, и что бы я сдѣлалъ, естъ-
 „ли бы она—о жестокой ударъ!—
 „не уѣхала изъ пракпира въ са-
 „мую эту ночь, въ копорую душа
 „моя занималась ею съ величай-
 „шимъ жаромъ, и въ копорую успѣ-
 „шипельный сонъ не смыкалъ
 „глазъ моихъ. Ты вывезъ меня изъ
 „Базеля; путешествованіе, пріятныя
 „мѣста, встрѣча съ Францужен-
 „кою, маленькой Пьеръ, бѣлка,

„злая бѣлка (*), интересныя зна-
 „комства, водопады, горы, дѣвица
 „Г** — все сіе не могло совер-
 „шенно запереть образа прекра-
 „сной Ивердонки въ сердце мо-
 „е. Долго старался я преодо-
 „лѣвать себя, но тщетно! Бы-
 „спрая рѣка рано или поздно раз-
 „рываетъ всѣ оплоты: такъ и
 „любовь! Нанявъ въ Лозанъ ло-
 „шадь, побѣхалъ я верхомъ въ
 „Ивердонъ, или, лучше сказать,
 „поскакалъ, полетѣлъ, и въ 10 ча-
 „совъ упря былъ уже на мѣстѣ —
 „остановился въ пракширѣ, на-
 „пудрился, снялъ съ себя коршикъ,
 „шпоры, и пошелъ, куда спреми-
 „лось мое сердце. Тамъ съ пасмур-
 „нымъ видомъ встрѣтилъ меня
 „шестидесятилѣтній спарикъ,
 „опецъ моей красавицы. *Милости-*
 „*вый государь!* сказалъ я: *потте-*
 „*нѣе*, *которымъ душа моя пре-*

(*) Пис. Руск. Пут. Ч. II, стран. 66.

„исполнена къ вашей любезной до-
 „тери; великое, сильное желаніе ви-
 „дѣть ее — — Въ самую сію ми-
 „нупу она вошла. Юлія! знаешь
 „ли ты этого господина? спросилъ
 „у нее старикъ. Юлія посмотрѣ-
 „ла на меня, и учпивымъ обра-
 „зомъ опвѣчала, чпо она не имѣ-
 „етъ сей чеспи. Вообрази мое из-
 „умленіе! Я весь запрепепалъ —
 „затрепеталъ вслухъ, какъ гово-
 „рилъ Клопшпокъ. Мнѣ казалось,
 „чпо всѣ Швейцарскія и Савой-
 „скія горы обрушились на мою
 „голову. Насилу могъ я собрапсья
 „съ духомъ, и не говоря ни слова
 „подалъ безпамятной Юліи запи-
 „сную книжку мою, гдѣ увидѣла
 „она имя свое, собспвенною ру-
 „кою ея написанное (*). Краска
 „выспупила на лицѣ жестокой;
 „она спала передо мною извиняпсь-
 „ся, и сказала опцу: я имѣла

(*) П. Р. П. Ч. II, стран. 58.

„тестъ вмѣстѣ съ нимъ ужинать
 „въ Базелѣ. Онъ просилъ меня
 „сѣсть. Кровь моя все еще не мог-
 „ла успокоиться, и я не имѣлъ
 „духу смолѣть на Юлію, копо-
 „рая также была въ замѣшатель-
 „ствѣ. Спарикъ, услышавъ отъ
 „меня, что я Докторъ Медицины,
 „очень обрадовался, и началъ го-
 „ворить со мною о своихъ болѣз-
 „няхъ. Увы! (думалъ я) за пѣмъ
 „ли Судьба привела меня въ Ивер-
 „донъ, чтобы разсуждать о гемо-
 „роидальныхъ припадкахъ дряхла-
 „го спарика! Между пѣмъ дочь
 „его сидѣла, нюхала табакъ, и
 „взглядывала на меня, но совсѣмъ
 „уже не такъ, какъ въ Базелѣ.
 „Взоры ея были такъ холодны,
 „такъ холодны, какъ сѣверной по-
 „люсь. Наконецъ самолюбіе мое,
 „жестоко уязвленное, заспавило
 „меня — вспахъ со спугла и оп-
 „кланяясь. *Долго ли вы пробуде-*
 „*те въ Ивердонѣ?* спросила Юлія

„пріятнымъ своимъ голосомъ (и
 „сѣ такою усмѣшкою, копорая
 „весьма ясно говорила: *надѣюсь*,
 „*что ты уже не придешь къ намъ*
 „*въ другой разъ*). Нѣсколько ча-
 „совъ, опвѣчалъ я. — *Въ такомъ*
 „*случаѣ желаю вамъ счастливаго*
 „*пути*. — И щасливой пракшики
 „— примолвилъ спарикъ, снявъ
 „свой колпакъ. Мы распались; и
 „когда я вышелъ на улицу, наем-
 „ной слуга, провожающей мой, ска-
 „залъ мнѣ, что двѣца Юлія ско-
 „ро выдѣтъ за мужъ за Господи-
 „на Н. Н. *А! теперь знаю причину*
 „*холоднаго пріема!* думалъ я, и
 „удвоилъ шаги свои, чшобы ско-
 „рѣе удалишься отъ дому буду-
 „щей супруги Господина Н. Н. —
 „Городъ Ивердонъ спалъ мнѣ про-
 „шивенъ. Я сѣ великимъ непер-
 „пѣніемъ дожидался обѣда, и сѣвъ
 „за столъ, велѣлъ слугѣ осѣд-
 „лать мою лошадь. Вмѣстѣ со
 „мною обѣдали чепверо Англи-

„чанѣ, копорые вздумали пипѣ мое
 „здоровье всѣми винами, какія бы-
 „ли у пракпиріцика. Я самѣ ве-
 „лѣлѣ подаѣ бупылки двѣ Бур-
 „гонскаго, чптобы опблагодариѣ
 „ихѣ—и пакимѣ образомѣ прошло
 „непримѣпно около прехѣ часовѣ.
 „Сердце мое забыло все земное
 „горе, и проспило невѣрную Юлію.
 „Англичане, по своему обыкнове-
 „венію, выдумывали разныя *сенти-*
 „*ментальныя* или *чувствительныя*
 „здоровья. Мнѣ пакке вѣ свою
 „очередѣ надлежало предложитѣ
 „при или чепыре. При послѣд-
 „немѣ я налилѣ полную рюмку,
 „поднялѣ ее высоко и сказалѣ
 „громко: *кто любитѣ красоту и*
 „*нѣжность, тотѣ пей со мною за*
 „*здоровье Юліи, и желай красави-*
 „*цѣ щастливаго супружества!* Рюм-
 „ки заспучали, вино запѣнилось,
 „и всѣ Англичане вѣ одинѣ голосѣ
 „воскликнули: *мы пьемѣ за здо-*
 „*ровье Юліи, и желаемѣ красавицѣ*

„щастливого супружества! — Меж-
 „ду тѣмъ я разъ десять спраши-
 „валъ, гопова ли моя лошадь? и
 „десять разъ отвѣчали мнѣ, что
 „она давно стоить у крыльца.
 „Наконецъ слуга пришелъ сказать,
 „что мнѣ не лзя ѣхать. — „Не
 „лзя? для чего же?“ — *Становит-*
 „ся поздно, и находятъ облака. —
 „Вздоръ! я побду! лошадь!“ — Че-
 „резъ полчаса опять пришелъ
 „слуга. *Вамъ не лзя ѣхать.* —
 „Не лзя? для чего же?“ — *Стало*
 „поздно; облака сгустились, и по-
 „шелъ снѣгъ. — „Вздоръ! я побду!
 „лошадь!“ — Черезъ нѣскольکو ми-
 „нутъ слуга опять подошелъ ко
 „мнѣ. *Вамъ не лзя ѣхать.* — „Не
 „лзя? для чего же?“ — *Могъ на*
 „дворъ; снѣгъ валится хлопками,
 „и скоро сильной вѣтеръ надуетъ
 „вездѣ сугробы. — „Вздоръ! по-
 „бду, сію минушу побду! лошадь!“
 „— Сказалъ, вспалъ со спула, по-
 „жалъ у Англичанъ руки, подпо-

„ясалъ корпикъ , расплапился съ
 „хозяиномъ, вскочилъ на коня сво-
 „его , и пуспился во всю прыпъ
 „по Лозанской дорогѣ. Вѣтеръ со
 „снѣгомъ дулъ мнѣ въ лице ; но я
 „пропиралъ глаза, и безпреспанно
 „шпорилъ свою лошадь. Скоро сдѣ-
 „лалась спрашная вьюга, и бѣлая
 „пѣма совсѣмъ лишила меня зрѣ-
 „нія. Я чувспвовалъ , что ѣду не
 „по дорогѣ ; но дѣлать было не
 „чего. Впередъ, впередъ , на волю
 „Божію — и такимъ образомъ
 „спранспвовалъ до половины но-
 „чи. Наконецъ доброй конь, вѣрной
 „товарищъ мой, совсѣмъ изъ силъ
 „выбился , и спалъ. Я сошелъ съ
 „него , и повелъ его за узду ; но
 „скоро и мои силы испощились.
 „Уже несчастный пріятель пвой
 „гоповъ былъ упасъ на пуши-
 „стую снѣжную постелю , по-
 „крыпья снѣжнымъ одѣяломъ, и
 „поручилъ участь свою Богу ;
 „хладная смерть совсѣми своими

„ужасами вилась надо мною! Увы!
 „я прощался уже съ моимъ опе-
 „чествомъ, съ друзьями, съ *хими-*
 „*ческими лекціями* (*), и со всѣми
 „моими лестными надеждами! Но
 „Судьба изрекла мнѣ помилованіе
 „— и вдругъ увидѣлъ я передъ
 „собою крестьянской домикъ. Ты
 „легко можешь представишь себѣ
 „радость мою, и для того не бу-
 „ду се описывать. Довольно, что
 „меня тамъ приняли, опогрѣли,
 „накормили и успокоили. На дру-
 „гой день поутру я принудилъ
 „хозяина взять у меня шесть
 „франковъ, и въ десять часовъ
 „утра возвратился въ Лозану, —
 „съ жестокою простудою. Вотъ
 „конецъ моего романа! Vale! В.—
 „Р. S. Какъ скоро уймется мой

(*) Пріятель мой говаривалъ всегда съ
 восхищеніемъ о будущихъ своихъ
 химическихъ лекціяхъ, которыми
 онъ хотѣлъ удивить всю ученую
 Данію.

IV.

„кашель, возвращусь на 'старое
 „свое жилище, въ Женевскую Рес-
 „публику, подъ надежный покровъ
 „великолѣпныхъ (*) Синдиковъ. У
 „васъ, сказываюшъ, много шуму!“
 Такъ, или почти такъ пишешъ
 мой Б.

Женевская кафедральная цер-
 ковь напоминаетъ мнѣ давно про-
 шедшія времена. Тутъ былъ нѣ-
 когда храмъ Аполлоновъ; но огонь
 пылалъ въ стѣнахъ его, и разру-
 шилъ опчаспи величественное
 зданіе древняго искусства—воца-
 рилась новая Религія, и развалины
 языческаго храма послужили осно-
 ваніемъ Хриспіанской церкви.

Вхожу во внутренность — о-
 громно и пусто! Ищу глазами ка-
 когонибудь предмета, копорой
 могъ бы занять душу мою. Мнѣ
 предсавляется громада чернаго

(*) Ихъ называли всегда *magnifiques*.

мрамора, держимая львами — это гробъ Герцога Рогана, котораго Генрихъ IV. любилъ какъ друга, котораго Людовикъ XIII. спрашивался какъ грознаго непріятеля, копорой жилъ и умеръ съ мечемъ въ рукахъ и въ лаврахъ побѣдителя.

Avec tous les talens le Ciel l'avoit fait
naitre.

Il agit en héros, en sage il écrivit (*);
Il fut même grand homme en combat-
tant son maître,

Et plus grand lorsqu'il le servit.

Вольтеръ.

Роганъ былъ главою Пропеспаншовъ во Франціи, и предводилъ ихъ арміи; но по заключеніи мира онъ лишился ихъ довѣренности. Многіе изъ нихъ называли его измѣнникомъ, предашелемъ, и го-

(*) Онъ сочинилъ Les Intérêts des Princes, Le parfait Capitaine, и другія книги.

шovy были обагришь руки свои кровію Героя, чистаго въ своемъ сердцѣ. Безоруженъ и спокоенъ явился онъ среди мяпущагося народа — обнажилъ грудь свою, и твердымъ голосомъ сказалъ озлобленнымъ своимъ единовѣрцамъ: *разите! для васъ жертвовалъ я мою жизнь; теперь хоту умереть отъ руки вашей* — сказалъ, и народъ, успыдаясь своей несправедливости, палъ передъ нимъ на колѣна. Такъ торжествуетъ добродѣтель, и другъ человѣчества проливаетъ радостныя слезы! — Подобныя черпы великодушія супъ блестящія перлы въ мрачной Испоріи вѣковъ.

Вмѣстѣ съ опцомъ своимъ покоишся и несчастный Танкредъ. Судьба сего Принца достойна примѣчанія и слезъ чувствительнаго чловѣка. Роганъ хотѣлъ до времени тайно рожденіе своего сына, боясь, чшобы Кардиналъ Ришелье

не опнялъ его и не воспипалъ въ Каполической религіи. Корысполюбивая Танкредова сеспра, желая одна владѣть имѣніемъ опца своего, воспользовалась симъ обстоятельствомъ, и нѣкоторымъ преданнымъ ей людямъ велѣла похищать младенца, увезти изъ Франціи и опдать на воспипаніе какому нибудь человѣку низкаго состоянія. Все сіе сдѣлалось, какъ она хотѣла,—и Танкредъ опданъ былъ въ Голландіи одному небогатому мѣщанину; а Герцога и супругу его, дочь великаго Сюлли, увѣрили, что сынъ его умеръ. Юной Принцъ росъ въ деревнѣ, бѣгалъ по лугамъ, работалъ въ саду, и называлъ воспипателя своего опцомъ, его жену матерью, а дѣтей братьями и сеспрами. Онъ былъ прекрасной, умной мальчикъ, и заслужилъ любовь всѣхъ тѣхъ, которые его знали.—Между тѣмъ Герцогъ умеръ. Супруга его давно

уже переспала проливать слезы о
 любезномъ сынѣ, какъ вдругъ, къ
 нечаянной радости своей, получи-
 ла достовѣрное извѣстіе (*), что
 онъ живъ. Въ ту же минуту она
 послала за нимъ въ Голландію.
 Танкредъ услышалъ о своемъ родѣ,
 и казался равнодушнымъ; услы-
 шалъ о смерти отца своего, и про-
 лилъ слезы; услышалъ о матери, объ
 ея неперпѣніи видѣть милаго сына,
 и схвативъ присланнаго за руку,
 сказалъ ему: *пойдемъ къ ней!* уви-
 дѣвъ горестъ воспитателя своего,
 горестъ его жены и дѣшей, и
 бросился обнимать ихъ. *Никогда,
 никогда васъ не забуду!* сказалъ
 онъ съ нѣжностію: *никогда не пере-
 стану называть тебя отцомъ мо-
 имъ, тебя моею матерью, васъ брать-
 ями и сестрами!* Теперь простите:
если мнѣ хорошо будетъ въ Па-

(*) Отъ одного изъ пѣхъ, которые
 отвезли его въ Голландію.

рижѣ, то я отпишу къ вамъ, чтобы и вы туда прѣехали. — Танкредъ поѣхалъ, и всякую минушку спрашивалъ: скоро ли увижу мать мою? Онъ увидѣлъ ее, и нѣжная родительница едва не лишилась жизни отъ радостнаго восторга Герцогиня немедленно объявила Танкреда сыномъ и наслѣдникомъ Герцога Рогана; однакожь дочь ея не хотѣла признавъ его своимъ братомъ. Началось дѣло; и до рѣшенія запрещено было молодому Рогану называться Герцогомъ. — Франція была тогда театромъ междоусобной войны. Герцогъ Орлеанской и Принцъ Конде хотѣли овладѣть Парижемъ и уничтожить Парламентъ; но многіе дворяне держали сторону сего послѣдняго и защищали городъ. Осьмнадцатилѣтній Танкредъ приспалъ къ нимъ, и въ разныхъ случаяхъ оказалъ удивительную смѣлость и мужество. — Самая сія геройская пылкость

погубила его. Въ одномъ сраженіи онъ былъ оставленъ своими, и со всѣхъ сторонъ окруженъ непріятелями, копорые, щадя юнаго Героя, пребовали, чпобы онъ сдался; но храброй Танкредъ махалъ мечемъ вокругъ головы своей и кричалъ: *point de quartier! il faut vaincre ou mourir!* (*побѣдить или умереть!*) Свинцовая пуля пролепѣла сквозь его сердце — и Герой умеръ Героемъ. — Сія безвременная смерть сократила жизнь несчастной Герцогини. Она велѣла написать надъ гробомъ его: *Здѣсь лежитъ Танкредъ, сынъ Герцога Рогана, истинный наслѣдникъ добродѣтели и великаго имени отца своего. Онъ умеръ на девятнадцатомъ году отъ рожденія, сражаясь за своихъ согражданъ. Мебо показало — и скрыло его, къ горести всѣхъ родственниковъ и всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества. Маргарита Бетюиъ, Герцогиня де Роганъ, пе-*

гальная вдова, неутѣшная мать, соорудила сей памятникъ, да будетъ оный вѣчнымъ свидѣтельствомъ ея скорби и любви къ милому сыну. Но злобная Танкредова сеспра, по смерти матери своей, (которая также погребена въ Женевѣ, подлѣ супруга и сына) — злобная сеспра, пиная ненависть даже и къ мертвому брату своему, заставила Короля писать къ начальникамъ Женевской Республики, чшобы сія эпитафія была уничтожена. Они исполнили его приказаніе и сперли прогашельную надпись; но я нашелъ ее въ *Histoire de Tancrede*. — Извѣстной Скюдери сочинилъ тогда слѣдующіе стихи (поднесенные имъ самой сеспрѣ Танкредовой):

Olimpe, le pourrai-je dire,
 Sans exciter votre courroux?
 Le grand coeur que la France admire,
 Semble déposer contre vous.

IV.

L'invincible Rohan, plus craint que le
tonnerre,

Vit finir ses jours à la guerre (*),

Et Tancrede a le même sort.

Cette conformité qui le couvre de gloire,

Force presque chacun à croire,

Que la belle Olimpe avoit tort,

Et que ce jeune Mars, si digne de mé-
moire,

Eut la naissance illustre, aussi bien que
sa mort. —

Въ сей же церкви погребенъ дѣдъ
Госпожи Меншенонъ, Теодоръ Аг-
риппа Обинье, копорой нѣкопо-
рое время пользовался благосклон-
ностію Генриха IV; но послѣ дол-
женъ былъ удалиться отъ Двора,
и даже выѣхать изъ Франціи.

Прекрасное время продолжаеш-
ся. Я спараюсь имъ пользовапсья,

(*) Сей стихъ можно поставитъ въ
примѣръ слабыхъ и непіилическихъ
стиховъ.

и часто, взявъ въ карманъ лундора при и записную книжку, спранспую по Сабоіи, Швейцаріи, или Раух de Gex, и дни черезъ чепыре возвращаюсь въ Женеву.

Не давно былъ я на островѣ Св. Петра, гдѣ величайшій изъ Писателей осьмага-надесять вѣка укрывался отъ злобы и предразсужденій человѣческихъ, копорыя, какъ Фуріи, гнали его изъ мѣста въ мѣсто. День былъ очень хорошъ. Въ нѣсколько часовъ исходилъ я весь островъ, и вездѣ искалъ слѣдовъ Женевского гражданина и Философа: подъ вѣпьями древнихъ буковъ и каштановыхъ деревьевъ, въ прекрасныхъ аллеяхъ мрачнаго лѣса, на лугахъ поблекшихъ и на кремнистыхъ свѣсахъ берега. „Здѣсь, думалъ я, здѣсь, забывъ жестокихъ и неблагодарныхъ людей неблагодарныхъ и жестокихъ! Боже мой! какъ горестно это чувствовати и писати! . . .

здѣсь, забывъ всѣ бури мірскія, наслаждался онъ уединеніемъ и тихимъ вечеромъ жизни; здѣсь отдыкала душа его послѣ великихъ трудовъ своихъ; здѣсь въ тихой, сладоспной дремотѣ покоились его чувства! Гдѣ онъ? Все оспалось, какъ при немъ было; но его нѣшъ—нѣшъ! Тутъ слышалось мнѣ, что и лѣсъ и луга вздохнули, или повпорили глубокой вздохъ моего сердца. Я смотрѣлъ вокругъ себя — и весь оспровъ показался мнѣ въ праурѣ. Печальный флеръ зимы лежалъ на Природѣ. — Ноги мои успали. Я сѣлъ на краю оспрова. Бильское озеро свѣплѣло и покоилось во всемъ пространствѣ своемъ; на берегахъ его дымились деревни; вдали видны были городки Биль и Нидау. Воображеніе мое представило плывущую по зеркальнымъ водамъ лодку; зефиръ вѣялъ вокругъ нее, и правилъ ею вмѣсто кор-

мчаго. Вѣ лодкѣ лежалъ спарецѣ почтеннаго вида, вѣ Азіатской одеждѣ; взоры его, на небеса устремленные, показывали великую душу, глубокомысліе, пріятную задумчивость. Это онѣ, онѣ, — попѣ, кого выгнали изѣ Франціи, Женевы, Нѣшапеля — какѣ будто бы за то, что Небо одарило его опмѣннымъ разумомѣ; что онѣ былѣ добрѣ, нѣженѣ и человѣколюбивѣ!

Какими живыми красками описываетѣ Руссо (*) пріятную жизнь свою на островѣ Св. Петра, — жизнь, совершенно бездѣйствственную! Кто никогда не испощалѣ душевныхѣ силѣ своихѣ вѣ ночныхѣ размышленіяхѣ, попѣ конечно не можетѣ понять блаженства сего роду — блаженства сей *субботы*, копорою наслаждаются одни великіе Духи при концѣ земнаго странствованія, и копорая при-

(*) Вѣ Promenades solitaires.

гопояляетъ ихъ къ новой дѣятельности, начинающейся за прагомъ смерти.

Но кратко было успокоеніе твое! Новой ударъ грома перервалъ его, и сердце великаго мужа облилося кровію. „Дайте мнѣ умереть, — говорилъ онъ въ горести души своей, — дайте мнѣ умереть покойно! Пусть желѣзные замки и тяжелые запоры гремятъ на дверяхъ моей хижины! Заключите, заключите меня на островѣ, есѣли вы думаете, что дыханіе мое для васъ ядовито! Но перестаньте гнать несчастнаго! Лишите меня дневнаго свѣта, и только въ ночное время позвольте мнѣ бѣдному вздохнуть на свѣжемъ воздухѣ!“ Нѣтъ, слабой старецъ долженъ просиѣться съ любезнымъ своимъ островомъ — и послѣ того говоря, что Руссо былъ мизантропъ! Скажите, кто бы не сдѣ-

лался такимъ на его мѣстѣ? Развѣ шопъ, кто никогда не любилъ человѣчества!

Я сидѣлъ въ задумчивости, и вдругъ увидѣлъ молодого человѣка, копорой, нахлучивъ себѣ на глаза круглую шляпу, тихими шагами ко мнѣ приближался; въ правой рукѣ была у него книга. Онъ остановился, взглянулъ на меня, и сказавъ: *Vous pensez à lui* (*вы объ немъ думаете*) пошелъ прочь такими же тихими шагами. Я не успѣлъ ему отвѣчать и хорошенько посмопрѣлъ на него; но выговоръ его и зеленой фракъ съ золотыми пуговицами увѣрили меня, что онъ Англичанинъ.

На островѣ только одинъ домъ, въ копоромъ живетъ Управитель съ семействомъ своимъ; шупъ жилъ и Руссо. — Сей островъ, принадлежащій Берну, называется нынѣ по большой части Руссовымъ. —

Я былъ еще въ Ивердонѣ , Нёшатель и въ другихъ городкахъ Швейцаріи. Въ Ивердонской публичной библіотекѣ показывають скелеты , найденные въ землѣ лѣтъ за двадцать передъ симъ , близъ одной мельницы. Лицами лежали они къ востоку ; въ ногахъ у нихъ стояли глиняныя урны и маленькія блюда съ костями разныхъ птицъ. Тутъ же нашли еще нѣсколько серебряныхъ и мѣдныхъ медалей Константина времени. — Во всей Швейцаріи видно изобиліе и богатство ; но какъ скоро переспустишь въ Савойскую землю, увидишь бѣдность, людей въ раздранныхъ рубищахъ, множество нищихъ, — вообще неопрятность и нечистоту. Народъ лѣнивъ, земля необработана , деревни пусты. Многіе изъ поселянъ оспавляютъ свои жилища , ѣздятъ по свѣту съ учеными сурками и забавляютъ ребятъ. Въ

Карушѣ, первомѣ Савойскомѣ городкѣ, споймѣ полкѣ; но какіе солдапы! какіе Офицеры! Нещасная земля! Нещасливѣ и путешественникѣ, которой долженѣ въ Савойскихѣ пракпирахѣ искапѣ обѣда, или убѣжища на время ночи! Надобно закрытьѣ глаза и зажапѣ носѣ, естѣли хочешѣ утопипѣ голодѣ; постели такѣ чисты, чпѣ я никогда на нихѣ не ложился.

Наконецѣ мирѣ и тишина царствуюпѣ въ Женевѣ. Перемѣна, происшедшая за нѣсколькѣ мѣсяцевѣ передѣ симѣ въ правленіи Республики, утврждена союзными державами: Франціею, Канпономѣ Берномѣ, Савоіею; и тѣ избѣ гражданѣ, которые прежде были выгнаны избѣ Женевы, могутѣ теперь возвратипѣся. Не давно выбирали новыхѣ Синдиковѣ. Всѣ Женевцы, собравшіеся въ церкви Св. Петра, подтверждали сей вы-

борѣ, кладя руку на Библию. Первой судья говорилъ рѣчь, и давалъ гражданству опчепѣ въ дѣлахъ смѣняемыхъ Синдиковѣ. Потомъ новые судьи, держа въ рукахъ жезлы правленія, присягали и обѣщались наблюдать пользу Республики. Все было тихо и торжественно. Иностранцевъ впускали по билетамъ на галерею.—

Не давно случился здѣсь слѣдующій комико - печальной анекдотъ. Я писалъ къ вамъ о Женевскомъ гульбищѣ *sur la Treille*, гдѣ (а особливо въ праздники) собирается множество людей, мужчинъ и женщинъ, Женевцовъ и чужестранныхъ. Въ послѣднее воскресенье одинъ молодой Англичанинъ, — но не попъ, котораго видѣлъ я на островѣ Св. Пешра, — къ удивленію всѣхъ явился тамъ на кургузомъ конѣ своемъ, пустился въ галопъ по алеѣ и едва не передавилъ гуляющихъ. Здѣ-

шній Полицейской Судья схватилъ лошадь его за узду и сказалъ ему, что по *Трели* ходяшъ, а не ѣздяшъ. *А я хоту ѣхать*, отвѣчалъ Англичанинъ. — „Вамъ не позволяшъ.“ — *Кто, кто мнѣ не позволитъ?* — „Я, именемъ закона.“ — Англичанинъ высунулъ языкъ, далъ шпоры своей лошади и поскакалъ. *Бунтъ! мятежъ!* закричали Женевцы — и черезъ нѣсколько минушъ явился на *Трели* опрядъ здѣшней Гвардіи. Вы думаете можетъ быть, что Англичанинъ скрылся? Никакъ — онъ ѣздилъ по аллеямъ, свиспалъ, махалъ своимъ хлыстикомъ, дразнилъ пѣхъ, копорыхъ фізіогномія ему не нравилась, и хошѣлъ передавишъ солдатъ, когда они окружили его; но дерзкаго Британца, не смотря на его храброе сопротивленіе, спащили съ лошади и опвели въ караульню. Черезъ полчаса прибѣжала къ нему

молодая женщина, и со слезами бросилась обнимать его. Онъ началъ говорить съ нею по-Англійски, и оборотившись къ караульному Офицеру, сказалъ ему: *вся ваша Республика не стоитъ слезы ея.* Увѣряютъ, что Синдики за такое Женевохуленіе продержали его лишній день подъ спражею. Вчера онъ получилъ свободу и уѣхалъ изъ Женевы.

Графъ Молпке и Поэтъ Багзенъ теперь въ Женевѣ. Они бѣдили на нѣсколько дней въ Парижѣ и возвращаются опять въ Бернъ. Багзенъ еще не женился, и спѣшилъ къ своей невѣстѣ. Графъ съ восхищеніемъ говоритъ о своемъ путешествіи, о Парижѣ, Ліонѣ, и проч; но Поэтъ говоритъ мало, потому что онъ весь свой жаръ испощаетъ въ письмахъ къ Софіи. Нынѣ ввечеру ходили мы прогуливаться, и я показывалъ имъ лучшія мѣста и

виды вокругъ Женевы. Молтке, смотря на бѣлую гору, подымалъ руки, — громкими восклицаніями изъяслялъ воспоргъ свой, — увѣрялъ, что онъ хотѣлъ бы жить и умереть на снѣжной вершинѣ ея, и дивился тому, что никто изъ земныхъ владыкъ, для безсмертія славы своей, не вздумалъ намо-спить большой дороги отъ низу до верьху сей горы, такъ, чпобы пуда можно было ѣздить въ карешахъ. Вы видите, что Графъ любилъ гигантскія мысли!

Дашчане Молтке, Багзенъ, Беккеръ и я были нынѣ поутру въ Фернеъ, — осмопрѣли все, поговорили о Вольперѣ, и пробѣжали обѣдать въ Жаншу, къ Созерцателю Натуры, которой принялъ насъ съ обыкновенною своею привѣтливостію. „Теперь вы окружены сѣверомъ“ — сказалъ я, когда мы сѣли вокругъ его. Мы

многимъ обязаны вашему краю, оп-
вѣчалъ онъ: тамъ возшла новая
заря наукъ; я говорю объ Англіи,
которая есть также сѣверная зем-
ля, а Линней былъ вашъ сосѣдъ. —
Каждого изъ насъ по очереди са-
жалъ Боннепъ подлѣ себя, и со-
всякимъ находилъ особливую ма-
терію для разговора: съ Графомъ,
копорого дѣдушка былъ Мини-
стромъ, разсуждалъ онъ о поли-
тическомъ состояніи Даніи, съ
Багзеномъ о невѣстѣ его, съ Бек-
керомъ о Химіи и Минералогіи,
со мною о Руской Литтературѣ
и характерѣ Женевцовъ. Потомъ
разговоръ сдѣлался общимъ; —
Галлеръ былъ предметомъ его. Съ
какимъ жаромъ великой Боннепъ
превозносилъ достоинства вели-
каго Галлера! Тридцать лѣтъ лю-
били они другъ друга. Слезы нѣ-
сколько разъ показывались въ гла-
захъ нашего почтеннаго спарца.
Онъ сыскалъ письма покойнаго

друга своего, и опдалъ Багзену
 чипать ихъ; послѣднее, писанное
 Галлеромъ за нѣсколько дней пе-
 редъ его смертію, всѣхъ насъ за-
 спавило плакать. Нѣкоторыя спро-
 ки остались въ моей памяти;
 вошъ онъ: „Скоро, любезный и
 „почтенный другъ мой! скоро не
 „будетъ меня въ семъ мірѣ. Об-
 „рацаю глаза на прошедшую жизнь
 „мою, и полагаясь на благоспѣ
 „Провидѣнія, спокойно ожидаю
 „смерти. Въ сію минуту болѣе,
 „нежели когда нибудь, благодарю
 „Бога за то, что я воспитанъ
 „былъ въ Христіанской Религіи,
 „и что спасительныя истины ея
 „всегда жили въ моемъ сердцѣ.
 „Благодарю Его и за вашу драго-
 „цѣнную дружбу, копорая служи-
 „ла мнѣ утѣшеніемъ въ жизни,
 „и пишала въ душѣ моей любовь
 „къ мудрости и добродѣтели...
 „Простите, дражайшій другъ мой!
 „Живите еще многія лѣта, и про-

„свѣщайте челоуѣчество; живите,
 „и распространяйте царство доб-
 „родѣтели! . . . Проспите ! Въ сію
 „минуту душа моя къ вамъ спре-
 „мится : — я хотѣлъ бы обнять
 „васъ въ послѣдній разъ ; хотѣлъ
 „бы въ послѣдній разъ слышать
 „изъ устъ вашихъ сладостное на-
 „именованіе друга ; хотѣлъ бы
 „словесно изъяснить вамъ всю при-
 „знательность, всю чувствитель-
 „ность моего сердца. . . . Я оспа-
 „вляю дѣшей : будьте имъ впо-
 „рымъ отцомъ , наставникомъ ,
 „покровителемъ , другомъ ! . . .
 „Проспите ! Гдѣ и какъ мы уви-
 „димся , не знаю ; но знаю то ,
 „что Богъ премудръ, благъ и все-
 „силенъ ; — мы бессмертны ! друж-
 „ба наша бессмертна ! . . . Скоро
 „зашумитъ и подыметъя передо
 „мною непроницаемая завѣса —
 „слава Всевышнему ! . . . Проспи-
 „те въ послѣдній разъ — рука моя
 „слабѣетъ — въ послѣдній разъ на-

„зываюсь здѣсь вашимъ вѣрнымъ,
 „нѣжнымъ, признаштельнымъ, бла-
 „годарнымъ, умирающимъ, но вѣч-
 „нымъ другомъ!“ — Съ такими
 чувствами, любезные друзья мои,
 кончалъ жизнь свою сей великой
 мужъ—и да будетъ конецъ нашъ
 подобенъ его концу! — Боннепъ
 взялъ за руку Багзена, и сказалъ
 ему голосомъ распроганнаго сер-
 дца: *Вы женитесь на внука его:
 обнимите меня!*

Тутъ слуга пришелъ сказать,
 что Госпожа Боннепъ дожидает-
 ся насъ къ обѣду. Почтенной хо-
 зяинъ рекомендовалъ ей моихъ
 поварищей, и указывая на Багзе-
 на, сказалъ: *онъ любимъ того, ко-
 торая намъ столько любезна!*

За обѣдомъ Багзенъ долженъ
 былъ рассказать хозяйкѣ, какимъ
 образомъ онъ познакомился съ дѣ-
 вицею Галлеръ. Я хотѣлъ бы,
 чпобы вы послушали его. По-Фран-
 цузски изъясняется онъ съ пру-

домъ ; но живоспѣ его словъ и движеній прогаепѣ душу. — Въ жару своемъ Поэтѣ нашѣ заговорилѣ-было съ Боннепомъ ; но любезной спарецѣ, взявъ его за руку, сказалѣ ему весьма покойно : *мой другѣ! я Пифагореецѣ, и обѣдаю въ молчаніи.* Багзенѣ замѣшался, и замолчалѣ ; но Госпожа Боннепѣ просила его досказапѣ.

Послѣ обѣда ходили мы прогуливаться. „Въ этой бесѣдкѣ, говорилѣ Боннепѣ, сочинялѣ я предисловіе къ Палигенезіи; здѣсь, на берегу озера, первыя главы ея ; шупѣ, подѣ высокимъ каштановымъ деревомъ, заключеніе *Разсматриванія Матуры.* На чистомѣ воздухѣ мысли мои бьваютьъ свѣжѣе.“ — Часы или минувшы сочиненія — пѣ минувшы, въ копорыя душа его, божественнымъ огнемъ согрѣпая, предаепся быспрому спремленію мыслей и чувспвѣ своихъ — называетѣ онѣ

щаспливѣйшими, сладкими, небесными минушами.

Разговоръ зашелъ о стихотворствѣ. Багзенъ увѣрялъ, что онъ никогда уже не будетъ писать стихами (*), потому что сей родъ сочиненій есть совсѣмъ неестественной, и мѣшаетъ чувствамъ изливаться во всей ихъ полнотѣ и свободѣ. „Я опчаспи согласенъ съ вами, сказалъ Боннетъ, и признаюсь, что хорошая проза мнѣ лучше нравится; но можетъ быть для того, что я не Поэтъ.“ — *Тотъ, кто въ заключеніи Палингезіи написалъ: notre PERE! . . . notre PERE! . . . nous. . . есть величайшій изъ Поэтовъ*, сказалъ Багзенъ, и сею искреннею похвалою пронулъ чувствительнаго шарца.

Боннетъ называетъ Галлерову

(*) Однакожь не давно выдалъ онъ многія піесы въ стихахъ.

Поэму о происхожденіи зла самую лучшею изъ философическихъ стиховореній; хвалилѣ также и Essay on Man. Онѣ любилѣ и уважалѣ Клопштока, хотя никогда съ нимѣ не видался.

Мы пробыли въ Жанпѣ до пяти часовѣ.

Февраля 2, 1790.

Аббатѣ Н*, Раздавашель милоспыни при Французскомѣ Посольствѣ, игралѣ важную ролю въ Женевскихѣ общеспвахѣ. Онѣ былѣ довольно ученѣ, знакомѣ со всѣми Французскими славными и полуславными Стиховорцами и Прозаиспами, остроуменѣ, веселѣ, забавенѣ. Отѣ шести часовѣ до осьми — время, въ которое обыкновенно въ вечернихѣ Женевскихѣ собраніяхѣ всѣ безѣ исключенія садяшся за карточные сполы —

бывалъ онъ душею дамской бесѣды, загадывалъ загадки, шарады; рассказывалъ смѣшныя и прогапельныя Парижскіе анекдоты и поему подобное. Любезной, милой Аббапъ! говорили Дамы, садясь за карпы.

Въ мірѣ все подвержено переменѣ—въ физическомъ и моральномъ—и вдругъ веселой, забавной Аббапъ спалъ задумчивъ, печаленъ, молчаливъ. Въ собраніяхъ являлся онъ такъ же часто, какъ и прежде, но ролю игралъ совсѣмъ иную. Напрасно Дамы хотѣли ввести его въ разговоръ: отвѣты его были коротки, улыбки принужденны. Что сдѣлалось съ нашимъ Аббапомъ? говорили всѣ его знакомые, и никто не могъ сыскать причины такой внезапной перемены. Нѣкоторые изъ пріятельницъ его хотѣли проникнуть въ тайну; однако же всѣ приступы были безуспѣшны. На примѣръ:

„Съ нѣкопорого времени вы печальны, Г. Аббатъ.“ — Я, сударыня? Можетъ быть. — „Друзья ваши берутъ участіе въ вашей горести, хотя и не знаятъ причины ея.“ — Мнѣ имѣ сказать нечего. — „Позвольте въ этомъ сомнѣваться.“ — Какъ вамъ угодно. — — Однимъ словомъ, Аббатъ молчалъ, и Дамы наконецъ его оставили. Другой Аббатъ, пріѣхавшій изъ Парижа, заступилъ его мѣсто.

Въ сіе время я узналъ его. Ему было за сорокъ лѣтъ; однакожь по свѣжести лица его, копорая и отъ самой печали не увяла, всякой бы почелъ его тридцати-пятилѣтнимъ человекомъ. Видъ его былъ сумраченъ и важенъ; глаза томны, — но въ нихъ блистали еще искры душевнаго огня. Нѣсколько разъ встрѣчался я съ нимъ въ уединенныхъ своихъ прогулкахъ; нѣсколько разъ находилъ его сидящаго подъ каштановыми деревь-

ями на пригоркѣ, откуда на правой сторонѣ видны снѣжныя Са-
войскія горы, прямо Женевское
озеро, а на лѣвой синяя гора Юра,
которая проспирася до самаго
Базеля. Ему конечно мѣсто сіе
было такъ же любезно, какъ и
мнѣ. Задумчивъ, углубленъ въ са-
мого себя, смотрѣлъ онъ на увя-
дающій дернъ—уже приближалась
зима—или на тихое озеро. Ино-
гда садился я подлѣ него и ду-
малъ о друзьяхъ своихъ. Оба мы
думали, и молчали.

Секретарь Посольства, проснув-
шись однажды въ три часа за
полночь, увидѣлъ огонь въ комна-
тѣ у Аббата, которая отъ его
комнаты отдѣлялась одною пере-
городкою съ стеклянною дверью.
Ему захотѣлось узнать, что дѣ-
лаетъ Аббатъ. Онъ подо-
шелъ къ двери, и увидѣлъ его
стоящаго на колѣняхъ передъ
Распятиемъ. Руки его бы-

ли просперты кѣ предмету, имѣ обожжаемому; сердечное умиленіе изображалось на его лицѣ, блестящія слезы капились изъ глазъ его. Молодой Секретарь никогда не былъ набоженъ; но въ сію минуту почувствовалъ благоговѣніе, и стоялъ неподвижно. Черезъ нѣсколько минутъ Аббатъ вспалъ, сѣлъ и началъ писать. Секретарь легъ опять на постелю, но не могъ заснуть. Свѣча горѣла у Аббата до самого утра. Въ девять часовъ вышелъ онъ изъ своей комнаты. Глаза его были красны, лице блѣдно; впрочемъ не примѣтно было въ немъ никакого безпокойства. Секретарь спросилъ у него, покойно ли онъ спалъ? Очень покойно, отвѣчалъ Аббатъ, и предложилъ ему иппи прогуливаясь. Они вышли на *Трель*, ходили взадъ и впередъ около часа, и разговаривали о погодѣ и шому подобномъ. День былъ праздничной,

и Аббату въ десять часовъ надлежало служишь обѣдню. Службу опправляяль онъ съ опмѣннымъ усердіемъ; послѣ чего, не сказавъ ни слова, вдругъ скрылся. Насталъ часъ обѣда, Аббатъ не возвращался; насталъ часъ ужина, Аббатъ не возвращался; прошла ночь, и его все еще не было дома. Поутру Секретарь увѣдомилъ о томъ Резидента. Послали спрашивать къ знакомымъ; но никто не видалъ его. Послали наконецъ спросить о немъ въ караульняхъ. Часовой у Швейцарскихъ воротъ сказалъ, что Аббатъ наканунѣ въ первомъ часу по полудни вышелъ изъ города. Спрашивали въ окрестностяхъ; но болѣе не могли о немъ ничего свѣдать. Всѣ вещишки его и кошелекъ съ луидорами оспались въ его комнаѣ. Аббатъ пропалъ! говорили въ городѣ, и наконецъ позабыли Аббата. У него не было друзей! Онъ не имѣлъ того, что я имѣю!

Тамъ, гдѣ дикая Арва сливается съ зеленою Роною, прогуливались два чужестранца, и разговаривали о жизни человѣческой. Быстро, быстро печенъ она! сказалъ одинъ изъ нихъ, взглянуль на спремипельную Рону, и увидѣль—несущееся тѣло; большой камень оспановилъ его.

Тѣло выпащили, и узнали несчастной жребій Аббапа. Два мѣсяца лежалъ онъ въ водѣ. Глазъ было совсѣмъ не видно; синее, размокшее лице устрашало взоры чувспвипельнаго. Въ одномъ карманѣ нашли у него муфту, въ другомъ черную его мантію.

Трупъ погребли въ первомъ Французскомъ селеніи, верспахъ въ прехъ опъ Женевы, безъ всякаго обряда. Нѣтъ камня на могилѣ его—нѣтъ надписи. Спрашливое суевѣріе бѣжитъ опъ сего мѣспа. Тупъ лежитъ погибшій, говорятъ поселяне.

Причина, для чего Аббатъ возненавидѣлъ жизнь, по сіе время не извѣстна.

Женева, 28 февраля, 1790.

Не знаю, что думаетъ о вашемъ молчаніи, любезнѣйшіе друзья мои! Съ неперпѣніемъ ожидаю почты —она приходитъ—бѣгу, спрашиваю—и тихими шагами возвращаюсь домой, повѣся голову, смотря въ землю, и не видя ничего. Все представляю себѣ — и возможности утрачиваю меня. Ахъ! естли васъ не будетъ на свѣтѣ, то связь моя съ опечесствомъ перервется—я пойду искать какой нибудь пустыни во глубинѣ Альпійскихъ горъ, и тамъ, среди печальныхъ и ужасныхъ предметовъ Напуры, въ вѣчномъ уныніи проведу жизнь мою.

Но можетъ быть вы живы и

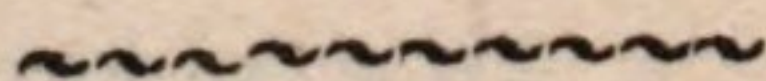
благополучны; можетъ быть письма ваши какъ нибудь пропадаютъ — вотъ моя надежда, мое утѣшеніе! Сумракъ и ясность, ненастье и ведро, смѣняются теперь въ душѣ моей, подобно какъ въ непостоянномъ Апрѣлѣ. — Въ самомъ печальномъ расположеніи принялся я за перо; теперь мнѣ лучше.

Черезъ три дни, друзья мои, выѣду изъ Женевы. Главное мое упражненіе состоитъ теперь въ томъ, чтобы разсматривать ландкарту, и сочинять планъ путешествія. Мнѣ хочется пробраться въ южную Францію, и видѣть прекрасныя страны Лангедока и Прованса; но какъ я не думаю пробыть тамъ долго, то вы должны писать ко мнѣ въ Парижъ, подъ адресомъ: A Messieurs Breguet & Compagnie, Quai des Morfondus, pour remettre à Mr. N. N. Если же по обстоятельствъ моемъ получены будутъ въ Женевѣ отъ васъ письма,

по Г. Бьенцѣ , любезной зна-
 мецѣ мой, перешлешь ихъ ко мнѣ.

Живучи здѣсь, я часто досадо-
 валъ на Женеэцовъ , и нѣсколько
 разъ хотѣлъ описать характеръ
 ихъ самыми несвѣплыми краска-
 ми ; но теперъ , на прощаньи , не
 могу сказать объ нихъ ничего ху-
 даго. Сердце мое помирилось съ
 ними, и я желаю имъ всякаго доб-
 ра. Пусть цвѣтешь маленькая об-
 ласъ ихъ подъ тѣнію Юры и
 Салева! Да наслаждающся они пло-
 дами своего шрудолубія , искус-
 сѣва и промышленности! Да раз-
 суждающъ спокойно въ *серкляхъ*
 своихъ о происшествіяхъ міра, и
 пусть дамы ихъ загадываютъ за-
 гадки глухимъ Баронамъ! Пусть
 всѣ Европейцы съ сѣвера и юга
 пріѣзжаютъ къ нимъ на вечерин-
 ки , играютъ въ Вискъ по гривнѣ
 партію , и пипъ чай и кофе! Да
 будешь ихъ Республика многія ,

многія лѣта прекрасною игрушкою на земномѣ шарѣ (*):

Нынѣ поушру вышелъ я изъ города въ глубокой задумчивости. Но мало по малу меланхолическія мысли разсѣялись; взоры мои, устремленные на величественное озеро, тихо плавали на прозрачныхъ зыбяхъ его. Мнѣ спало такъ легко, такъ хорошо! Воздухъ былъ такой теплой, такой чистой! На деревьяхъ порхали пшички, махали крылошками, и послѣ зимняго молчанія запѣвали радостныя пѣсни, на вѣтвяхъ, еще не одѣтыхъ лисьями. Дыханіе весны возбуждало жизнь и дѣятельность въ Природѣ.

Наконецъ въ послѣдній разъ я былъ у Боннепа, и говоря съ нимъ искренно, открылъ ему свое горе. Онъ сожалѣлъ обо мнѣ, утѣшалъ

(*) Это желаніе не исполнилось!

меня—голосъ и глаза его показывали, чпо эпо сожалѣніе, эпо утѣшеніе было не припворное. — Обѣщанныя примѣчанія къ Contemplation (*) я получилъ. Беккеръ (копорой, къ великому моему удовольствію, ѣдепѣ вмѣстѣ сомною) велѣлъ мнѣ спросить у Боннепа, когда онѣ позволипѣ ему проспипсья съ нимѣ? *Онѣ вашѣ пріятель*, опвѣчалъ любезный спарикѣ: *и такѣ во всякое время я буду радѣ ему*. Какая душа! и какѣ мнѣ забыпѣ его привѣпливоспѣ, его ласки!—Слезы не удержались въ глазахѣ моихѣ, когда мнѣ надлежало съ нимѣ прощапсья. „Живипе (сказалъ я), живипе „для блага человѣчеспва!“ Онѣ обнялъ меня — желалъ мнѣ щаспія; желалъ, чпобы вы, друзья мои,

(*) Quelques Notes additionnelles pour la Traduction en Langue Russe de la *Contemplation de la Nature*, par M. . .

были здоровы, и чтобы я скоро получилъ отъ васъ письма. Милой, милый Боннепъ! Философъ съ чувствомъ! — Я зашворилъ за собой дверь его кабинета; но онъ вышелъ, и кричалъ мнѣ въ слѣдъ: *adieu, cher K...., adieu!* — Боннепъ далъ мнѣ два адреса въ Лионъ, къ Гг. Жилиберу и де-ла-Турепу, Директору и Секретарю Академіи.

Цѣлой вечеръ бродилъ я по Женевскимъ окрестностямъ, и прощался съ любезнѣйшими мнѣ мѣстами. На высокомъ берегу шумящей Роны, тамъ, гдѣ впадаетъ въ нее Арва, и гдѣ съ крупной скалы низвергается пѣнистой ручей, просиживалъ я часто до самой ночи; опшуда взглянулъ нынѣ въ послѣдній разъ на тихое, прекрасное озеро, на Савойскую долину, на горы и пригорки — вспомнилъ, гдѣ что думалъ, гдѣ что чувствовалъ — и едва не забылъ того вре-

мени, въ которое запираются городскія воропа.— Прощите, милые друзья мои! Естли вы здоровы, то я доволенъ Судьбою; и получивъ отъ васъ письмо, забуду все теперешнее горе! Прощите! — Вотъ послѣдняя строка изъ Женевы! — Марша 1.

*Горная деревенъка въ Pays de Ges,
Марта 4, 1790, въ полночь.*

Нынѣ послѣ обѣда побѣхали мы изъ Женевы, въ двумѣспной Англійской каретѣ, копорую нанялѣ я до самага Ліона за чепыре лудора съ палеромъ, и по гладкой, прекрасной дорогѣ приблизились къ Юрѣ. Вся грусть моя исчезла; тихое веселье—неописанное, сладкое удовольствіе заступило мѣсто ея въ моемъ сердцѣ. Никогда еще не путешествовалъ я такъ пріятно, съ такою удобностію. Доброй шо-

варищѣ, покойная кареша, услужливой извощикѣ, переменна мѣспа — мысль о томъ, что скоро увижу — все это привело меня въ самое щасливѣйшее расположеніе, и каждой новой предметъ оживлялъ мою радость. Беккеръ былъ такъ же веселъ, какъ и я; кучеръ нашъ былъ такъ же веселъ, какъ и мы. Прекрасной выѣздъ!

Тамъ, гдѣ гора Юра за нѣсколько тысящелѣтій передъ симъ разспутилась на своемъ основаніи, съ такимъ прескомъ, опѣ котораго можетъ быть Альпы, Аппенины и Пиренеи задрожали, вѣѣхали мы во Францію при спрашномъ сѣверномъ вѣтрѣ, и были встрѣчены осмотрщиками, которые съ величайшею учпиво-стію сказали, что имъ должно видѣть наши вещи. Я отдалъ Беккеру ключъ опѣ моего чемодана и пошелъ въ корчму. Тамъ передъ

каминомъ сидѣли *Монтаньяры*, или горные жители. Они взглянули на меня гордо, и оборопились опять къ огню; но услышавъ привѣтствіе мое : *bonjour, mes amis!* (*здравствуйте, друзья*)! приподняли свои шляпы, раздвинулись и дали мнѣ мѣсто подлѣ огня. Важный видъ ихъ заставилъ меня думать, что люди, живущіе между скалъ, на пусыхъ утесахъ, подъ шумомъ вѣтровъ, не могутъ имѣть веселаго характера; мрачное уныніе будетъ всегда ихъ свойствомъ — ибо душа человека есть зеркало окружающихъ его предметовъ.

Эта пограничная корчма есть живой образъ бѣдности. Вмѣсто крыльца служатъ два дикіе камня, одинъ на другой положенные, и на копорые надобно взбираться какъ на Альпійскую гору; внутри нѣтъ ничего, кромѣ голыхъ стѣнъ, превеликаго спола и десяти или двѣнадцати полстыхъ опрубковъ

или чурбановъ, называемыхъ спуль-
ями; полъ кирпичной—но онъ по-
чпи весь выломанъ. — Черезъ нѣ-
сколько минутъ пришелъ Беккеръ,
и началъ говорить со мною по-
Нѣмецки. Спарикъ, которой си-
дѣлъ за столомъ и ѣлъ хлѣбъ съ
сыромъ, пропаянулъ уши, улыбнул-
ся и сказалъ: *дауъ! дауъ!* давая
намъ разумѣть, что онъ знаетъ,
какимъ языкомъ мы говоримъ меж-
ду собою. *Ме удивляйтесь*, про-
должалъ спарикъ: *я служилъ*
нѣсколько кампаній въ Нѣмецкой
землѣ и въ Нидерландахъ, подъ
начальствомъ храбраго Саксонскаго
Маршала. Вы конечно слыхали о
сраженіи при Фонтенуа: тамъ ра-
нили меня въ лѣвую руку. Смотри-
те — я не могу поднять ее выше
этова. — „Почтенной воинъ! ска-
залъ я, подошедши къ нему, и
взявъ его за правую руку: дозволь
мнѣ посмотрѣть на тебя.“ — Ин-
валидъ усмѣхнулся. „Давно ли пы

въ опспавкѣ, доброй спарикѣ?“ спросилъ Беккеръ. „Тридцать лѣтъ, отвѣчалъ онъ— много времени! не правда ли, баринъ? Мой Фельдмаршалъ давно уже лежитъ въ землѣ.“—Мы видѣли гробъ его. — „Вы видѣли гробъ его? гдѣ?“— Въ Спразбургѣ, мой другъ.— „Въ Спразбургѣ? Это далеко отсюда; я не дойду туда — а мнѣ хотѣлось бы поклониться его праху. Онъ былъ герой, государи мои — Генералъ, какихъ нынѣ уже нѣтъ, и быть не можетъ. Солдаты любили его какъ отца. Я какъ теперь смотрю на него: какой взоръ! какой голосъ! Въ день нашей побѣды его возили на телѣжкѣ — жестокая болѣзнь не позволяла ему сѣсть на лошадь — однакожь онъ повелѣвалъ, ободрялъ, и мы дрались какъ львы, какъ опчаянные. Я забылъ рану мою, и тогда уже упалъ на землю, когда вся наша армія въ одинъ голосъ восклик-

нула побѣду, и когда непріятели бѣжали опѣ насѣ какѣ робкіе зайцы. Какой день ! какой день!“ — Спарикѣ поднялѣ вверхуѣ голову, и болѣе двадцати лѣтъ сва-лилось вѣ одну минуѣу сѣ плечѣ его ; число морщинѣ на вѣпхомѣ лицѣ уменьшилось; пускые глаза спали свѣплѣе , и осьмидесяти-лѣтній воинѣ сѣ полспою своею клюкою гоповѣ былѣ маршироваѣть пропивѣ всѣхѣ соединенныхѣ ар-мій Европы. Я спросилѣ вина, на-лилѣ ему рюмку , и сказалѣ : „здоровье храбрыхѣ, заслуженныхѣ *Ветерановѣ!*“ — И *молдыхѣ путе-шественниковѣ!* примолвилѣ спа-рикѣ сѣ улыбкою, и выпилѣ до дна.— Мы узнали опѣ него , что онѣ живепѣ у своего внука вѣ од-ной изѣ горныхѣ деревенѣ, ходилѣ вѣ госпи кѣ другому внуку, и за-шелѣ вѣ корчму опдохнуѣть. Меж-ду шѣмѣ намѣ должно было бѣхатѣ. Я хошѣлѣ было даѣть ему *экио* ,

но побоялся оскорбить благородную гордость спараго героя. Онъ проводилъ насъ до крыльца, и кричалъ осмопрщикамъ: „я надѣюсь, государи мои, что вы были учпивы пропивъ иноспранныхъ господъ!“ *Конечно!* отвѣчали они со смѣхомъ, и пожелали намъ щасливаго пути, не требуя съ насъ ни копѣйки.

Мы долго ѣхали между распавшейся Юры, копорая съ обѣихъ споронъ дороги возвышалась какъ гранипная стѣна — и на сихъ спрашныхъ ушесахъ, надъ головами нашими, по узенькимъ пропинкамъ ходили люди, согнувшись подъ тяжелыми ношами, или гоня передъ собою навьюченныхъ ословъ. Не лзя безъ ужаса смотрѣть на нихъ; кажется, что они всякую секунду упасъ гошovy.— Насъ оспановили въ первой Французской крѣпости, *Форъ де-л'Экюзъ*, копорую можно назвапъ

неприспупною , пошому чшо со всѣхъ споронѣ ограждають ея неизмѣримыя пропасши и крушизны. — Шо человекѣ могутъ зашиши эту крѣпость прошивъ десяти тысячъ непріятелей. Тамошній гарнизонѣ состоишъ изъ 150 инвалидовѣ , подѣ командою спараго Майора, копорой долженѣ былѣ подписать имя свое на пропускѣ нашемѣ. Я позабылѣ сказать вамѣ , чшо мнѣ дали въ Женевѣ паспортѣ— слѣдующаго содержания:

Nous Syndics & Conseil de la Ville et Republique de Geneve , certifions à tous ceux qu'il appartiendra que Monsieur K. agé de 24 ans , Gentilhomme Russe, lequel allant voyager en France , afin qu'en son Voyage il ne lui soit fait aucun déplaisir, ni moleste, Nous prions, & affectueusement requerons, tous ceux qu'il appartiendra, & auxquels il s'adressera , de lui donner libre & assuré passage dans

les Lieux de leur Obéissance, sans lui faire, ni permettre être fait, aucun trouble ni empêchement, mais lui donner toute l'aide & l'assistance qu'ils desireroient de nous, envers ceux qui de leur part nous seroient recommandés. Nous offrons de faire le semblable toutes les fois que nous en serons requis. En foi de quoi nous avons donné les Presentes sous notre Sceau & Seing de notre Secretaire, ce premier Mars Mil sept cent quatre-vingt dix.

PAR MESDITS SEIGNEURS

SYNDICS & CONSEIL.

Puerari.

И такъ еспѣли кто нибудь оскорбишѣ меня во Франціи, то я имѣю право принести жалобу Женевской Республикѣ, и она должна за меня вспуписья! Но не думайте, чѣобы *великолѣпные* Синдики изъ опмѣнной благосклонности дали мнѣ эту грамоту: всякой можетѣ получишѣ такой паспортѣ. —

IV.

Ночью приѣхали мы къ тому мѣсту, которое называется la perte du Rhone, вышли изъ кареты, и хотѣли спуститься на берегъ рѣки; но добросердечной извозчикъ не пустилъ насъ, увѣряя, что одинъ несчастливой шагъ можетъ стоить намъ жизни. Недалеко отъ дороги свѣтился огонь. Мы нашли шамъ маленькой домикъ, и постучались у воротъ. Черезъ минуту явились шесть или семь человекъ, которые, услышавъ, что намъ надобно, взяли фонари, и повели или, лучше сказать, понесли насъ внизъ по каменному утесу. При слабомъ свѣтѣ фонарей видѣли мы вездѣ страшную дичь. Вѣтеръ шумѣлъ, рѣка шумѣла—и все вмѣстѣ составляло нѣчто весьма Оссіанское. Съ обѣихъ сторонъ ряды огромныхъ камней сжимаютъ Рону, которая течетъ съ ужасною быстротою и съ ревомъ. Наконецъ

сіи навислыя стѣны сходяпся, и рѣка совершенно скрывается подъ ними; слышанъ только шумъ ея подземнаго теченія. По камнямъ, образующимъ надъ нею высокой сводъ, можно ходить безъ всякой опасности. Въ нѣсколькихъ саженьхъ опшуда она опять вытекаетъ съ клубящеюся пѣною, мало по малу расширяется, спремившись уже не такъ быстро, и свѣплѣетъ между береговъ своихъ. — Тутъ пробыли мы около сорока минутъ, и возвратились къ карепѣ, заплачивъ гривенъ шесть нашимъ провожаемымъ (*).

Проѣхавъ еще версты чепыре, остановились мы ночевать въ одной маленькой деревенькѣ. Въ пракпирѣ опвели намъ очень хорошую и чисто прибранную ком-

(*) Въ память этой ночной сцены храню я нѣсколько блестящихъ камешковъ, находимыхъ близъ того мѣста, гдѣ скрывается Рона.

напу; развели вѣ каминѣ огонь, и черезъ часъ пригоповили ужинѣ, состоявшій изъ шеспи или семи блюдъ съ десерпомъ. Внизу веселились горные жишели, и пѣли просшыя свои пѣсни, копорыя, соединяясь съ шумомъ вѣпра, приводили душу мою вѣ уныніе. Я вслушивался вѣ мелодіи, и находилъ вѣ нихъ нѣчто сходное съ нашими народными пѣснями, споль для меня прогашельными. Пойте, горные друзья мои, пойте, и пріятноспію гармоніи услаждайте жишейскія гореспи! ибо и вы имѣете печали, опѣ копорыхъ бѣдной человѣкѣ ни за какою горою, ни за какою пропасшью укрышья не можетѣ. И вѣ вашей дикой спранѣ другѣ оплакиваетѣ друга, любовникѣ любовницу. — Зѣшняя пракширщица разсказала намѣ слѣдующій анекдотѣ:

Всѣ дѣвушки зѣшной деревни заглядывались на любезнаго Жана;

всѣ молодые люди засмапривались на милую Лизету. Жанъ съ самаго младенчества любилъ одну Лизету, Лизета любила одного Жана. Родители ихъ одобряли сію взаимную, нѣжную склонность, и щаспливые любовники надѣялись уже скоро соединиться на вѣки. Въ одинъ день, гуляя по горамъ вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, пришли они на край ужасной спремнины. Жанъ схватилъ Лизету за руку, и сказалъ ей: *удалимся! страшно!* — *Робкой!* отвѣчала она съ усмѣшкою: *не стыдно ли тебѣ бояться? земля тверда подъ нами. Я хочу заглянуть туда* — сказала, вырвалась у него изъ рукъ, приблизилась къ пропасти, и въ самую минуту камни подъ ея ногами покапились. Она ахнула — хотѣла схватиться, но не успѣла — гора прещала — все валилось — несчастная низверглась въ бездну, и погибла! — Жанъ хотѣлъ бро-

сипься за нею — ноги его подко-
 сились — онъ упалъ безъ чувствъ
 на землю. Товарищи его поблѣд-
 нѣли отъ ужаса — кричали: *Жанъ!*
Жанъ! но Жанъ не откликнулся;
 толкали его, но онъ молчалъ; при-
 ложили руку къ сердцу — оно не
 билось — Жанъ умеръ! Лизепу вы-
 тащили изъ пропасти; черепа не
 было на головѣ ея; лице — — Но
 сердце мое содрогается. — —
 Отецъ Жановъ пошелъ въ монахи.
 Мать Лизепина умерла съ горе-
 сти. — Не могу писать болѣе.
 Простите!

6 Марта, 1790.

Въ пять часовъ утра выѣхали
 мы вчера изъ горной деревеньки.
 Спрашной вѣперъ грозилъ безпре-
 станно опрокинуть нашу карету.
 Со всѣхъ сторонъ окружали насъ
 пропасти, изъ которыхъ каждая

напоминала мнѣ Лизету и Жана — пропасти, въ которыя не лзя смотрѣть безъ ужаса. Но я смотрѣлъ въ нихъ, и въ эпомъ ужасѣ находилъ нѣкоторое неизвяснимое удовольствіе, которое надобно приписать особливому расположенію души моей. Жерло всякой бездны *обсажено* оспрыми камнями; а во глубинѣ или внизу не рѣдко видна прекрасная мурава, орошаемая каскадами. Дерзкія козы спускаются шуда и щиплютъ зелень. Въ иныхъ мѣстахъ, на вершинѣ скалъ, заростають правою печальныя осипки древнихъ рыцарскихъ замковъ, бывшихъ въ свое время неприступными. Тамъ богиня Меланхолія во мшистой своей мантіи сидитъ безмолвно на развалинахъ, и неподвижными очами смотритъ на теченіе вѣковъ, которые одинъ за другимъ мелькають въ вѣчность, оставляя едва примѣтную пѣню на земномъ

шарѣ.—Такія мысли, такіе образы представлялись душѣ моей — и я по цѣлымъ часамъ сидѣлъ въ задумчивости, не говоря ни слова съ моимъ Беккеромъ.

Дорога въ сихъ дикихъ мѣстахъ такъ широка, что двѣ кареты могутъ свободно развѣхаться. Надлежало разсѣкать цѣлыя каменные горы, для того, чтобы провести ее: подумайте объ ужасномъ трудѣ и милліонахъ, копорыхъ она стоила! Такимъ образомъ трудолюбіе и полипическое просвѣщеніе націй поржествуетъ, такъ сказать, надъ Напурою, и граничныя преграды какъ прахъ разсыпаются подъ сѣкирою всемогущаго человека, копорой за безднами и за горами ищутъ подобныхъ себѣ моральныхъ существъ, чтобы съ гордою улыбкою сказать имъ: *и я живу на свѣтѣ!*

Наконецъ мнѣ душно стало въ каретѣ—я ушелъ пѣшкомъ далеко, далеко впередъ, и въ лѣсу встрѣшилъ чепырехъ молодыхъ женщинъ, которыя всѣ были въ зеленыхъ Амазонскихъ плащяхъ, въ черныхъ шляпахъ; всѣ бѣлокурыя, и прекрасныя лицомъ. Я остановился и смотрѣлъ на нихъ съ удивленіемъ. Онѣ также взглянули на меня, и одна изъ нихъ сказала съ лукавою усмѣшкою: *берегите свою шляпу, государь мой! вѣтеръ можетъ унести ее.* Тутъ я вспомнилъ, что мнѣ надлежало снять шляпу и поклониться красавицамъ. Онѣ засмѣялись и прошли мимо.—Это были путешествующія Англичанки: чепверомѣсная карета ѣхала за ними. Впрочемъ намъ встрѣчалось не много проѣзжихъ. —

Вчера ввечеру спустились мы въ пространныя равнины. Я почувствовалъ нѣкопорую радость.

Долго представлялись глазамъ моимъ необозримыя цѣпи высокихъ горъ, и видъ плоской земли былъ для меня новъ. Я вспомнилъ Россію, любезное опечесство, и мнѣ казалось, что она уже не далеко. Такъ лежатъ поля наши—думалъ я, предавшись сему мечпательному чувспву — такъ лежатъ поля наши, когда весеннее солнце распляшетъ снѣжную одежду ихъ, и оживляетъ озими, надежду текущаго года! — Вечеръ былъ прекрасной; умолкли горные вѣтры; пріятная теплота разливалась въ лучахъ заходящаго свѣтила. Но вдругъ пришло мнѣ на мысль, что друзей моихъ можетъ быть нѣтъ на свѣтѣ — прощайте, всѣ пріятныя чувспва! Я желалъ возвращаться на горы и слушать шумъ вѣтра. —

Въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, въ самыхъ бѣднѣйшихъ деревенькахъ находили мы хорошіе пракширы,

сыпной сполъ и чистую комнату съ каминомъ. За обѣдъ обыкновенно брали съ насъ двоихъ 70 су (около рубля двадцати копѣекъ), а за ужинъ и ночлегъ 80 или 85 су: что составилъ на наши деньги рубли полтора. Двѣ вещи опмѣнныя примѣнилъ я во Французскихъ *обержахъ*: первое, что въ ужинъ не подаютъ супа, слѣдственно *on soupe sans soupe*; второе, что на сполъ кладутъ только ложки съ вилками, предполагая, что у всякаго путешественника есть свой ножъ. — Нигдѣ не видалъ я такихъ мерзостныхъ надписей, какъ въ сихъ пракширахъ. Для чего вы ихъ не стираете? спросилъ я однажды у хозяйки. *Мнѣ не случилось взглянуть на нихъ*, отвѣчала она: *кто станетъ читать такой вздоръ?*

Въ одномъ маленькомъ мѣстечкѣ нашли мы великое спеченіе народа. Что у васъ дѣлается?

спросилъ я. — „Сосѣдъ нашъ Андрей (опвѣчала мнѣ молодая женщина) содержатель прачшира подъ вывѣскою *Креста*, сказалъ вчера въ пьянствѣ *передъ цѣлымъ свѣтомъ*, что онъ плюетъ на націю. Всѣ папріоты взволновались и хотѣли его повѣсипъ; однакъъ наконецъ умилоспивились, дали ему проспаться, и принудили его нынѣ публично въ церкви, и на колѣняхъ, просипъ прощенія у милосердаго Господа. Жаль мнѣ бѣднаго Андрея!“ —

Ліонъ, 9 Марта, 1790.

За двѣ мили опкрылся намъ *Ліонъ*. *Рона*, копорая снова явилась подлѣ дороги, и въ обширнѣйшемъ печеніи, вела насъ къ сему перво-класному Французскому городу, опдѣляя *Бресъ* опъ *Дофине*, одной изъ пространнѣйшихъ Фран-

цузскихъ провинцій, которую вда-
ли коронуютъ снѣгомъ покрышыя
горы, опрасли Савойскихъ Гиган-
товъ. — Издали казался Ліонъ не
такъ великъ, каковъ онъ въ самомъ
дѣлѣ. Пясть или шесть башенъ
подымались изъ темной громады
зданій. — Когда мы подѣвхали бли-
же, открылась намъ набережная
Ронская линія, состоящая изъ ве-
ликолѣпныхъ домовъ въ пясть и
шесть этажей : видъ пышной! —
У воротъ насъ остановили.
Осмотрщикъ весьма учтиво спро-
силъ, нѣтъ ли у насъ товаровъ?
и послѣ отрицательнаго отвѣта
заглянулъ въ каретной ящикъ,
поклонился и отошелъ прочь, не до-
пронувшись до нашихъ чемодановъ.
Мы вѣвхали въ набережную ули-
цу — и я вспомнилъ берегъ Невы.
Длинной деревянной мостъ пере-
гибается черезъ Рону; а на дру-
гой сторонѣ рѣки разсѣяны пре-
красные лѣшніе домики, окружен-

ные садами. Пробѣжавъ мимо Театра, огромнаго зданія, остановились мы въ Hôtel de Milan. Четыре человека бросились опьязывать наши чемоданы, и въ минуту все было внесено въ домъ, хотя намъ еще не отвели комнаты. Трактирщица встрѣтила насъ съ такою улыбкою, какой не видалъ я ни на Нѣмецкихъ, ни на Швейцарскихъ лицахъ. Къ несчастію всѣ горницы были заняты, кромѣ одной, весьма темной. Привѣтливая хозяйка увѣрила насъ, что на другой день отведетъ намъ прекрасную. Такъ и было! сказали мы, и одѣлись на скорую руку, чтобы идти въ Комедию. Между тѣмъ слуга, который прибиралъ комнату, желая украсить ее въ глазахъ нашихъ, увѣдомилъ насъ, что въ ней не давно жила чернобровая и черноглазая красавица, прѣбывавшая изъ Конспантинополя.

Въ пять часовъ пришли мы въ Театръ, и взяли билетъ въ партеръ. Ложы, паркетъ, раекъ—все было наполнено людьми. Весприсъ, первой Парижской танцовщикъ, въ послѣдній разъ общалъ веселилъ Ліонскую публику легкостію своихъ ногъ. Все шумѣло вокругъ насъ и надъ нами какъ улій пчелъ. Необыкновенная вольность удивила меня. Есѣли въ ложѣ или въ паркетѣ какая нибудь дама вспавала съ своего мѣста, то изъ партера кричали въ нѣсколько голосовъ: *садись! садись! à bas! à bas!* Вокругъ насъ было не много порядочныхъ людей, и для того уговорилъ я Беккера ийти въ паркетъ; но намъ сказали, что тамъ совсѣмъ нѣтъ мѣста, и одинъ молодой человекъ провелъ насъ въ ложу прешьяго эшажа, гдѣ нашли мы даму и знакома нашего Барона Баельвица, Гофмейстера Прин-

цевъ Шварцбургскихъ, которые въ тотъ же день пріѣхали въ Ліонъ и остановились также въ Hôtel de Milan. Дама предложила мнѣ мѣсто подлѣ себя; но я боялся пошѣснить ее и вошелъ въ другую маленькую ложу, надъ самою сценою, гдѣ никого не было. Занавѣсъ поднялся; представляли Комедию les Plaideurs. Я слышалъ только половину словъ, и не столько занимался піесою, сколько тѣми людьми, которые безпре-
спанно приходили ко мнѣ въ ложу, и опять уходили. Лишь только опустили занавѣсъ, со всѣхъ сторонъ высыпали на сцену актеры и актрисы *въ неглижѣ*, танцовщики и танцовщицы, и проч. и проч. Одни обнимались или плясали, другіе смѣялись, иные кричали: новой спектакль! Вестрисъ въ пашушьемъ плащѣ прыгалъ какъ рѣзвая коза. Музыка снова заиграла — всѣ театральные ге-

рои разсыпались — занавѣсъ поднялся — начался балетъ — Весприсъ показался — рукоплесканія какъ громъ раздались во всѣхъ концахъ театра. Правду сказать, искусство сего танцовщика удивительно. Душа сидитъ у него въ ногахъ, вопреки всѣмъ теоріямъ испытателей естества человеческого, которые ищутъ ее въ мозговыхъ фибрахъ. Какая фигура! какая гибкость! какое равновѣсіе! Никогда не думалъ я, чтобы танцовщикъ могъ доставить мнѣ столько удовольствія! Такимъ образомъ всякое искусство, подходящее къ совершенству, пріятно душѣ нашей! — Плескъ восхищенныхъ Французовъ заглушалъ музыку. Въ положеніи страстного любовника, котораго душа въ томныхъ вздохахъ сливается съ душою любовницы, сокрылся Весприсъ отъ глазъ зрителей, поцѣловалъ свою паспушку и бро-

сился отдыхать на лавку. Играли еще Комедию въ одинъ актъ, самую пустую. Попомъ начался новой балетъ— Весприсъ снова показался — и снова гремѣла хвала при каждомъ движеніи ногъ его. Между шѣмъ сѣли подлѣ меня два человека, одѣтые по дорожному. Вотъ разговоръ :

Одинъ (оборотясь ко мнѣ). Подлѣ насъ въ ложѣ сидишь Руской?

Я (заглянувъ въ другую ложу). Одинъ Нѣмецъ, другой Данчанинъ, прешьяго не знаю.

Одинъ. По крайней мѣрѣ я имѣю честь говоришь съ Рускимъ?

Я. Я Руской.

Другой. Быть не можетъ; Вы Французъ.

Я. Я Руской.

Одинъ. О! у васъ въ Россіи живуть весело. Не правда ли?

Я. Очень весело.

Одинъ. Давно ли вы здѣсь?

Я. Около трехъ часовъ.

Одинъ. Откуда вы приѣхали?

Я. Изъ Женевы.

Одинъ. А! прекрасной городъ!
Что говорятъ тамъ о Неккерѣ?

Я. По большей части хвалятъ его.

Одинъ. Куда вы ѣдете?

Я. Въ Парижъ.

Другой. Въ Парижъ? Bravo! bravo! Мы сей часъ опшуда. Что за городъ! А, государь мой! какія удовольствія васъ тамъ ожидаютъ! удовольствія, о копорыхъ здѣсь въ Ліонѣ не имѣютъ понятія. Вы конечно остановились въ Hôtel de Milan? и мы тамъ же. (*Своему товарищу*) Mon ami, nous partons demain? (Мы завтра поѣдемъ?)

Одинъ. Oui.

Другой. Правда, надобны деньги - - -

Одинъ. Что ты говоришь! Рускіе всѣ богаты какъ Крезы; они безъ денегъ въ Парижъ не ѣздатъ.

Другой. Какъ будто я не знаю

эпова! Правда, можно и съ небольшими деньгами жить весело, быть всякой день въ Театръ, на гульбищахъ.

Одинъ. Пять, шесть тысячъ ливровъ въ мѣсяцъ — по нуждѣ довольно. Ахъ! я болѣе издерживалъ!

Другой. Браво, Вестрисъ! браво!

Одинъ. Прекрасно! C'est dommage, qu'il soit bête. Je le connois très bien. (Жаль, что онъ превеликая скопина. Я его знаю). Графъ Мирабо имѣлъ дѣло, сказывающъ——

Другой. Съ Маркизомъ ——

Одинъ. За что?

Другой. Маркизъ зацѣпилъ его за живое въ Национальномъ Собраніи.—(Оборотясь ко мнѣ) Парижъ вамъ безъ сомнѣнія полюбитъ. Вы можете проживать, сколько вамъ угодно. Что принадлежитъ до моего поварища, то онъ жилъ слишкомъ пышно. Надобно признаться, что Лизета шебѣ дорого стоила.

Одинъ. А! (зажмуривается и храпитъ).

Я. Откуда вы, естли смѣю спросить?

Другой. Мы изъ Лангедока, жили долго въ Парижѣ, и теперь возвращаемся въ Монпелье.

Одинъ (просыпаясь) Браво, браво, Весприсъ! (Стучитъ палкою въ декорацию). Онъ первый панцовщикъ во вселенной! — (Задумывается и вздыхаетъ). Умирая, могу сказать, что я наслаждался жизнью; все видѣлъ — —

Другой. Все видѣлъ и все испыталъ! Примолви эшо, мой другъ! ха! ха! ха!

Одинъ. Mais oui, oui! Правда! — Вы вѣрно знаете того Рускаго Графа, которой нынѣшнюю зиму провелъ въ Монпельѣ?

Я. Графа Б...? по слуху.

Одинъ. Онъ у меня обѣдалъ въ загородномъ домѣ. Brave homme! (Задумывается и храпитъ).

Другой. Вы, право, хорошо говорите по-Французски.

Я. Извините — я говорю очень худо.

Одинъ. (*просыпаясь*) Прекрасно! очень хорошо!

Я. Вы очень снисходительны.

Одинъ. Черной кафтанъ приличнѣе всего для чужестранца въ Парижѣ.

Другой. Черной шелковой. — Женщины у васъ хороши?

Я. Прекрасны.

Одинъ. О! никто не знаетъ женщинъ такъ, какъ я! Мы видали Нѣмокъ, Испаніянковъ, (*помолтавъ*) — Гишпанокъ — (*помолтавъ*) Турчанокъ — (*помолтавъ*) и прочихъ, и прочихъ.

Другой. О! ты съ ними очень знакомъ! ха! ха! ха!

Одинъ. Вы пріѣхали водою?

Я. Извините.

Одинъ. И такъ сухимъ путемъ! А какъ называется тотъ Руской

городъ , откуда можно ѣхать водою въ Англію?

Я. Вы говорите конечно о Петербургѣ?

Одинъ. Да , да ! Жаль только, что у васъ холодно. (*Оборотясь къ своему пріятелю*). Кучера опмороживають тамъ бороды съ усами. — Браво, браво, Весприсъ! —

Между тѣмъ вошелъ къ намъ въ ложу Беккеръ, и началъ говорить со мною по-Нѣмецки.

Одинъ (*оборотясь къ Беккеру*). Вы Нѣмецъ?

Беккеръ. Извините — я изъ Копенгагена.

Одинъ. А ! — Вашъ языкъ сходенъ съ Нѣмецкимъ. Вѣдь вы говорите : *я менъ геръ?* А куда вы ѣдете?

Беккеръ. Въ Парижъ — съ нимъ (*указывая на меня*).

Одинъ. Браво! Tant mieux.

Балетъ кончился — занавѣсъ опустился. Паркетъ, ложи, пар-

перѣ— всѣ въ одинъ голосъ закричали : *останься здѣсь , Вестрисъ , останься здѣсь !* Крикъ продолжался нѣсколько минутъ. Занавѣсъ снова поднялся. Вестрисъ выступилъ—какой скромной видѣ! какая кропосъ во всей наружности! какіе поклоны ! Шляпу держалъ онъ у сердца. Надлежало зажать уши отъ громкаго плеска. Вестрисъ остановился. Вдругъ все умолкло — — можно было слышать работу кузнечика.

Вестрисъ. Только на мѣсяцъ позволено мнѣ оплучиться изъ Парижа; мѣсяцъ проходилъ, и мнѣ надлежало нынѣ ѣхать; но - - -

Здѣсь голосъ его перервался ; онъ поднималъ глаза вверхъ, спараясь собрать силы. Спрашное рукоплесканіе! но вдругъ опять все умолкло.

Вестрисъ. „Въ знакъ благодарности за то благоволеніе , котораго вы меня удостоиваете , я

буду танцовать еще завтра.“ —
Шумящее *браво* соединилось со
всеобщимъ плескомъ — и занавѣсъ
закрылся. Энтузіазмъ былъ такъ
великъ, что въ сію минуту легкіе
Французы могли бы провозгласить
Вестриса своимъ Дикшапоромъ.

Учпивые господа, съ которыми
имѣлъ я вышеописанной разговоръ,
пожелали мнѣ щасливаго пупи, и
обѣщали сыскать меня въ Парижѣ
черезъ мѣсяць. Пришедши въ свою
комнату, сѣли мы съ Беккеромъ
передъ каминомъ (въ кошоромъ
дубовыя дрова весьма ясно горѣ-
ли), и съ нѣкоторымъ родомъ вос-
хищенія разговаривали о Фран-
цузской учпивости.

На другой день отвели намъ
двѣ небольшія, веселыя комнаты,
окнами на мѣсто des Terreaux
передъ рапушею, гдѣ безпрестан-
но бываетъ множество людей, кро-
мѣ множества торговокъ, прода-
ющихъ яблоки, апельсины, поме-

ранцы и разныя бездѣлки. Одѣвшись пошли мы бродить по городу.

Улицы вообще всѣ узки, кромѣ двухъ или трехъ посредственныхъ. Набережная Соны очень хорошо выстроена. Вода въ сей рѣкѣ такъ же зелена, какъ и въ Ронѣ, но гораздо мутнѣе. Безпрестанно кричали намъ женщины, которыя здѣсь отправляютъ должностъ перевозчиковъ: *не хотите ли перѣхатъ черезъ рѣку?* хотя мостовъ очень много, и одинъ отъ другаго не далеко. Большая и лучшая часть города лежитъ между рѣкѣ. За Соною подымается высокая гора, на вершинѣ которой построены монастыри и нѣсколько домовъ. Видъ съ сей горы есть одинъ изъ прекраснѣйшихъ. Весь городъ передъ глазами—не маленькой городокъ, но одинъ изъ величайшихъ въ Европѣ. Снѣжныя Савойскія горы (изъ-за которыхъ въ ясную погоду выглядываетъ преглавый Монъ-

Бланъ, нашъ Женевской знакомецъ) съ цѣпію Дофинскихъ проспирающа въ амфитеатръ и ограничивающа область зрѣнія. Обширныя зеленныя равнины по ту сторону Роны, принадлежащія къ Дофинъ—равнины, гдѣ уже оперяется весна — опмѣнно милостивы. Тамъ идетъ дорога въ Лангедокъ и Провансъ, щастливый цвѣтущій спраны, гдѣ чистый воздухъ въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы бываетъ налитъ ароматами, и гдѣ теперь благоухающа ландыши! — Среди большой площади, украшаемой густыми алеями, и со всѣхъ споронъ окруженной великолѣпными домами, стоить на мраморномъ подножіи бронзовая статуя Людовика XIV, такой же величины, какъ монументъ нашего Россійскаго Петра, хотя сіи два Героя были весьма не равны въ великости духа и дѣлъ своихъ. Подданные прославили Людовика:

Петръ прославилъ своихъ подданныхъ — первой *отчасти* способствовалъ успѣхамъ просвѣщенія: вѣпорой, какъ лучезарный богъ свѣта, явился на горизонтѣ челоѣчества, и освѣшилъ глубокую тѣмну вѣкругъ себя—вѣ правленіе перваго тысячи шрудолубивыхъ Французовъ принуждены были оставишъ опечесшво: вѣпорой привлекъ вѣ свое государсшво искусныхъ и полезныхъ чужеземцовъ—перваго уважаю какъ сильнаго Царя: вѣпораго почишаю какъ великаго мужа, какъ Героя, какъ благодѣшеля челоѣчества, какъ моего собственнаго благодѣшеля (*). —

(*) Можетъ быть не всѣ Чипашели знаютъ шѣ стихи, вѣ которыхъ Англійской Поэтѣ Томсонѣ прославилъ нашего незабвеннаго Императора. Вотъ они:

What cannot active government perform,
New-moulding Man? Wide stretching
from these shores,

При семъ случаѣ скажу, что мысль
 пославить спашую ПЕТРА Ве-
 ликаго на дикомъ камнѣ, есть для
 меня прекрасная, несравненная

People savage from remotest time,
 A huge neglected empire one vast Mind,
 By Heaven inspir'd, from Gothic dark-
 ness call'd.

Immortal Peter! first of monarchs! He
 His stubborn country tam'd, her rocks,
 her fens,
 Her floods, her seas, her ill-submitting
 sons;

And while the fierce *Barbarian* he subdu'd,
 To more exalted soul he rais'd the *Man*.
 Ye shades of ancient heroes, ye who
 toil'd

Thro'long successive ages to build up
 A labouring plan of state! behold at once
 The wonder done! behold the matchless
 prince,
 Who left his native throne, where reign'd
 till then

A mighty shadow of unreal power;
 Who greatly spurn'd the slothful pomp
 of courts;
 And roaming every land, in every port

мысль—ибо сей камень служилъ
разительнымъ образомъ того со-
стоянія Россіи, въ которомъ бы-
ла она до временъ своего преобра-

His sceptre laid aside, with glorious hand
Unwearied plying the mechanic tool,
Gather'd the seeds of trade, of useful arts,
Of civil wisdom and of martial skille.
Charg'd with the stores of *Europe* home
he goes!

Then cities rise amid th'illumin'd waste;
O'er joyless deserts smiles the rural reign;
Far-distant flood to flood is social join'd;
Th'astonish'd *Euxine* hears the *Baltick*
roar,
Proud navies ride on seas that never
foam'd
With daring keel before ; and armies
stretch
Each way their dazzling files, repressing
here
The frantic *Alexander* of the north,
And awing there stern *Othman's* shrinking
sons.
Sloth flies the land, and *Ignorance*, and
Vice,

зовапеля. Не менѣе нравипся мнѣ
и крапкая , сильная , многозначу-
щая надпись: ПЕТРУ ПЕРВОМУ
ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Чпо на-

Of old dishonour proud; it glows around,
Taught by the Royal Hand that rous'd
the whole,
One scene of arts , of arms , of rising
trade:
For what his wisdom plann'd, and power
enforc'd,
More potent still, his great example
shew'd.

То есть : Чего не можетъ произве-
сти дѣятельное Правительство , пре-
образуя человѣка? Одна великая Душа,
вдохновенная Небомъ, извлекла изъ го-
титескаго мрака обширную Имперію ,
народъ издревле дикой и грубой. Без-
смертный Петръ ! первый изъ Монар-
ховъ, укротившій суровую Россію съ ея
грозными скалами, благами, шумны-
ми рѣками , озерами и непокорными
жителями! Смиривъ жестокаго варвара,
возвысилъ онъ моральную натуру чело-
вѣка. О вы, тѣни древнихъ Героевъ,
устраившихъ вѣками порядокъ граж-

писано на монументѣ Французскаго Короля, я не читалъ.

Въ часѣ возвратились мы обѣдашь. Болѣе придаши чловѣкъ

данскихъ обществъ! воззрите на сіе, вдругъ совершившееся тудо! воззрите на безпримѣрнаго Государя, оставившаго наслѣдственный престолъ свой, на которомъ дотолъ царствовала могущественная тѣнь неутвержденной власти — презрѣвшаго пышность и нѣгу, проходящаго всѣ земли, отлагающаго свой скипетръ въ каждомъ корабельномъ пристанищѣ, неутомило работающаго съ искусными Механиками, и собирающаго съмена торговли, полезныхъ художествъ, общественной мудрости и воинской науки! Обремененный сокровищами Европы, онъ возвращается въ свое отечество, и вдругъ среди стелей возносятся грады, въ летальныхъ пустыняхъ улыбаются красоть сельскія, отдаленныя рѣки соединяютъ свое теченіе, изумленный Евксинъ слышитъ шумъ Балтійскихъ волнъ, гордые флоты преллываютъ моря, которыя дотолъ не лѣнились еще подѣ

сидѣло за споломѣ. Всякой бралѣ
что хотѣлѣ. Щаспливѣ, передѣ
кѣмѣ стояли лучшія блюда! Но
сполѣ былѣ очень изобиленѣ.

Послѣ обѣда пошелѣ я съ пись-
момѣ къ Мапписону, Нѣмецкому
спихошворцу, копорой воспиты-
ваетѣ дѣтей одного здѣшняго
банкира. *Ахѣ! вы говорите по-Нѣ-*
мецки; вы любите Нѣмецкую Лит-
тературу, Нѣмецкое прямодушіе!

дерзостными рулями, и многотислен-
ныя воинства въ блестящихъ рядахъ
на враговъ устремляются, поражаютъ
неистоваго сѣвернаго Александра, и
ужасаютъ свирѣлыхъ сыновъ Отомана.
Удаляется лѣность, невѣжество и по-
роки, которыми прежнее варварство
гордилось. Вездѣ является картина
искусствъ, военныхъ дѣйствій, цвѣту-
щей торговли: мудрость его вымыш-
ляетъ, власть повелѣваетъ, при мѣрѣ
показываетъ — — и государство благо-
получно!

Съ сими словами бросилъ онъ обнимаю меня. Но я еще болѣе обрадовался его знакомству, нежели онъ моему; въ Германіи не могло бы оно быть для меня такъ пріятно, какъ во Франціи, гдѣ я не ищу искренности, не ищу симпатическаго сердца—не ищу для того, что найти не надѣюсь. Съ милою поспѣшностію выхватилъ онъ изъ бюро свои бумаги и прочелъ мнѣ при пѣсы, имъ не давно сочиненныя. Я слушалъ его съ неприпворнымъ удовольствіемъ. Нѣжная крошечка, живыя чувства, чистота языка составляющіе красоту его пѣсней. Онъ вдругъ остановился, взглянулъ на меня, засмѣялся и сказалъ: *не правда ли, что я поспѣшилъ представить вамъ мою Музу? Ахъ! бѣдная по сіе время не имѣла никакого знакомства въ Ліонъ!* — Я также засмѣялся и пожалъ его руку, увѣряя, что Музу его люб-

лю сердечно. — Опѣ него пошелъ въ Комедию. Играли *Руссова Деревенскаго Колдуна*. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ слушалъ я музыку сей прекрасной Оперы. Парижскія дамы были правы, говоря, что Авыпору ея надлежало быть весьма чувствительну! — — — Я воображалъ его, какъ онъ, въ бородѣ и въ непричесанномъ парикѣ, сидѣлъ въ ложѣ Фоншенеблосскаго театра во время перваго представленія оперы своей, укрываясь опѣ взоровъ восхищенной публики. — Въ балетѣ снова удивлялись мы искусству Вестрисову. Лишь только занавѣсъ началъ опускаться, всѣ закричали: *Вестрисъ! Вестрисъ!* Занавѣсъ опять подняли — упомянутой танцовщикъ выступилъ при звукѣ рукоплесканій, съ тѣмъ же скромнымъ видомъ, съ тѣми же смиренными ужимками, какъ и вчера! Казалось, будто онъ ожидалъ суда, хотя рѣши-

тельное опредѣленіе публики гремѣло во всѣхъ концахъ театра. Шумъ въ секунду утихъ — Вестрисъ стоялъ какъ вкопаной и молчалъ — голосъ непрерывнаго раздавался — публика ожидала рѣчи, забывъ, что танцовщикъ не есть Рипоръ — забвеніе, проспиштельное Французамъ! Въ сію минуту Вестрисъ могъ бытъ освистанъ. Опять все умолкло. Танцовщикъ собрался съ силами и сказалъ: *Messieurs! je suis penetré de vos bontés — mon devoir m'appelle à Paris. Милостивые государи! я чувствую вашу благосклонность; должность отзываетъ меня въ Парижъ. Довольно для публики! Рукоплесканіе и браво!* — Вестрисъ доволенъ Ліономъ со всѣхъ споронъ; искусство его награждено здѣсь хвалою и деньгами. Я встрѣчался съ нимъ нѣсколько разъ на улицѣ. *Вестрисъ! Вестрисъ!* кричали люди, и всякой ука-

зывать на него пальцомъ. И такъ легкость ногъ есть добродѣтель почтенная! Чѣмъ принадлежишь до денежной награды, то за всякое представленіе получалъ онъ 520 ливровъ. Теперь ужинаютъ у него всѣ здѣшніе Комедіанты (онъ живѣтъ въ Hôtel de Milan) и такъ шумящъ, чѣмъ я не надѣюсь заснуть.

Нынѣ поутру Машписонъ водилъ насъ къ одному ваятелю, который въ Италіи образовалъ свой рѣзецъ по моделямъ древнихъ художниковъ. Онъ принялъ насъ учтиво, и показывалъ статуи, весьма искусно выработанныя. Живописцу, ваятелю такъ же нужно живое воображеніе, какъ и Поэту: Ліонской художникъ имѣетъ его. Онъ дѣлаетъ теперь заказную статую, которую одинъ молодой супругъ готовитъ въ подарокъ су-

пругѣ своей, щаспливой матери
 любезнаго младенца, приближаю-
 щагося къ возрасту опрока. Ху-
 дожникъ предспавилъ прекраснаго
 мальчика, спящаго кропкимъ сномъ
 невинности подѣ надежнымъ щитомъ
 Минервы, изображенной по
 мысли Греческихъ художниковъ
 съ опмѣннымъ искусствомъ; вни-
 зу видѣнъ образъ Улиссовъ. — *Мы-*
нѣ мало работаю, сказалъ онъ, *бу-*
дущи принужденъ (здѣсь онъ вздох-
 нулъ) *часто вооружаться и хо-*
дить на караулъ, такъ какъ и всѣ
прочіе граждане. Видѣ недодѣлан-
ныхъ статуй приводитъ меня въ
уныніе. Ахъ, государи мои! вы не
можете войти въ чувства худож-
ника, отвлекаемаго отъ работы! —
 Ты испинной художникъ! думалъ
 я. — — Мы пошли въ гошпипаль,
 огромное зданіе на берегу Роны.
 Въ первой залѣ, куда насъ ввели,
 стояло около двухъ сотъ постель
 въ нѣсколько рядовъ — о! какое

зрѣлище ! сердце мое трепетало. На одномъ лицѣ видѣлъ я изнеможеніе всѣхъ силъ , помную слабость; на другомъ яроспный приступъ смерти, напряженный оппоръ жизни; на иномъ побѣду первой— жизнь удалялась и вылетала на крыльяхъ вздоховъ. Здѣсь-то надобно собирать черты для картинъ спраждающаго чловѣчества, прибирая шѣни къ шѣнямъ. Но какое упражненіе ! кшо вынесетъ весь ужасъ его ! — Между смертію и болѣзнію попадалось въ глаза и помнорадоспное выздоровленіе. Блѣдные младенцы играли цвѣтами — чувство къ красотамъ Напуры возобновилось въ сердцахъ ихъ ! Спарецъ , подымаясь съ одра , подымалъ глаза на небо , или обращалъ ихъ вокругъ себя. *Я такъ я еще буду жить !* говорили радоспные глаза его. *Я еще буду наслаждаться жизнию !* говорили веселые взоры выздоров-

ливающаго мужа и юноши. Какая смѣсь чувствъ! Какъ грудь моя могла вмѣщать ихъ!—Такимъ образомъ переходили мы изъ залы въ залу. Въ каждой заключается особенной родъ болѣзни: въ одной лежатъ чахоточные, въ другой изувѣченные, въ третьей родильницы, и такъ далѣе. Вездѣ удивительная чистота, вездѣ свѣжій воздухъ. Присмотрѣ за больными также достоинъ хвалы всякаго друга человѣчества — и гдѣ можно распочать ее съ живѣйшимъ удовольствіемъ? Милосердіе! состраданіе! святыя добродѣтели! Такъ называемыя *жалостливыя сестры* (*) служатъ въ семъ домѣ *плага*, и чувство добраго дѣла есть ихъ награда. Иныя стоятъ на колѣняхъ и молятся; другія обхаживаютъ больныхъ, подають имъ лекарства, пищу. Нѣкоторыя

(*) Женской монашеской Ордень.

изъ сихъ добродѣтельныхъ монахинь весьма молоды; крошоспъ сіяетъ на ихъ лицахъ. Въ срединѣ каждой залы стоипъ олшарь; пуипъ всякой день служапъ обѣдню. *Вотъ комната* (сказалъ намъ провожапой, указывая на дверь), за которую надобно платить въ день 12 ливровъ, съ лекарствами, съ пищею и услугою; но она пуста. — „А чпо плапяпъ бѣдные?“ — 10 су въ день за все, и 20, кто хочетъ имѣть постелю съ занавѣсомъ. — Чпо здѣсь? спросилъ я, указывая на маленькую часовню въ углу двора. *Посмотрите*, опвѣчалъ вожапой — и чепыре гроба, покрышые чернымъ полопномъ, вспрѣпили взоръ мой. *Всякой день*, говорилъ онъ, умираетъ здѣсь нѣсколько теловѣкѣ. *Мынѣ, слава Богу! умерли только тетверо. Кѣ ветеру ихъ вывезутъ.* Я съ ужасомъ опворопился опъ сего мрачнаго жилища смерти. — *Теперь поведу васъ въ кухню.* —

Ксшапи! думалъ я, однакожь пошелъ за нимъ. Тамъ въ превеликой залѣ, со многими печами, кипѣли кошлы, лежали цѣлые быки и песяпа. „И эпо все въ нынѣшній день будетъ свѣдено?“ спросилъ я. *Тысята больныхъ, опвѣчалъ онъ, ѣстъ по крайней мѣрѣ за пять сотъ здоровыхъ. Я не считаю множества лекарей и духовныхъ, которые здѣсь живутъ. Вотъ ихъ столовая.*— Мы вошли въ большую комнапу, загроможденную столами. Часъ обѣда еще не пришелъ; но нѣкоторые изъ почтенныхъ духовниковъ наполняли свои желудки мясомъ и пирогами: они запыракали.— Все ли? спросилъ я, выходя изъ залы. — *Посмотрите сюда. Здѣсь за желѣзными решетками содержатся безумные.*— Одинъ изъ сихъ несчастныхъ сидѣлъ на галереѣ за маленькимъ столикомъ, на копоромъ стояла черница. Бумагу и перо дер-

жалъ онъ въ рукъ, въ глубокой задумчивости облокопясь на сполникъ. — *Это философъ*, сказалъ съ усмѣшкою провожатой: бумага и терница ему дороже хлѣба. — „А что онъ пишетъ?“ — *Кто знаетъ! какія нибудь бредни; но на что лишать его такого безвреднаго удовольствія?* — „Правда, правда! сказалъ я со вздохомъ: на что лишать его безвреднаго удовольствія!“ — Мы возвратились къ обѣду въ Hôtel de Milan.

Лионъ, Марта. . . 1790.

Нынѣ послѣ обѣда былъ я въ огромной Карпезіанской церкви, и провожатой мой съ великою важностію рассказывалъ мнѣ о пѣхъ чудесахъ, которыя подали поводъ къ основанію сего спрожайшаго изъ монашескихъ Орденовъ. Въ 1080 году — неизвѣстно, въ ка-

комъ городѣ—погребали мертвaго. Въ ту самую мину, когда Священникъ читалъ послѣднюю молитву о вѣчномъ успокоеніи души его, умершій поднялъ голову и закричалъ страшнымъ голосомъ : *небесное правосудіе обвиняетъ меня!* Священникъ зашепталъ; но черезъ нѣсколько минутъ собрался съ духомъ и хотѣлъ дочитать свою молитву. Тутъ вдругъ раздался въ церкви сильный шумъ и прескъ — гробъ запрясся, свѣчи погасли, и мертвой еще страшнѣйшимъ голосомъ закричалъ : *небесное правосудіе осуждаетъ меня!* Бруно, Кельнской уроженецъ, будучи свидѣтелемъ сего ужаснаго чуда, тотчасъ рѣшился оставить свѣтъ и вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ друзей своихъ — (Лѣпописи говорятъ, съ шестью) — пошелъ къ Гренобльскому Епископу, упалъ къ ногамъ его, и требовалъ, чтобы онъ отвелъ имъ какое нибудь

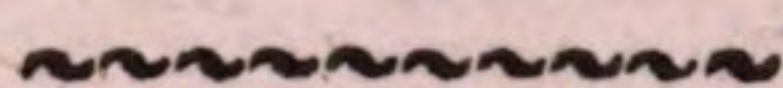
уединенное мѣсто, гдѣ бы они могли проведши жизнь свою въ благочестіи и въ спасительныхъ умозрѣніяхъ. Епископъ за день передъ пѣмъ, опдыхая послѣ обѣда на мягкомъ пуховикѣ, видѣлъ во снѣ, что бѣлое облако спустилось съ неба на зеленой лугъ подлѣ монастырскаго сада, и что на томъ самомъ мѣстѣ выскочили изъ земли семь звѣздъ. Будучи увѣренъ, что сіи семь звѣздъ означали семь пришедшихъ къ нему спранниковъ, отвелъ онъ набожному Бруно и его друзьямъ упомянутый лугъ, на которомъ они черезъ нѣкопое время поспроили новой монастырь—и эпомъ монастырь былъ первой Картезіанской.—Съ великимъ любопытствомъ разспрашивалъ я проводника моего о всѣхъ подробностяхъ жизни сихъ затворниковъ. Законы Ордена обязывающіе ихъ не выходить изъ монастыря, удаляться отъ сообще-

нія съ людьми, и наблюдають вѣчное мертвое молчаніе. Дни проводятъ они въ чпеніи, или работають въ саду, или сидятъ поджавъ руки, съ неперпѣніемъ дожидаясь обѣда, которой составляетъ главное удовольствіе ихъ печальнаго братства. Въ пять часовъ послѣ обѣда они ложатся спать, въ девять вспають, часа черезъ два опять ложатся спать, и такъ далѣе. Спранная жизнь! Учредители сего Ордена худо знали нравственностъ человѣка, *образованную*, такъ сказать, для дѣятельности, безъ которой не найдемъ мы ни спокойствія, ни наслажденія, ни щастія. Уединеніе пріятно тогда, когда оно есть отдохъ; но безпрестанное уединеніе есть путь къ ничтожеству. Сначала душа наша бунтуетъ прошивъ сего заключенія, прошивнаго ея напуръ; чувство *недостатка* — (ибо человѣкъ

самъ по себѣ есть фрагментъ или опрывокъ : только съ подобными ему моральными существами и съ Природою составляеиъ онъ цѣ-
лое) — чувство недосыпка му-
чиъ ее ; наконецъ всѣ благород-
ныя побужденія въ сердца на-
шемъ усыпающе, и человеки съ
первой степени земнаго творенія
ниспадаетъ во сферу бездушныхъ
шварей.

Я стоялъ по среди церкви, и
смотрѣлъ на множество олтарей,
на которыхъ блистало серебро и
золото. Вечеръ приближался; все
вокругъ меня начинало меркнуть,
все было тихо—вдругъ распвори-
лись двери, и печальные брашья
молчанія, въ бѣлыхъ плашьяхъ,
явились глазамъ моимъ; пошупивъ
въ землю взоръ свой, медленно
другъ за другомъ шли они къ
главному жертвеннику, и проходя
мимо висѣщаго въ церкви колоко-
ла, ударяли въ него слабою рукою;

унылой звонъ раздавался подъ мрачными сводами, и мысль о смерти живо представилась душѣ моей. Я вышелъ изъ храма—увидѣлъ заходящее солнце, и сердце мое утѣшилось.

Я люблю остатки древностей; люблю знаки минувшихъ столѣтій. Вышедши изъ города, удивлялся я нынѣ памятникамъ гордыхъ Римлянъ, развалинамъ славныхъ ихъ водоводовъ. Толстая стѣна съ аркадами, въ нѣсколько аршинъ вышиною, складена изъ маленькихъ камешковъ, *вдавленныхъ*, такъ сказать, въ густую извесь, удивительно твердую, такъ что ее ничѣмъ разбить нельзя, и въ сей стѣнѣ проведены были трубы. Римляне хотѣли жить въ памяти потомства, и сооружали такія зданія, которыхъ не могли разрушить цѣлые вѣки.

Въ нынѣшнія философскія времена не такъ думающъ; мы исчисляемъ дни свои, и предѣлъ ихъ есть предѣлъ всѣхъ нашихъ желаній и намѣреній; далѣе не проспираемъ взора, и никто не хочетъ садитъ дуба безъ надежды опдыхашъ въ тѣни его. Древніе покачали бы головою, еспъли бы они шеперь воскресли и услышали мудрыя наши разсужденія; а мы, мы смѣемся надъ мечтами Древнихъ и надъ спраннымъ ихъ славолюбіемъ!

Ошшуда пошелъ я въ Римскія бани, принадлежащія нынѣ къ женскому монастырю. Проходя мимо стѣны монастырскаго сада и келій, я чуть было не упалъ въ обморокъ опъ мефипического воздуха, копорой пущъ спирается. Изрядное уваженіе къ древностямъ! Вмѣсто того, чпобы пущъ къ нимъ усыпать цвѣтами, почтенныя сестры лютъ шуда изъ оконъ сво-

ихъ всякую нечистоту ! И такъ ,
 господа Французы, вы не должны
 бранишь Азіатскихъ варваровъ ,
 копорыми великолѣпные храмы
 древности превращаются въ хлѣ-
 вы!—Зданіе не велико , и состо-
 итъ изъ коридоровъ , въ копорые
 свѣтъ проходилъ черезъ окна, сдѣ-
 ланныя вверху на сводахъ. Здѣсь-
 то нѣжились роскошные Римляне!
 (думалъ я) — здѣсь-то какая ни-
 будь Римская красавица, окружен-
 ная полпою невольницъ , мылась
 ключевымъ кристалломъ , въ то
 самое время , когда прекрасной
 юноша , плѣненный ея красою ,
 издалека преселялся своимъ вооб-
 раженіемъ въ сіи стѣны , и же-
 лалъ бытъ щасливымъ боже-
 ствомъ источника, водою котора-
 го освѣжалась прелестная!—Мнѣ
 пришла на мысль басня Алфея и
 Аретузы , а по чему, не знаю. Я
 началъ-было хвалишь нѣжность
 мифологическихъ вымысловъ ; но

скоро замолчалъ , видя , чпо вожа-
пой мой , садовникъ монастырской ,
ни мало не хотѣлъ слушать ме-
ня.—При семъ случаѣ вспомнилъ
я также чипанное мною въ Луці-
ановыхъ разговорахъ о нѣгѣ Рим-
скихъ богачей. Когда они изъ бани
возвращались домой , то передъ
ними шли всегда невольники , ко-
торые при всякомъ камешкѣ , ле-
жавшемъ на дорогѣ , кричали : *бе-
регись!* чпобы гордой Римлянинъ ,
всегда смопрѣвшій на небо , не
спопкнулся и не упалъ ! „Чпо
это?“ спросилъ я у садовника , ви-
дя въ коридорахъ бочки , горшки ,
корзины и прочее. *Здѣсь мой по-
гребъ , опвѣчалъ онъ—и мнѣ очень
пріятно , что всѣ путешественники
любопытствуютъ его видѣть.—*
Съ удовольствіемъ пробылъ я нѣ-
сколько времени въ монастыр-
скомъ саду , разговаривая съ са-
довникомъ , копорой , будучи весь-
ма словоохотенъ , наказыль мнѣ

довольно всякой всячины о своихъ монахиняхъ. Спарыя, говоритъ онъ, бранчивы, грубы и скучны; сидящъ въ своихъ кельяхъ и говорящъ — о полипикъ! а молодая печальны, любящъ гулять въ темныхъ алеяхъ, смотрѣть на мѣсяцъ и — вздыхающъ изъ глубины сердца.

По помъ былъ я въ маленькой, подземной церкви древнихъ Христіанъ. Тамъ, укрываясь отъ гонителей, изливали они сердце свое въ теплыхъ молитвахъ. Однакожь и тамъ нашли ихъ — кровь несчастныхъ жертвъ обагрила помосщъ храма. Показывающъ мѣсто, гдѣ лежатъ ихъ кости. — Въ сей мрачной церкви многія женщины стояли на колѣняхъ и въ молчаніи молились Богу; иныя проливали слезы; нѣкоторыя въ священномъ воспоргѣ ударяли себя въ грудь и прикасались блѣдными устами

къ хладному полу. И такъ во Франціи набожность еще не истребилась!

Въ задумчивости вышелъ я на улицу: шумъ все шумѣло и веселилось—шанцовщики прыгали, музыканшы играли, пѣвцы пѣли, и толпы народа изъясляли свое удовольствіе громкимъ рукоплесканіемъ. Мнѣ казалось, что я въ другомъ свѣтѣ. Какая земля! какая нація!—

Ударило шесть часовъ — театръ былъ наполненъ зрительями; я сѣлъ въ ложѣ подлѣ двухъ молодыхъ дамъ. Представляли новую трагедію, Карла IX, сочиненную Гм. Шенье. Слабой Король, правимый своею суевѣрною матерью и чернодушнымъ Прелатомъ (которой всегда говоришь ему именемъ Неба), соглашается пролить кровь своихъ подданныхъ, для того, что они—не Каполики. Дѣй-

ствіе ужасно; но не всякой ужасъ можетъ быть душою драмы. Великая тайна трагедіи, которую Шекспиръ похищилъ во свящилищѣ чловѣческаго сердца, пребываетъ тайною для Французскихъ Поэтовъ — и Карлъ IX холоденъ какъ ледъ. Авторъ имѣлъ въ виду новыя происшествія, и всякое слово, относящееся къ нынѣшнему состоянию Франціи, было сопровождаемо плескомъ зрителей. Но опними сіи *отношенія*, и піеса показалась бы скучна всякому, даже и Французу. На сценѣ только разговариваютъ, а не дѣйствуютъ, по обыкновенію Французскихъ Трагиковъ; рѣчи предлинныя, и наполнены обвѣщательными сеншенціями; одинъ актеръ говоритъ безъ умолку, а другіе зѣваютъ отъ праздности и скуки. Одна сцена пронула меня — та, гдѣ сонмъ фанашиковъ упадаетъ на колѣни и благословляется злымъ Прелатомъ; гдѣ при звукѣ

мечей клянуся они испребишь ерешиковъ. Главное дѣйствіе трагедіи повѣспвуется, и для того мало прогаеиъ зришеля. Добродѣтельной Колинъи умираеиъ за сценою. На театрѣ оспаеиъся одинъ несчастной Карлъ, которой въ сильной горячкѣ по бросаеиъся на землю, по — вспаеиъся. Онъ видипъ (не въ самомъ дѣлѣ, а только въ воображеніи) умерщвленнаго Колинъи, такъ какъ Синавъ видипъ умерщвленнаго Трувора; лишаеиъся силъ, но между тѣмъ чипаеиъся папепическую рѣчь стиховъ въ двѣспи. *C'est terrible! (это ужасно!)* говорили дамы, подлѣ меня сидѣвшія.

Мапписонъ пришелъ къ намъ изъ театра, и просидѣлъ въ моей горницѣ до двѣнадцати часовъ. Въ каминѣ пылали у насъ дубовыя дрова, кипѣли чай и кофе. Мапписонъ чипалъ мнѣ Биландовы письма, писанныя не къ нему, а къ

извѣстной Госпожѣ ла-Рошѣ, сочинительницѣ *Истории двѣицы Штернгеймъ* и другихъ романовъ—письма, въ которыхъ добрая и нѣжная душа спараго Поэта какъ въ чистомъ зеркалѣ изображается. Ла-Рошѣ любитъ Матписона и присылаетъ ему копию своей переписки. — Три часа пропекли для насъ какъ при минушны. Б* рассказывалъ намъ интересныя анекдоты своего пѣшеходства, изъ которыхъ сообщу вамъ одинъ:

Однажды пришелъ онъ ввечеру въ маленькую лѣсную деревеньку, и попребывалъ ночлега въ первой избѣ. Хозяйка отворила ему дверь; но увидѣвъ корпикъ и большую Датскую собаку его, испугалась и поблѣднѣла. Б* вообразилъ, что она боится собакъ, и началъ увѣряшь, что Геркулесъ его смиренъ какъ ягненокъ, и не дѣлаетъ зла никакому животному; что онъ не тотъ страшный Геркулесъ, копо-

рой умертвилъ Немеяскаго льва и Лернейскую гидру, а попъ безоружной, крошкой обожашель красоты, на дубинкѣ копораго во дворцѣ Королевы Лидійской ѣздили верхомъ Эропы, и копораго Омфала могла бить по щекамъ пухлями. Пріятель мой видѣлъ, что хозяйка все еще блѣднѣла и боялась; но онъ приписывалъ страхъ сей женщины ничему иному, какъ совершенному ея невѣжеству въ Мифологіи; подошелъ къ сполу, положилъ на него свою шляпу, копомку, корпикъ—сѣлъ на деревянной спулѣ, погладилъ своего Геркулеса, и велѣлъ хозяйкѣ приготовить что нибудь къ ужину. *Мы люди бѣдные, опвѣчала она: у насъ ничего нѣтъ. — „По крайней мѣрѣ у тебя есть курица или ушка?“ — Мѣтъ. — „Есть молоко?“ — Мѣтъ. — „Есть сыр?“ — Мѣтъ. — „Хлѣбъ?“ — Мѣтъ.* Тутъ Б* вскочилъ со спула, Гер-
 IV. 11

кулесѣ поднялъ голову, а хозяйка закричала и ушла. Вы легко можете вообразить, какъ нуженъ пѣшеходцу обѣдъ и ужинъ, и для того конечно проспите моему пріятелю, что онъ вскочилъ со спуга не съ пріятною миною, услышавъ о предстоящей ему голодной смерти. Но хозяйка скрылась—дѣлать было нечего—онъ ходилъ по избѣ, заглядывалъ туда и сюда, и наконецъ, къ великой своей радости, увидѣлъ въ темномъ углу кусокъ черстваго хлѣба—взялъ его и началъ ѣсть, удѣляя нѣкоторыя крохи вѣрному Геркулесу, которой, смотря на него умильно, разными знаками показывалъ ему, что и онъ вмѣстѣ съ нимъ проголодался.—Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ высокой человѣкъ въ черномъ камзолѣ, посмотрѣлъ на Б*, на кортикъ его, на собаку—поблѣднѣлъ и вышелъ вонъ. Что это значитъ?

думалъ пріятель мой, смотрѣлъ на корпикъ, на собаку, и не находилъ въ нихъ ничего страшнаго. Тщешно ждалъ онъ возвращенія своей хозяйки; наконецъ, потерявъ терпѣніе, вышелъ на улицу — но тамъ все было темно и тихо; въ двухъ или трехъ домикахъ свѣпился огонь, вдали шумѣлъ сосновой лѣсъ. Б* возвратился въ избу, легъ на хозяйкину постелю, надѣлъ колпакъ и заснулъ. Но скоро Геркулесовъ лай разбудилъ его, и въ ту же минуту услышалъ онъ за дверью разные голоса. *Я не войду первой,* говорилъ одинъ голосъ — *ни я,* говорилъ другой — *ступай ты,* говорилъ третій — *у тебя ружье; ты можешь достать его издала,* говорилъ четвертой. Мой Б* не прусъ; однакожь, подозрѣвая, что рѣчь идетъ объ немъ, и что его, а не другова собираются доспать издала, вскочилъ не безъ ужаса съ

постели, подбѣжалъ къ столу,
 гдѣ горѣла свѣча, и гдѣ лежалъ
 кортикъ — обнажилъ страшное
 свое оружіе, взялъ его въ правую
 руку, а въ лѣвую, вмѣсто щипа,
 деревянной стулѣ и такимъ обра-
 зомъ снарядившись, пвердымъ и
 грознымъ голосомъ закричалъ: *кто*
тамъ? что за люди? отвѣтайте!
 Вдругъ все упихло. Герой нашъ
 повпорилъ свои вопросы. За
 дверью начался шопотъ, и Даш-
 ской Геркулесъ, поперявъ терпѣ-
 ніе, приблизился къ двери, опво-
 рилъ ее лапой — и что же пред-
 ставилось глазамъ моего Б*?
 Шестъ или семь мужиковъ съ
 ружьями, палашами и дубинами.
 Собака съ лаемъ бросилась подъ
 ноги перваго, и сей несчастной,
 сѣвъ на нее верхомъ, кричалъ
 изо всей силы: *помогите! помога-*
те! бьютъ! рѣжутъ! друзья! спа-
сите своего старосту! Но повари-
 щи его стояли на одномъ мѣстѣ,

дрожили отъ страха, и вмѣстѣ съ нимъ кричали: *помогите! помогите! бьютъ! рѣжутъ! разбой! разбой!* — Б*, видя, что непріятели его не очень храбры, а по тому и не очень опасны, ободрился, подошелъ къ нимъ, и спрашивалъ, что они: разбойники, воры, или безумные? Никто не отвѣчалъ ему, а всякой кричалъ: *бьютъ! рѣжутъ!* Между тѣмъ Геркулесъ, скучивъ держать на себѣ тяжелое бремя, сбросилъ съ себя бѣднаго староспу и кинулся на другихъ мужиковъ, которые съ ужасомъ побѣжали отъ него въ разныя стороны. Деревенской начальникъ лежалъ на землѣ, и не кричалъ уже для того, что почишалъ себя мерзвымъ. Б* поднялъ его, поставилъ на ноги, и прясая за воротъ, говорилъ ему: „если ты не безумной, то скажи мнѣ, съ какимъ намѣреніемъ вы пришли вооруженные, и за кого меня принимаете?“

Наконецъ спароспа дрожащимъ и перерывающимся голосомъ опвѣчалъ ему, что они почли его за славнаго разбойника тѣхъ мѣстъ, которой ходилъ всегда съ корпикомъ и съ собакою, и котораго голова оцѣнена въ нѣсколько сотъ палеровъ. Пріятель мой спарался разувѣрить его; показалъ ему свой паспортъ, и говорилъ съ нимъ такъ тихо и ласково, что бѣдной храбрецъ пересталъ дрожать, облегчилъ вздохомъ спѣсненную грудь свою, бросился обнимать Б*, и сказалъ, прыгая отъ радости: „Слава Богу, слава Богу, что ты не разбойникъ, а доброй человекъ! Слава Богу, что мы не убили тебя! Слава Богу, что я, пропивъ своего обыкновенія, почувствовалъ робость, хотѣвши по тебѣ выпрѣлится! Теперь ко мнѣ въ гости; теперь повеселимся, Господинъ Докторъ! Ночь ничему не мѣшаетъ, и бываетъ лучше

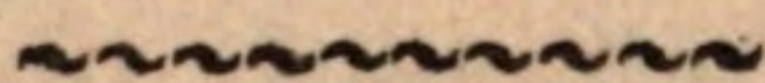
инова дня. Пойдемъ, пойдемъ, Г. Докпоръ! у меня есть и курица и ушка, и все, что тебѣ угодно!“ — Спароспа зажегъ фонарь, взялъ котомку пѣшеходца, съ позволенія моего пріятеля надѣлъ на себя кортикъ (*) и шляпу его, и съ гордосіію пошелъ впередъ, освѣщая путь нашему Б*, которой всего болѣе радовался обѣщанному ужину, по тому что кусокъ черстваго хлѣба не очень напиталъ желудокъ его. — Геркулесъ, прогнавъ всѣхъ непріятелей, возвратился къ господину своему, шелъ позади и лаемъ отвѣчалъ на лай деревенскихъ собакъ. Разбѣжавшіеся поселяне, видя начальника своего идущаго въ торжествѣ съ кортикомъ, осмѣлились выпши на улицу, и спароспа громкимъ голосомъ сказывалъ имъ,

(*) Въ Нѣмецкой землѣ носятъ кортикъ на ремнѣ черезъ плечо.

что пѣшеходецъ не разбойникъ, а почтенной Господинъ Докпоръ, копорой *инкогнито* спранспвуепѣ по бѣлому свѣшу. Жена и двѣ дочери выбѣжали къ нему на встрѣчу, и едва не плакали отъ радости, видя, что супругъ и родитель совершилъ благополучно опасной подвигъ свой. — Б* не можетъ нахвалипся госпепріимспвомъ и ужиномъ спаросты. Сей доброй человекъ, сидя съ нимъ за столомъ, спрашивалъ его о чудесахъ, видимыхъ путешественниками въ опдаленныхъ земляхъ сѣвера и юга, и самъ рассказывалъ ему многіе анекдоты о томъ разбойникѣ, копорой около двухъ лѣтъ живепъ въ ихъ лѣсу, ходипъ съ корпикомъ и съ собакою, грабипъ проѣзжихъ и прохожихъ, и цѣлая деревни приводипъ въ ужасъ. „Только меня онъ не испугаетъ“ — продолжалъ спароста, выпивъ рюмки при вина: — „лишь бы по-

пался мнѣ въ руки! — Такъ, Господинъ Докторъ! родъ нашъ извѣстенъ по своей храбрости. Дѣдушка мой былъ грозою всѣхъ разбойниковъ, и пятьдесятъ лѣтъ начальствовалъ въ здѣшной деревнѣ; а бапюшка никогда не возвращался изъ лѣсу безъ того, чтобы не принести съ собою кожи убитаго медвѣдя. Я не люблю самохвальства, и не хочу говорить о своихъ дѣлахъ; скажу только, что никогда не боюсь ходишь одинъ въ самомъ густомъ лѣсу, и что по сей часъ ни волкъ, ни медвѣдь, ни разбойникъ не смѣлъ напасть на меня.“ — Б* по собственному опыту не могъ сомнѣваться въ его смѣлости и мужестве, и обѣщалъ распространить славу его и въ другихъ земляхъ, въ которыхъ ему бытъ случится. Староста улыбался и посматривалъ на жену и дочерей своихъ, которыя начинали уже дремать.

Б* также хотѣлъ спать; вѣжливой хозяинъ уступилъ ему свою постелю, накормилъ Геркулеса (забывъ то, что онъ часа за два передъ тѣмъ испугалъ его не на шутку), и ушелъ съ своими домашними въ другую маленькую горенку. На другой день Б* давалъ ему талеръ за ужинъ и за ночлегъ; но староста не хотѣлъ и слышать объ деньгахъ,—проводилъ его версты двѣ отъ деревни, и простился съ нимъ дружелюбно.

Вы читали Тристрама, и помните исторію нѣжныхъ любовниковъ; помните Амандуса, коптой, будучи разлученъ съ своею Амандою, спростовалъ по свѣсту, попался въ плѣнъ морскимъ разбойникамъ, и двадцать лѣтъ просидѣлъ въ подземной темницѣ, для того что онъ не хотѣлъ из-

мѣнишь своей Амандѣ и не отвѣчалъ любовью на любовь Марокской Принцесы ; помнишь Аманду , которая исходила всю Европу, Азію и Африку , босая и съ распущенными волосами, спрашивая во всякомъ городѣ , у всякихъ воротъ о своемъ Амандусѣ, и заставляя эхомрачныхъ лѣсовъ , эхо горъ кремнистыхъ , пвердиль имя его — *Амандусъ! Амандусъ!*—помнишь, какъ сіи любовники сошлись наконецъ въ Ліонѣ , опечеспвенномъ ихъ городѣ, увидѣли другъ друга, обнялись и — упали мерпвые... души ихъ на крыльяхъ радости улешѣли на небо!—помнишь, что нѣжной Спернѣ , приближаясь къ тому мѣсту , гдѣ , по описанію , надлежало бытъ ихъ могилѣ , и чувспвуя въ сердцѣ своемъ огонь и пламя, воскликнулъ: *нѣжныя, вѣрныя тѣни! давно , давно хотѣлъ я пролить сіи слезы на вашемъ гробѣ; пріимите ихъ отъ чувствитель-*

наго сердца! — но вы помните и то, что Сперну не на что было пролить слезъ своихъ, ибо онъ не нашелъ гроба любовниковъ: увы! и я не могъ найши его!... спрашивалъ—но Французы думаютъ нынѣ о своей революціи, а не о памянникахъ любви и нѣжности!—

Кто, будучи здѣсь, не вспомнитъ еще о другихъ, несчастнѣйшихъ любовникахъ, которые за двадцать лѣтъ передъ симъ умерли себя въ Ліонѣ?

Испаліянецъ, именемъ Фальдони, прекрасной, доброй юноша, обогащенный лучшими дарами природы, любилъ Терезу и былъ любимъ ею. Уже приблизился тотъ щастливый день, въ которой, съ общаго согласія родителей, надлежало имъ соединиться бракомъ; но жестокой рокъ не хотѣлъ ихъ щастію. Молодой Испаліянецъ какимъ-то случаемъ повредилъ себѣ главную пульсовую жилу, отъ чего

произошла неизлечимая болѣзнь. Опець Терезинъ, боясь выдать дочь свою за такого человѣка, который можетъ умереть въ самый день брака, рѣшился отказать несчастному Фальдони; но сей отказъ еще болѣе воспламенилъ любовниковъ, и потерявъ надежду соединиться въ обѣщаніяхъ законной любви, они положили соединиться въ хладныхъ обѣщаніяхъ смерти. Не далеко отъ Ліона, въ каштановой рощѣ, построенъ сельской храмъ, Богу милосердія посвященный, и рукою Греческаго искусства украшенный. Туда пришелъ блѣдный Фальдони и ожидалъ Терезы. Скоро явилась она во всемъ сіяніи красоты своей, въ бѣломъ, кисейномъ платьѣ, которое шито было къ свадьбѣ, и съ розовымъ вѣнкомъ на темно-русыхъ волосахъ. Любовники упали передъ олтаремъ на колѣни, и — приспавили къ сердцамъ своимъ

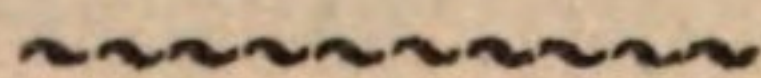
пистолеты, обвитые алыми лентами; взглянули другъ на друга, — поцѣловались — и сей огненной поцѣлуй былъ знакомъ смерти — выстрѣлъ раздался — они упали, обнимая другъ друга; и кровь ихъ смѣшалась на мраморномъ помостѣ.

Признаюсь вамъ, друзья мои, что сіе происшествіе болѣе ужасаетъ, нежели прогаеетъ мое сердце. Я никогда не буду проклинать слабостей человѣчества; но однѣ заспаваютъ меня плакать, другія возмущаютъ духъ мой. Если бы Тереза не любила, или переспала любить Фальдони; или если бы смерть похищила у него милую подругу, ту, которая соспавляла все щастіе, всю прелесть жизни его: тогда бы, любезные друзья, тогда бы могъ онъ возненавидѣть жизнь; тогда бы собственное сердце мое изъяснило мнѣ сей печальной феноменъ

человѣчества; я вошелъ бы въ чув-
ства несчастнаго, и съ пріяпными
слезами нѣжнаго сожалѣнія взгля-
нулъ бы на небо, безъ роптанія,
въ тихой меланхоліи. Но Фальдо-
ни и Тереза любили другъ друга :
и такъ имъ надлежало почипать
себя щасливыми. Они жили въ
одномъ мірѣ, подъ однимъ небомъ;
озарялись лучами одного солнца ,
одной луны — чего болѣе? (*)
Истинная любовь можетъ наслаж-
даться безъ чувствственныхъ на-
слажденій, даже и тогда, когда
предметъ ея за опдаленными мо-
рями скрывается. Мысль : *меня
любятъ!* должна быть щастіемъ
нѣжнаго любовника — и какъ прі-
япно, какъ сладко думаешь ему,
что въперокъ, копорой въ сію
мину прохлаждаетъ жаръ лица
его, вѣялъ можетъ быть и на пре-
лестяхъ любезной; что ппичка,

(*) Кто хочетъ, разсмѣется.

въ глазахъ его подъ небомъ парящая, за нѣсколько дней передъ тѣмъ сидѣла можетъ быть на томъ деревѣ, подъ которымъ красавица размышляла о своемъ другѣ! Однимъ словомъ, удовольствія любви безчисленны; ни пиранство родителей, ни пиранство самого рока не можетъ опныть ихъ у нѣжнаго сердца—и кому сіи удовольствія не извѣстны, поетъ не называй себя чувствительнымъ!—Фальдони и Тереза! вы служите для меня примѣромъ одного изступленія, помѣшательства разума, заблужденія, а не примѣромъ истинной любви!

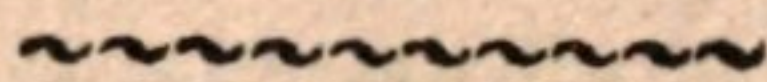

Смотри! смотри! закричалъ мой Беккеръ. Я бросился къ окну, и увидѣлъ, что вокругъ рапуши полпился шумящій народъ. Что это значитъ? спросили мы у слуги, которой прибиралъ мою комна-

шу. *Какое нибудь новое дурачество*, отвѣчалъ онъ. Но я любопытшенъ былъ знать это дурачество, и вмѣстѣ съ Беккеромъ пошелъ на улицу. У пяти или шести человекъ спрашивали мы о причинѣ шума; но всѣ отвѣчали намъ: *qu'en sais-je?* (*почему мнѣ знать?*) Наконецъ дѣло объяснилось. Какая-то спарушка подраласъ на улицѣ съ какимъ-то спарикомъ; пономарь вступился за женщину; спарикъ выхватилъ изъ кармана пистолетъ и хотѣлъ застрѣлить пономаря; но люди, шедшіе по улицѣ, бросились на него, обезоружили, и повели его. . *à la lanterne* (на висѣлицу); опрядъ національной гвардіи встрѣтился съ сею толпою людей, опнялъ у нихъ спарика и привелъ въ рапушу — вотъ что было причиною волненія! Народъ, копорой сдѣлался во Франціи страшнѣйшимъ деспотомъ, пребывалъ, что

бы ему выдали виновнаго и кричалъ: à la lanterne! Пономарь кричалъ: à la lanterne! à la lanterne! Бабы торговки кричали: à la lanterne! à la lanterne! — Тѣ, копорые наиболѣе шумѣли и возбуждали другихъ къ мяпежу, были нищіе и празднoлюбцы, не хопящіе работашъ съ эпохи такъ называемой Французской свободы. — Изрядно одѣтой незнакомецъ подошелъ ко мнѣ и къ Беккеру, и съ дружеспвеннымъ видомъ сказалъ намъ: „Около получаса ходишъ за вами подозрительной чловѣкъ: будыше оспорожны — вы конечно иноспранцы — sauvez vous, mes-sieurs! спасайтесъ!“ Я посмопрѣлъ ему въ глаза, и увѣрился, чпо онъ хопѣлъ только испугать насъ; а Беккеръ, не знаю опъ чего, покраснѣлъ и схватилъ мою руку; взоръ его говорилъ мнѣ: *мы другъ друга не оставимъ!* Но онъ и я благополучно возвратились въ Нô-

tel de Milan. Народъ ввечеру разсѣ-
ялся, и мы пошли гулять на сво-
бодѣ по берегу Роны.

Мы обѣдали нынѣ у Господина
Т**, богатаго купца, вмѣстѣ съ
нѣкоторыми изъ здѣшнихъ Уче-
ныхъ; а ввечеру были на гуляньи
за городомъ. И богатые и бѣдные,
и старые и малые, толпились на
зеленыхъ лугахъ, поздравляли
другъ друга съ весною и наслаж-
дались теплымъ вечеромъ. Въ го-
родѣ не оставалось, думаю, ни
четвертой части жилищей, и вся-
кой былъ въ лучшемъ своемъ
плащѣ. Иные сидѣли на травѣ и
пили чай; другіе ѣли бисквиты,
сладкіе пироги, и подчивали сво-
ихъ знакомыхъ. Я ходилъ между
тысячами какъ въ лѣсу, не зная
никого, и не будучи никому из-
вѣстенъ. Однакожь, видя вокругъ
себя радостныя лица, веселился

въ сердцѣ своемъ. Наконецъ ушелъ ото всѣхъ людей, сѣлъ подъ зеленымъ кусточкомъ, увидѣлъ фіялку и сорвалъ ее; но мнѣ показалось, что она не такъ хорошо пахнетъ, какъ наши фіялки—можетъ быть отъ того, что я не могъ опдасть сего цвѣточка любезнѣйшей изъ женщинъ и вѣрнѣйшему изъ друзей моихъ!

Ліонъ . . . 1790.

Нѣтъ, друзья мои! я не увижу плодоносныхъ странъ южной Франціи, копорыми прельщалось мое воображеніе! . . . Беккеръ не получилъ здѣсь векселя, и оставшись только съ шестью луидорами, рѣшился ѣхать прямо въ Парижъ. Мнѣ надлежало съ нимъ разсѣяться, или пожертвовать для него своимъ любопытствомъ, своими мечтами, Лангедокомъ и Провансомъ.

Нѣсколько минутъ я сражался съ самимъ собою, сидя въ задумчивости передъ каминомъ. Любезной Дапчанинъ разбиралъ между тѣмъ свой чемоданъ, въ которомъ лежали нѣкоторыя изъ моихъ вещей. *Вотъ твои книги, говорилъ онъ — твои письма — твои платки — возьми ихъ! Можетъ быть мы уже не увидимся. — Итъ,* сказалъ я, вспавъ со спуга и обнявъ съ чувствительностію Беккера — *мы ѣдемъ вмѣстѣ!*

Гробница нѣжной Лауры, прославленной Пепраркомъ! Воклюзская пустыня, жилище спростныхъ любовниковъ (*)! шумный, пѣнистый ключъ, утолявшій ихъ жажду! я васъ не увижу!... Луга Прованскіе, гдѣ шимонъ съ розмариномъ благоухающъ! не ступишь нога моя на вашу цвѣтущую зелень!... Нимской храмъ Діаны, огромный Ам-

(*) Въ 12 верстахъ отъ Авиньона.

фишеапрѣ, драгоцѣнные остатки древности! я васъ не увижу (*)! — Не увижу и себя, опчизна Пилапа Понпійскаго (**)! Не взойду на ту высокую гору, на ту высокую башню, гдѣ сей несчастный сидѣлъ въ заключеніи; не загляну въ ту ужасную пропасть, въ которую онъ бросился изъ опчаянія (***)! — Проспите, мѣста интересныя для чувствительнаго путешественника!

Не безъ слезъ разсказались мы съ Мапписономъ. Онъ подарилъ мнѣ на память нѣкоторыя изъ новѣйшихъ своихъ сочиненій, и сказалъ: *Гдѣ буду впредь, не знаю; но никакой климатъ не перемѣнитъ моего сердца — я всегда съ*

(*) Въ Нимѣ много Римскихъ древностей.

(**) Городъ Вьень.

(***) Такъ говоритъ преданіе. Сію башню и сію пропасть показываютъ близъ Вьеня.

удовольствіємъ стану воспоминать о нашемъ знакомствѣ — не забудьте Маттисона! Прочихъ Ліонскихъ знакомцевъ оставляю безъ сожалѣнія.

Завтра въ пять часовъ уприсядемъ въ почтовую лодку и поѣдемъ въ Шалонъ. Съ учпивою хозяйкою мы уже расплапились. Каждой день споилъ намъ здѣсь около луидора.

Теперь ночь — Беккеръ спитъ — я не могу — сижу за споликомъ, и лечу мыслями въ мое опечесво, — къ вамъ, моимъ любезнымъ!

Рѣка Сона.

Солнце восходитъ — шуманъ раздѣлился — лодка наша капишся по спруиспой лазури, освѣщаемой золопыми лучами — подлѣ меня сидитъ одинъ доброй спарикъ изъ Нима; молодая, пріятная женщи-

на спитъ крѣпкимъ сномъ, положивъ голову на плечо его; онъ одѣваетъ красавицу плащомъ своимъ, боясь, чтобы она не проснулась— молодой Англичанинъ въ углу лодки играетъ съ своею собакою — другой Англичанинъ съ важнымъ видомъ болтаетъ въ рѣчку воду длинною своею проспью, и напоминаетъ мнѣ пѣхъ Духовъ въ Багватъ-Гепъ (*), которые симъ способомъ цѣлой океанъ превратили въ масло — высокой Нѣмецъ, стоя подлѣ мачты, куритъ трубку—Беккеръ, пожимаясь отъ упреннаго холоднаго воздуха, разговариваетъ съ кормчимъ — я пишу карандашомъ на пергаментномъ листочкѣ.

На обѣихъ сторонахъ рѣки простирающіяся зеленая равнины; изрѣдка видны пригорки и холмики; вездѣ прекрасныя деревеньки, ка-

(*) Индѣйская книга.

кихъ не находилъ я ни въ Герма-
ніи, ни въ Швейцаріи; сады, лѣт-
ніе домики богатыхъ купцовъ,
дворянскіе замки съ высокими
башнями; вездѣ земля обработана
наилучшимъ образомъ; вездѣ видно
трудолюбіе и богатые плоды его.

Я воображаю себѣ первобытное
соспояніе сихъ цвѣтущихъ бере-
говъ. . . . Здѣсь журчала Сона въ
дичи и мракѣ; темные лѣса шу-
мѣли надъ ея водами; люди жили
какъ звѣри, укрываясь въ глубо-
кихъ пещерахъ, или подъ вѣтвя-
ми столѣпныхъ дубовъ — какое
превращеніе! . . . Сколько вѣковъ
потребно было на то, чптобы сгла-
дишь съ напурѣ всѣ признаки на-
чальной дикости!

Но можетъ быть, друзья мои,
можетъ быть въ теченіе времени
сіи мѣста опянь запускѣются и
одичають; можетъ быть черезъ
нѣсколько вѣковъ (вмѣсто сихъ
прекрасныхъ дѣвушекъ, которыя

теперь передъ моими глазами сидящъ на берегу рѣки и чешущъ гребнями бѣлыхъ козъ своихъ) являясь здѣсь хищные звѣри и зареушъ какъ въ пустынѣ Африканской! . . . Горестная мысль!

Наблюдайте движенія Природы; читайте исторію народовъ; побѣжайте въ Сирію, въ Египетъ, въ Грецію — и скажите, чего ожидать не возможно? Все возвышается или упадаетъ; народы земные подобны цвѣтамъ весеннимъ; они увядаютъ въ свое время—придетъ спранныкъ, копорой удивлялся нѣкогда красотѣ ихъ; придетъ на то мѣсто, гдѣ цвѣли они. и печальный мохъ представится глазамъ его! — Оссианъ! ты живо чувствовалъ сію плачевную судьбу всего подлуннаго, и для того потрясаетъ мое сердце унылыми своими пѣснями!

Кто поручится, чтобы вся Франція — сіе прекраснѣйшее въ

свѣтъ государство, прекраснѣйшее по своему климату, своимъ произведеніямъ, своимъ жителямъ, своимъ искусствамъ и художествамъ — рано или поздно не уподобилась нынѣшнему Египту?

Одно утѣшаетъ меня — то, что съ паденіемъ націй не упадетъ весь родъ человѣческой; однѣ уступаютъ свое мѣсто другимъ — и еслили запустѣетъ Европа, то въ срединѣ Африки или въ Канадѣ процвѣтутъ новыя полипическія общества, процвѣтутъ науки, искусства и художества.

Тамъ, гдѣ жили Гомеры и Платоны, живутъ нынѣ невѣжды и варвары; но за то въ сѣверной Европѣ существуетъ Пророкъ Мессіады, которому самъ Гомеръ отдастъ бы лавровый вѣнецъ свой; за то у подошвы Юры видимъ Боннша, а въ Кенигсбергѣ Канша, передъ которыми Платонъ въ раз-

сужденіи философіи есть младе-
нецъ.

Болѣе писать не гдѣ.

Маконъ въ Бургоніи, полночь.

Путешествіе наше очень прі-
ятно. День былъ прекрасной, ве-
черъ теплой, солнце шихо и вели-
колѣпно скапилось съ голубаго не-
ба, и давно не видалъ я такой ро-
зовой зари, какую видѣлъ нынѣ.

Въ полдень приспали мы къ бе-
регу пропивъ одного небольшого
мѣстечка. Тутъ вспрѣпили насъ
пятнадцать или двадцать прак-
тирицъ, изъ которыхъ каждая
звала къ себѣ въ гости любезныхъ
путешественниковъ, увѣряя, что у
нее прекрасной супъ, прекрасные
соусы, прекрасной десертъ и са-
мое лучшее вино. Я, Б*, молодой
Французской Офицеръ и двое Ан-
гличанъ обѣдали вмѣстѣ, и съ ве-

ликою благодарностію заплашили хозяйкѣ по 30 су, для того что она въ самомъ дѣлѣ очень хорошо насъ угостила.—Послѣ обѣда гуляли мы по берегу рѣки, заходили въ разные крестьянскіе домики, и видѣли, что поселяне живутъ чисто и опрятно. Офицеръ, Б* и я говорили съ ними о хозяйствѣ, о земледѣліи, и шутили съ молодыми крестьянками, которыя умѣютъ еще краснѣться. Одно семейство заспали мы за обѣдомъ: на большомъ столѣ, покрытомъ довольно-чистою скапертью, стояла чаша съ супомъ, блюдо шпинату и кринка молока.—Но весьма не полюбились мнѣ деревянные башмаки Французскихъ поселянъ, и я не понимаю, какъ они не напираютъ ими ногъ своихъ.—

Около вечера мы проплыли мимо города Треву, лежащаго на правой сторонѣ Соны; болѣе всего извѣстенъ онъ по Memoires de

Тревоух, анпи - философическому, Иезуитскому Журналу, копорой, подобно черной молніеносной пучѣ, мешалѣ спрашныя перуны на Вольперовѣ и д' Аламбершовѣ, и грозилѣ попалишь священнымѣ огнемѣ всѣ произведенія ума чело-вѣческаго.

Вѣ девять часовѣ вышли мы на берегѣ вѣ городѣ Маконѣ, ужинали вѣ первомѣ здѣшнемѣ пракширѣ и пили самое лучшее Бургонское вино. Оно гуспаго, темнаго цвѣта, и совсѣмѣ не похоже на то, что у насѣ вѣ Россіи называется Бургонскимѣ.

Здѣсь ночуемѣ, и вѣ чепыре часа поплывемѣ вѣ Шалонѣ, гдѣ надѣемся бышь завтра послѣ обѣда.

Фонтенбло, 9 часовѣ утра.

Третьяго дня ночью выѣхали мы изѣ Шалона, вѣ легкой коля-

скѣ, вмѣстѣ съ однимъ Парижскимъ купцомъ, которой, взявъ съ насъ двоихъ 300 ливровъ, сказалъ, чшобы мы спрятали до Парижа свои кошельки; онъ плапипъ прогоны, за обѣдъ, за ужинъ, за чай и кофе. Можетъ быть останется у него нѣсколько талеровъ или экю; но за то мы совершенно покойны.

Французская почта не дороже, и при томъ несравненно лучше Нѣмецкой. Лошади вездѣ черезъ пять минушъ готовы; дороги прекрасныя; пошпильоны не лѣнивы — города и деревни безпрестанно мелькающъ въ глазахъ путешественника.

Въ 30 часовъ переѣхали мы 65 Французскихъ миль; вездѣ видѣли пріятныя мѣста, и на каждой станціи — были окружены нищими! Товарищъ нашъ Французъ говорилъ, что они бѣдны отъ праздности и лѣни своей, и по тому

не достойны сожалѣнія; но я не могъ спокойно ни обѣдать ни ужинать, видя подъ окномъ сіи блѣдныя лица, сіи раздранныя рубища!

Фонпенбло есть маленькой городокъ, окруженной лѣсами, въ копорыхъ Французскіе Короли издревле забавлялись звѣриною ловлею. Святой Людовикъ подписывалъ на указахъ: *donné en nos déserts de Fontainebleau* (*дано въ нашей пустынѣ Фонтенбло*). Тогда не было здѣсь почти ничего, кромѣ двухъ или трехъ церквей и монастыря; но Францискъ I построилъ въ пустынѣ огромной дворецъ, и украсилъ его лучшими произведеніями Италіянскаго художества. Я хотѣлъ видѣть внутренность сего величественнаго зданія, и за два эю видѣлъ все достойное примѣчанія: прекрасную церковь, галерею Франциска I съ ея славными картинами,

Королевскія и Королевины комна-
ты, также украшенныя превос-
ходною живописью, и проч. Въ
одной большой галереѣ сего двор-
ца показывающѣ по мѣсто, гдѣ
жестокая Христина въ 1659 году
спрашнѣйшимъ образомъ умерш-
вила своего Штальмейстера и лю-
бовника, Маркиза Мональдески. —
Въ маскарадной залѣ, расписанной
живописцемъ Николо, многія кар-
тины смершны, для того что онѣ
были слишкомъ соблазнительны
для набожныхъ людей. Соваль, Ад-
вокатъ Парижскаго Парламента,
описывая любовныя похождения Ко-
ролей Французскихъ, говоритъ, что
вѣкъ Франциска I былъ самой раз-
вращенной, и что всѣ произведе-
нія погдашнихъ Поэтовъ и живо-
писцовъ дышали сладоспращіемъ.
„Спупай въ Фонпенбло! (воскли-
„цаетъ благочеспивой Адвокатъ,
„скончавшій жизнь свою въ 1670
„году) и вездѣ на спѣнахъ уви-

„дишь ты боговъ и богинь, мужчинъ
 „и женщинъ, которыя посрамляють
 „нашуру и упоають въ моръ рас-
 „пусства. Добродѣтельная супру-
 „га Генриха IV испребила многія
 „изъ сихъ каршинъ; но ччтобы испре-
 „бить все погибельное, все развраш-
 „ное, надлежитъ предать пламени
 „весь Фоншенбло.“ — Нѣкто Сюб-
 ле-де-Ное, будучи Губернапоромъ
 въ Фоншенбло, сжегъ Микель-Анд-
 желову каршину, за которую Фран-
 цискъ I заплашилъ превеликую
 сумму. Изображалась нагая Леда,
 — и такъ живо, въ такомъ сла-
 доспрастномъ положеніи, что
 Губернапоръ не могъ видѣть ее
 безъ соблазна. — Сіи анекдоты
 взялъ я изъ Дюлора.

Мы завпракали — посшилъонъ
 хлопаетъ бичемъ — проспите —
 проспите до Парижа!

Парижѣ, 27 Марта 1790.

Мы приближались къ Парижу, и я безпрестанно спрашивалъ, скоро ли увидимъ его? Наконецъ открылась обширная равнина, а на равнинѣ, во всю длину ея, Парижъ!... Жадные взоры наши устремились на сію необозримую громаду зданій — и перялись въ ней, подобно какъ въ безконечности океана. Сердце мое билось. „Вотъ онъ (думалъ я) — вотъ городъ, которой въ теченіе многихъ вѣковъ былъ образцемъ всей Европы, испочникомъ вкуса, модъ — котораго имя произносится съ благоговѣніемъ учеными и неучеными, Философами и щеголями, художниками и невѣждами, въ Европѣ и въ Азіи, въ Америкѣ и въ Африкѣ — котораго имя спало мнѣ извѣстно почти вмѣстѣ съ моимъ именемъ; о которомъ такъ много читалъ я въ романахъ, такъ много слышалъ отъ путешествен-

никовъ, такъ много мечталъ и думалъ!... Вотъ онъ!... я его вижу, и буду въ немъ!“ — — Ахъ, друзья мои! сія минута была одною изъ пріятнѣйшихъ минутъ моего путешествія! Ни къ какому городу не приближался я съ такими живыми чувствами, съ такимъ любопытствомъ, — съ такимъ нетерпѣніемъ! — Товарищъ нашъ Французъ, указывая на Парижъ своею простью, говорилъ намъ: „Здѣсь, на правой сторонѣ, видите вы предмѣстіе Монъ-Мартръ и дю-Танпль; прошивъ насъ *фобуръ* Св. Антонія, а на лѣвой сторонѣ за Сеною предмѣстіе Ст. Марсель, Мишель и Жермень. Эта высокая гошическая башня есть древняя церковь Богоматери; сей новой великолѣпной храмъ, котораго архитекторъ вы конечно удивляе-
 „етесь, есть храмъ Святой Жевьевы, покровительницы Пари-

„жа ; шамъ вдали возвышается съ
 „блещащимъ куполомъ 1' Hôtel
 „Royal des Invalides, одно изъ
 „огромнѣйшихъ Парижскихъ зда-
 „ній, гдѣ Короли и опечесство
 „покояшъ заслуженныхъ и преспа-
 „рѣлыхъ воиновъ.“

Скоро выѣхали мы въ предмѣ-
 спіе Св. Антонія; но что же уви-
 дѣли? Узкія, нечислыя, грязныя
 улицы, худые дома и людей въ
 раздранныхъ рубищахъ. „И это
 Парижъ?“ (думалъ я) — „городъ,
 копорой издали казался споль ве-
 ликолѣпнымъ?“ — Но декорація
 совершенно перемѣнилась, когда
 мы выѣхали на берегъ Сены; шупъ
 предспавились намъ великолѣпныя
 зданія, дома въ шесъ этажей,
 богатыя лавки. Какое многолюд-
 спво ! какая песпропа ! какой
 шумъ ! Кареша скачешъ за каре-
 шою ; — безпреспанно кричашъ :
 gare ! gare ! и народъ волнуешся
 какъ море.

Сей неописанной шумъ, сіе чудное разнообразіе предметовъ, сіе чрезвычайное многолюдство, сія необыкновенная живость въ народъ, привели меня въ нѣкоторое изумленіе.—Мнѣ казалось, что я какъ маленькая песчинка попалъ въ ужасную пучину и кружусь въ водномъ вихрѣ.

Переѣхавъ черезъ Сену, въ улицѣ *Тенего* остановились мы подлѣ *Hôtel Britannique*. Тамъ, въ прешемъ эпажѣ, нашлись для насъ двѣ комнашы, свѣплыя и чисто прибранныя, за копорыя должно плащипъ по два луидора въ мѣсяцѣ. Хозяйка осыпала насъ учпи-воспями; бѣгала, суешилась, назначала мѣсто для нашихъ кроватей, сундука, чемодана, и при всякомъ словѣ говорила: *aimables étrangers* — *любезные иностранцы, поттенные иностранцы!* Купецъ, сопущникъ нашъ, пожелалъ намъ всевозможныхъ удовольствій въ

Парижѣ, и уѣхалѣ къ себѣ домой; а мы въ полчаса успѣли опобѣдашь, причесаться, одѣться — заперли свои комнапы, вышли на улицу и смѣшались съ толпами народными, копорыя какѣ морскія волны вынесли насѣ къ славному *новому мосту*, *pont neuf*, гдѣ стоишѣ прекрасной монументѣ любезнѣйшаго изѣ Королей Французскихѣ, Генриха IV. Можно ли было пройши мимо его? Нѣшѣ! ноги мои сами собою оспановились; взорѣ мой самѣ собою успремился на образѣ Героя, и нѣсколько минушѣ не могѣ сѣ него соврашишѣся.

Оспавя Беккера у подножія Генриковой статуи, я пошелѣ къ Г. Брегешу, копорой живешѣ недалеко онѣ Нового мосту на *quai des morfondus*. Жена его приняла меня передѣ каминомѣ, и услышавѣ мое имя, потчасѣ вынесла мнѣ письмо — письмо опѣ моихѣ любезныхѣ! . . . Вообразите ра-

доспѣ вашего друга! . . . Вы здоровы и благополучны! . . . Всѣ безпокойства въ одну минуточку забылись; я спалъ веселъ какъ безпечной младенецъ — читалъ десять разъ письмо — забылъ Госпожу Брегетъ, и не говорилъ съ нею ни слова — душа моя въ сію минуточку занималась одними опдаленными друзьями. — *Кажется, что вы очень обрадовались*, сказала хозяйка: *это пріятно видѣть*. — Тутъ я опомнился, началъ передъ нею извиняться, но очень не складно; хотѣлъ рассказывать ей о Женевѣ, гдѣ она родилась — но не могъ, и наконецъ ушелъ. Беккеръ увидѣлъ меня бѣгущаго; увидѣлъ письмо въ рукѣ моей; увидѣлъ мое лицо — и обрадовался сердечно — потому что онъ любитъ меня. Мы обнялись на Новомъ Мосту подлѣ монумента — и мнѣ казалось, что самъ мѣдной Генрикъ, смотря на насъ, улыбался.

Pont neuf! я никогда тебя не забуду!

Сердце мое было довольно и весело — я ходилъ съ Беккеромъ по неизвѣстному городу, изъ улицы въ улицу, безъ проводника, безъ намѣренія и безъ цѣли — и все, что встрѣчалось глазамъ нашимъ, занимало меня пріятнымъ образомъ.

Солнце сѣло; наступила ночь и фонари засвѣтились на улицахъ. Мы пришли въ *Пале-рояль*, огромное зданіе, которое принадлежитъ Герцогу Орлеанскому, и которое называется сполницею Парижа.

Вообразите себѣ великолѣпный квадратный замокъ, и внизу его аркады, подъ которыми въ безчисленныхъ лавкахъ сіяютъ всѣ сокровища свѣта, богатства Индіи и Америки, алмазы и діаманты, серебро и золото; всѣ произведенія Натуры и Искусства; все, чѣмъ когда нибудь Царская пыш-

ность украшалась; все изобрѣшенное роскошью для услажденія жизни!... И все это, для привлеченія глазъ, разложено прекраснѣйшимъ образомъ, и освѣщено яркими, разноцвѣтными огнями, ослѣпляющими зрѣніе. — Вообразите себѣ множество людей, которые толпятся въ сихъ галереяхъ, и ходятъ взадъ и впередъ только для того, чтобы смотрѣть другъ на друга! — Тутъ видите вы и кофейные дома, первые въ Парижѣ, гдѣ также все людьми наполнено; гдѣ чашаютъ вслухъ газеты и журналы, шумятъ, спорятъ, говорятъ рѣчи, и проч.

Голова моя закружилась — мы вышли изъ галерей, и сѣли отдышаться въ каштановой алеѣ, въ Jardin du Palais Royal. Тутъ царствовали пишина и сумракъ. Аркады изливали свѣтъ свой на зеленые вѣтви; но онъ терялся въ ихъ тѣняхъ. Изъ другой алеи

неслись тихіе, сладоспные звуки нѣжной музыки; прохладной вѣше-рокъ шевелилъ листочки на деревьяхъ. — *Милфы радости* подходили къ намъ одна за другою, бросали въ насъ цвѣтами, вздыхали, смѣялись, звали въ свои гроты, обѣщали пьму удовольствій, и скрывались какъ призраки лунной ночи.

Все казалось мнѣ очарованіемъ, Калипсинымъ оспровомъ, Армидинымъ замкомъ. Я погрузился въ пріятную задумчивость, и тысячи романическихъ мыслей носились въ душѣ моей — — —

Парижъ, Апрѣля 2, 1790.

Я въ Парижѣ! эта мысль производитъ въ душѣ моей какое-то особенное, быстрое, неизбяснимое, пріятное движеніе... *я въ Парижѣ!* говорю самъ себѣ, и бѣгу изъ

улицы вѣ улицу, изѣ Тюльери вѣ Поля Елисейскія; вдругѣ оспанавливаюсь, на все смопрю сѣ опмѣннымѣ любопытствомѣ: на дома, на кареты, на людей—и тысячи идей возбуждаются вѣ головѣ моей. Чѣто было мнѣ извѣстно по описаніямѣ, вижу теперѣ собственными глазами — веселюсь и радуюсь живою картиною величайшаго, славнѣйшаго города вѣ свѣтѣ, чуднаго, единственнаго по разнообразію своихѣ явленій. —

Пять дней прошли для меня какѣ пять часовѣ: вѣ шумѣ, во многолюдствѣ, вѣ спектакляхѣ, вѣ волшебномѣ замкѣ Пале-Рояль. Душа моя наполнена живыми впечатлѣніями; но я не могу самому себѣ дать вѣ нихѣ отчета, и не вѣ состояніи сказаѣ вамѣ ничего связнаго о Парижѣ. Пусть любопытство мое насыщается; а послѣ будетѣ время разсуждаѣ, описываѣ, хвалиѣ, крипиковаѣ.

— Теперь замѣчу одно то, что кажется мнѣ главною черпою въ характерѣ Парижа: опимѣнную живость народныхъ движеній, удивительную скоростъ въ словахъ и дѣлахъ. Сиспема Декарповыхъ вихрей могла родиться только въ головѣ Француза, Парижскаго жителя. Здѣсь все спѣшитъ куда-то; всѣ, кажется, перегоняютъ другъ друга; ловятъ, хватаютъ мысли; угадываютъ, чего вы хотите, чпобѣ какъ можно скорѣе васъ опправишь. Какая спрашная пропивоположность—на примѣрѣ, съ важными Швейцарами, копорые ходятъ всегда размѣренными шагами, слушають васъ съ величайшимъ вниманіемъ, приводящимъ въ краску спыдливаго, скромнаго человека; слушають и погда, когда вы уже говоришь переспали; соображаютъ ваши слова, и опвѣчаютъ пакъ медленно, пакъ оспорожно, боясь, что они васъ не по-

нимають ! А Парижской жипель
хочеть всегда опгадывать; вы еще
не кончили вопроса, онъ сказалъ
опвѣтъ свой, поклонился и ушелъ!

Парижъ, Апрѣля.... 1790.

Принимаясь за перо съ тѣмъ,
чтобы представить вамъ Парижъ
хотя не въ совершенной картинѣ,
но по крайней мѣрѣ въ главныхъ
его черпахъ, долженъ ли я на-
чать, какъ говорили Древніе, съ
лицъ Леды, и объявить съ ученою
важностію, что сей городъ назы-
вался нѣкогда Люпеціею; что имя
Парижскихъ жипелей, *Parisii*, зна-
читъ *народъ, покровительствуемый*
Изидою—но естъ, что оно про-
изошло отъ Греческаго слова *пара*
и *Изисъ*, хотя НВ. Гальскіе народы
не имѣли никакого понятія о сей
Египетской богинѣ и не думали
искасть ея покровительсва? Пе-

рєвєспи ли нѣкоторыя мѣста изъ
Записокъ Юлія Цесаря (перваго
изъ древнихъ Авторовъ, упоминаю-
щихъ о Парижѣ) и Мизопогона,
книги сочиненной Императоромъ
Іуліаномъ; мѣста, изъ которыхъ
вы узнаете, что Парижъ и во вре-
мя Цесарево былъ уже столицею
Галліи, и что Императоръ Іулі-
анъ умеръ-было въ немъ отъ угара
(*)? Окружилъ ли мнѣ себя шво-
реніями Іоанна Готвиля, Вильгель-
ма Коррозеша, Клавдія Фошеша,
Николая Бонфуса, Якова Берля,
Маленгра, Соваля, Дома Филибьєня,
Коллешеша, де-ла-Мара, Брисса,

(*) „Я провелъ зиму въ моей любезной
„Люшеціи, говорилъ онъ: она по-
„спроена на острову и окружена
„спѣнами, которыя омываются во-
„дами рѣки, пріятными для глазъ
„и вкуса. Зима бываетъ тамъ обык-
„венно не очень холодна; но въ мое
„время морозы были такъ жестоки,
„что рѣка покрылась льдомъ. Жи-

Буассо, Праделя, ле-Мера, Мон-фокона — ослѣпить ли глаза ваши ученою пылью сихъ Авшоровъ, и показатъ ли вамъ ясно, что былъ Парижъ въ своемъ началѣ, когда еще не огромныя палаты и храмы созерцались въ струяхъ Сены, а маленькіе домики, подобные Альпійскихъ хижинамъ; когда еще не гранишныя, а деревянные мосты служили ей поясами; когда не Лайсъ, не Рено плѣняли слухъ людей на берегахъ ея, а брашья Осіановы дикими своими пѣснями; когда не Мирабо, не Мори удивляли Парижцевъ своимъ краснорѣ-

„тели нагрѣваютъ свои жи-
 „лица посредствомъ печей; но я
 „не позволилъ развесити огня въ
 „моей горницѣ, а велѣлъ только
 „принести къ себѣ нѣсколько горя-
 „щихъ угольевъ. Паръ, копорой отъ
 „нихъ распространился по всей ко-
 „мнатѣ, едва-было не задушилъ ме-
 „ня, и я упалъ безъ чувства.“

чіемъ, а сѣдовласые Друиды, обожатели дубоваго лѣса? Ипши ли мнѣ въ слѣдъ Парижу, шагъ за шагомъ, черезъ пространство минувшихъ вѣковъ, означая всѣ его измѣненія, новые виды, успѣхи въ архитектурѣ, отъ перваго каменнаго домика до Луврской колоннады? — Я слышу отвѣтъ вашъ: „Мы прочитаемъ Сени-Фуа, его „Essais sur Paris, и узнаемъ все, что ты можешь сказать о древности Парижа; скажи намъ только, каковъ онъ показался тебѣ въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, и болѣе ничего не пребудемъ.“ — И такъ, оставляя почтенную старину, оставляя все прошедшее, буду говорить объ одномъ настоящемъ.

Парижъ покажется вамъ великолѣпнѣйшимъ городомъ, когда вы вѣдете въ него по Версальской дорогѣ. Громады зданій впереди, съ высокими шпицами и куполами;

на правой сторонѣ рѣка Сена съ карпинными домиками и садами; на лѣвой, за пространною зеленою равниною, гора *Мартрѣ*, покрывая безчисленными вѣтренными мельницами, копорыя, размахивая своими крыльями, представляющѣ глазамъ вашимъ лепящую спаницу какихъ нибудь пернатыхъ великановъ, спроусовъ или Альпійскихъ орловъ. Дорога широкая, ровная, гладка какъ сполъ, и ночью бывающѣ освѣщена фонарями. Заспава есть небольшой домикъ, копорой плѣняющѣ васъ красою архитектуры своей. Черезъ обширной, бархатной лугъ вѣбзжающе въ поля *Блисейскія*, не даромъ названныя симъ привлекательнымъ именемъ: лѣсокъ, насажденный самими Ореадами, съ маленькими цвѣпущими лужками, съ хижинками въ разныхъ мѣстахъ разсѣянными, изъ копорыхъ въ одной найдете кофейной домъ, въ

другой лавку. Тутъ по Воскресеньямъ гуляють народъ, играетъ музыка, пляшутъ веселыя мѣщанки. Бѣдные люди, изнуренные шестидневною работою, отдыхають на свѣжей травѣ, пьютъ вино и поютъ *водевили*. Вы не имѣете времени осмопрѣть всѣхъ красотъ сего лѣсочка, сихъ умильныхъ рожицъ, какъ будто бы безъ всякаго намѣренія разбросанныхъ на правой и на лѣвой сторонѣ дороги: взоръ вашъ стремится впередъ, туда, гдѣ на большой, осьмиугольной площади возвышается статуя Людовика XV, окруженная бѣлымъ мраморнымъ балюспрадомъ. Подойдете къ ней, и увидите передъ собою густыя алеи славнаго сада Тюльери, примыкающія къ великолѣпному дворцу: видъ прекрасной! Вошедши въ садъ, не знаете, чѣмъ любоваться, густотою ли древнихъ алей, или пріятностію высокихъ террасъ,

которыя на обѣихъ сторонахъ про-
 спирающся во всю длину сада;
 или красопою бассейновъ, цвѣпни-
 ковъ, вазъ, группъ и статуй. Ху-
 дожникъ ле-Нопръ, творецъ сего
 конечно искуснѣйшаго сада въ
 Европѣ, ознаменовалъ каждую его
 часть печатію ума и вкуса. Здѣсь
 гуляють уже не народъ, такъ какъ
 въ поляхъ Элисейскихъ, а такъ на-
 зываемыя *лучшія люди*, кавалеры
 и дамы, съ которыхъ пудра и ру-
 мяна сыплются на землю. Взой-
 дице на большую террасу; по-
 смоприце на право, на лѣво, кру-
 гомъ: вездѣ огромныя зданія, зам-
 ки, храмы — красивые берега Се-
 ны, граничные мосты, на копо-
 рыхъ толпящся тысячи людей,
 спущице множество каретъ —
 взглянице на все, и скажице, ка-
 ковъ Парижъ? Мало, еспьли назо-
 вете его первымъ городомъ въ
 свѣтѣ, столицею великолѣпія и
 волшебства. Останьтесь же здѣсь,

естѣли не хопите перемѣнишь
 своего мнѣнія; пошедши далѣе,
 увидите. . . . шѣсныя улицы, о-
 скорбительное смѣшеніе богат-
 ства съ нищетою; подлѣ блестя-
 щей лавки ювелира кучу гнилыхъ
 яблокъ и сельдей; вездѣ грязь и
 даже кровь, пекущую ручьями изъ
 мясныхъ рядовъ — зажмете носъ
 и закроете глаза. Картина пыш-
 наго города зашмихся въ вашихъ
 мысляхъ, и вамъ покажется, что
 изъ всѣхъ городовъ на свѣшъ че-
 резъ подземельныя трубы сли-
 вается въ Парижъ нечистота и
 гадость. Сступите еще шагъ, и
 вдругъ повѣетъ на васъ благоуха-
 ніе щасливой Аравіи, или, по
 крайней мѣрѣ, цвѣтущихъ луговъ
 Прованскихъ: значишь, что вы по-
 дошли къ одной изъ шѣхъ лавокъ,
 въ которыхъ продаются духи и
 помада, и которыхъ здѣсь множе-
 ство. Однимъ словомъ, что шагъ,
 то новая атмосфера, то новые

предметы роскоши или самой отвратительной нечистоты—такъ, что вы должны будете назвать Парижъ самымъ великолѣпнымъ и самымъ гадкимъ, самымъ благоуханнымъ (*) и самымъ вонючимъ городомъ. Улицы всѣ безъ исключенія узки и темны отъ огромности домовъ; славная *Сент-Оноре* всѣхъ длиннѣе, всѣхъ шумнѣе и всѣхъ грязнѣе. Горе бѣднымъ пѣшеходцамъ, особливо когда идетъ дождь! Вамъ надобно или мѣсить грязь на срединѣ улицы (**), или вода, льющаяся съ кровель черезъ дельфины, не оставитъ на васъ сухой нишки. Кареша здѣсь необходима

(*) Потому что нигдѣ не продаютъ столько ароматическихъ духовъ, какъ въ Парижѣ.

(**) Мостовая дѣлается въ Парижѣ скапомъ съ обѣихъ сторонъ улицы, отъ чего въ срединѣ бываетъ всегда страшная грязь.

(*), по крайней мѣрѣ для насъ иностранцевъ; а Французы умѣютъ чудеснымъ образомъ ходить по грязи не грязнясь, масперски прыгаютъ съ камня на камень, и прячущаяся въ лавки опъ скачущихъ каретъ. Славной Турнфоръ, копорой обѣздилъ почти весь свѣтъ, возвратился въ Парижъ и былъ раздавленъ фіакромъ, опъ того,

(*) За порядочную наемную карету надобно заплашить въ день рубль чешыре. Можно ѣздить и въ фіакрахъ, т. е. извозничьихъ каретахъ, которыя стоятъ на каждомъ перекресткѣ; правда, что онѣ очень не хороши, какъ снаружи, такъ и внутри; кучеръ сидитъ на козлахъ въ худомъ камзолѣ или въ ветхой епанчѣ, и безпрестанно погоняетъ двухъ — не лошадай, а лошадиныхъ скелетовъ, которыя то дернутъ, то станутъ — побѣгутъ, и опять ни съ мѣста. Въ семъ экипажѣ можно за 24 су проѣхать городъ изъ конца въ конецъ.

что онъ въ путешествіи своемъ
разучился прыгать серною на
улицахъ : искусство необходимое
для здѣшнихъ жителей!

Подите городомъ прямо, въ ко-
торую сторону вамъ угодно, и вы
очушитесь наконецъ въ пѣни гу-
стыхъ алей, называемыхъ *Булева-*
рами; ихъ три: одна для каретъ,
а двѣ для пѣшеходцевъ : онъ и-
дутъ рядомъ и образуютъ маги-
ческое кольцо, или самую прекра-
снѣйшую опушку вокругъ всего
Парижа. Тутъ городскіе жители
собирались некогда играть въ ша-
ры (*à la boule*) на зеленой тра-
вѣ: отъ чего и произошло назва-
ніе *буле-веръ* или *булеваръ*. Сначала,
на мѣстѣ алей, былъ только одинъ
валъ, копорой защищалъ столицу
Франціи отъ непріятельскихъ на-
бѣговъ ; деревья посажены гораздо
послѣ. Одна часть булеваровъ на-
зывается *старыми* , а другая *но-*
выми ; на первыхъ видите пред-

мешы вкуса, богатства, пышно-
 сти; все вымышленное праздно-
 стию для занятія праздности —
 здѣсь Комедія, пупъ Опера; здѣсь
 блестящія палаты, пупъ Гесперида-
 скіе сады, въ которыхъ недоспа-
 етъ только золотыхъ яблокъ;
 здѣсь кофейной домъ, обвѣшенный
 зелеными гирландами; пупъ бе-
 сѣдка, украшенная цвѣтами и по-
 добная сельскому храму Любви;
 здѣсь маленькой пріятной лѣсо-
 чикъ, въ которомъ гремитъ музы-
 ка, прыгаетъ на веревкѣ рѣзвая
 Нимфа, или какойнибудь *фигляръ*
 забавляетъ народъ своими хитро-
 стями; пупъ показывающіеся вамъ
 всѣ рѣдкія произведенія живо-
 наго царства Природы: ппицы
 Американскія, звѣри Африканскіе,
 колибріи и спроусы, пигры и кро-
 кодилы; здѣсь, подъ каштановымъ
 деревомъ, сидитъ Цирцея, смо-
 ритъ на васъ помными глазами,
 кладетъ руку на сердце, и видя,

чпо вы сб равнодушіемб идепе
 мимо, говоришб со вздохомб: *не-*
чувствительной! жестокой! пупб
 молодой, распрѣпанной *франтб*
 вспрѣчаепся сб пожилымб, нѣж-
 но - напудреннымб *петиметромб*,
 смопришб на него сб усмѣшкою,
 и подаепб руку оперной пѣвицѣ;
 здѣсь длинной рядб каретб, изб
 которыхб выглядываюшб юность
 и древность, красота и безобра-
 зіе, умб и глупость вѣ самыхб
 живыхб характерныхб черпахб—
 и наконецб. . . . маршируепб оп-
 рядб національной гвардіи. Цѣлой
 день употребилъ я на то, чпобы
 обойти эту шумную часть Буле-
 варовб (*).

(*) Между великолѣпными домами, кѣ
 нимб примыкающими, замѣшилъ я
 домб извѣснаго Бомарше. Сей че-
 ловѣкб умѣлб не только странною
 Комедіею вскружить голову Париж-
 ской публикѣ, но и разбогатѣлб
 удивительнымб образомб; умѣлб не

Такъ называемая *новая* часть представляеѣ совсѣмъ другое зрѣлище: тамъ дерева сѣнисѣе, алеи красивѣе, воздухъ чище, но мало бываеѣ гуляющихъ; не слышите ни шума каретнаго, ни попола лошадинаго, ни пѣсней, ни музыки; не видите ни Англійскихъ, ни Французскихъ щеголей, ни распудренныхъ головъ, ни румяненныхъ лицъ. Здѣсь въ густой тѣни опдыхаетъ доброй ре-

только изображаетъ живописнымъ перомъ слабыя стороны человѣческаго сердца, но и пользоваѣся ими для наполненія кошелька своего; онъ вмѣстѣ и остроумной авторъ и тонкой свѣтской человѣкъ, и хитрой придворный и расщепистый купецъ. Теперь имѣетъ Бомарше всѣ средства и способы наслаждаѣся жизнью. Домъ его смотритъ любопытные какъ диковинку богатства и вкуса; одинъ барельефъ надъ воротами стоить 30 или 40 тысячъ ливровъ.

месленникѣ съ своею женою и дочерью; шупѣ по алеѣ медленными шагами прохаживается сынѣ его съ молодою своею невѣстою; тамѣ поля съ хлѣбомѣ, сельскія работы, прудящіеся земледѣльцы; словомѣ, все просто, тихо и мирно.

Возвратимся опять въ городской шумѣ. Карлѣ V говаривалѣ: *Lutetia non urbs, sed orbis* (Лютеція, то есть Парижѣ, есть не городѣ, а цѣлой мірѣ): что жѣ бы онѣ сказалѣ теперѣ, когда Лютеція его вдвое увеличилась своимѣ пространствомѣ, и вдвое умножилась числомѣ своихѣ обитателей? Вообразите себѣ 25000 домовѣ въ 4, въ 5 этажей, которые съ верьху до низу наполнены людьми! Вопреки всѣмѣ географическимѣ календарямѣ, Парижѣ многолюднѣе и Конспаншинополя и Лондона, вмѣщая въ себѣ, по новому и самому вѣрному исчисленію, 1,130,450 жителей, между которыми по-

лагається 150000 иноспранцевъ и 200000 слугъ. Спупай здѣсь изъ конца въ конецъ города: вездѣ множество идущихъ и ѣдущихъ, вездѣ шумъ и гамъ, — на большихъ и малыхъ улицахъ: а ихъ въ Парижѣ около тысячи! Ночью въ 10, въ 11 часовъ все еще живо, все движется и шумитъ; въ первомъ, во второмъ часу вспрѣчается еще много людей; въ третьемъ и четвертомъ слышите изрѣдка каретной спукъ — однакожь сіи два часа можно назваць самыми тихими въ супкахъ. Въ пятомъ показывающся на улицахъ работники, Савояры, поденщики — и мало по малу весь городъ снова оживляется.

Теперь хопите ли осмопрѣть со мною славнѣйшія зданія въ Парижѣ? — Нѣтъ; оставимъ это до другога времени; вы успали, я также; надобно переѣнись матерію или — кончить.

Нынѣшній день обѣдалъ я у Господина Гло**, къ которому было у меня письмо изъ Женевы. Худо не зналъ обычаевъ: я пришелъ въ два часа, но въ домѣ совсѣмъ еще не думали принимать гостей. Хозяинъ, послѣ *утренней прогулки*, одѣвался въ своемъ кабинетѣ, а хозяйка занималась *утреннимъ чтеніемъ*. Минутъ черезъ десять вышла послѣдняя въ госпиную комнату, гдѣ я сидѣлъ одинъ у камина, перевертывая листы въ Мармонпелевой Позпикѣ, которая лежала на экранѣ. Госпожа Гло** есть ученая дама лѣтъ въ тридцать, говоритъ по Англійски, Италіянски, и (подобно Госпожѣ Неккерѣ, у которой собирались нѣкогда д'Аланберты, Ди드로пы и Мармонпели) любитъ обходиться съ Авторами. Мы начали говорить о Липпературѣ, и съ довольнымъ жаромъ, попому что

Госпожа Гло** пропироворѣчила всѣмъ моимъ мнѣніямъ. На примѣрѣ, я сказалъ, что Расинъ и Вольперъ лучшіе Французскіе пра-тики; но она, по благосклонности своей, открыла мнѣ, что Шенье — есть богъ передъ ними. Я думалъ, что прежде писали во Франціи лучше, нежели нынѣ; но она сказала мнѣ, что въ домѣ у нее собирается около двадцати сочи-нишелей, копорые всѣ несравнен-ны. Я хвалилъ дю-Папи: она увѣ-ряла, что его въ Парижѣ не чи-тають; что онъ былъ хорошій Адвокатъ, но худой Авпоръ и на-блюдашель. Я хвалилъ драму Рау-ля: она говорила объ ней съ пре-зрѣніемъ. Однимъ словомъ, наши несогласія никогда бы не кончи-лись, естли бы слуга не раство-рилъ дверей, и не увѣдомилъ Гж. Гло** о пріѣздѣ гостей. Черезъ нѣсколько минутъ наполнилась горница Маркизами, Кавалерами

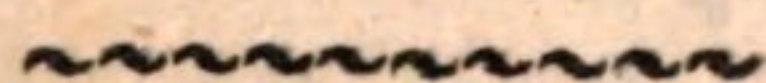
Св. Людовика, Адвокашами, Англичанами; каждой госпъ подходилъ къ хозяйкѣ съ холоднымъ привѣтствіемъ. Послѣ всѣхъ явился хозяинъ, и завелъ разговоръ о партіяхъ, интригахъ, декретахъ Народнаго Собранія, и проч. и проч. Французы разсуждали, хвалили, крипиковали; а молодые Англичане зѣвали. Я невольнымъ образомъ приспалъ къ симъ послѣднимъ, и сердечно обрадовался, когда насъ позвали обѣдать. Столъ былъ очень хорошъ; но риторы не умолкали. Между прочими опличалъ себя одинъ Адвокатъ, копорой хотѣлъ быть Министромъ единственно для того, чшобы въ 6 мѣсяцовъ заплапиль всѣ долги Франціи, умножилъ втрое доходы ея, обогатилъ Короля, духовенство, дворянство, купцовъ, художниковъ, ремесленниковъ. . . . Тупъ Господинъ Гло** схватилъ его за руку и съ важнымъ видомъ

сказалъ : „довольно , довольно , о великодушной человѣкѣ!“ Я засмѣялся—къ іщаспію, не одинѣ. Впрочемъ Адвокатѣ ни мало шѣмѣ не оскорбился, и продолжалъ доказывать пользу своихъ великихъ плановъ, относясь наиболѣе къ Неккерову брату , которой обѣдалъ вмѣстѣ съ нами , и которой съ величайшимъ терпѣніемъ слушалъ его. Такихъ говоруновъ нынѣ пьма въ Парижѣ, а особливо подѣ аркадами въ Пале - Рояль , и надобно имѣть очень здоровую голову , чшобы опѣ ихъ краснорѣчія не чувствововать въ ней боли.—Подѣ меня сидѣлъ за столомъ Англичанинѣ, человѣкѣ умной и важной, которой , узнавъ , что я Руской , спрашивалъ меня о нашемъ климатѣ , образѣ жизни , и проч. Извѣстной путешественникѣ Коксѣ ему пріятель; онѣ вмѣстѣ съ нимѣ былѣ въ Швейцаріи и въ Германіи. — Мы встали изѣ за-

стола въ пять часовъ, и хозяинъ сказалъ мнѣ, что я всякое Воскресенье могу обѣдать у него вмѣстѣ съ его пріятелями.

Еще было у меня письмо къ Господину Н**, старому Прованскому дворянину отъ брата его *эмигранта* (съ которымъ я познакомился въ Женевѣ, въ домѣ Госпожи К**). Онъ почти слѣпъ, глухъ, насилу ходитъ, и живетъ въ Парижѣ для молодой, нѣжной, помной, бѣлокурой, миловидной жены своей, которая любитъ спектакли и проч. Какая неровная чаша! Можетъ ли такое супружество быть щастливо? думалъ я, смотря на Господина и Госпожу Н**, на Вулкана и Венеру, на мерзвый Октябрь и цвѣтуцій Май. О Природа! въ царствѣ твоёмъ распути ли подлѣ снѣговъ розы? — Меня приняли съ холодною ласкою, такъ какъ здѣсь обыкновенно чужестранцевъ принима-

юшѣ; звали обѣдать, ужинаѣ, и проч. Госпожа Н** сказала мнѣ, что нынѣ въ Парижѣ скучно; что она скоро побѣдетъ въ Швейцарію, поселишся на той прекрасной горѣ близъ Нёшапеля, копорую Руссо описалъ магическимъ перомъ своимъ въ письмѣ къ д' Аланберту, и будетъ жиѣ тамъ щасливо въ обѣщаніяхъ Напуры. Я похвалилъ ея піиписическое намѣреніе.

Парижѣ нынѣ не то, что онѣ былѣ. Грозная туча носится надъ его башнями, и помрачаетъ блескъ сего, нѣкогда пышнаго города. Злапая роскошь, копорая прежде царствовала въ немъ какъ въ своей любезной столицѣ — злапая роскошь, опустивъ черное покрывало на горестное лице свое, поднялась на воздухъ и скрылась за облаками; оспался одинѣ блѣдный лучъ ея сіянія, копорый едва сверкаетъ на горизонтѣ, подобно

умирающей зарѣ вечера. Ужасы Революціи выгнали изъ Парижа самыхъ богатѣйшихъ жителей; знатнѣйшее дворянство удалилось въ чужія земли; а тѣ, которые здѣсь остались, живущіе по большей части въ тѣсномъ кругѣ своихъ друзей и родственниковъ.

Здѣсь — сказалъ мнѣ Аббатъ Н*, идучи со мною по улицѣ St. Нопорé, и указывая проростью на большіе дома, которые стояли нынѣ пустые — „здѣсь, по Воскресеньямъ, у Маркизы Д* сбѣзжались самыя модныя Парижскія Дамы, знаменитые люди, славнѣйшіе остроумцы (*beaux-esprits*); одни играли въ карты, другіе судили о житейской философіи, о нѣжныхъ чувствахъ, пріятностяхъ, красотахъ, вкусѣ — шутя, по Чепвергамъ, у Графини А* собирались глубокомысленные Полиптики обоего пола, сравнивали Маблі съ Ж. Жакомъ и сочиняли планы для новой Упо-

пій—шамб, по Субботамб, у Баронессы Ф* чипалъ М* примѣчанія свои на Книгу Бытія, извясняя любопытнымъ женщинамъ свойство дракона Хаоса, и представляя его въ такомъ ужасномъ видѣ, что слушательницы падали въ обморокъ отъ великаго страха. Вы опоздали пріѣхать въ Парижъ; щасливыя времена исчезли; пріятныя ужины кончились; *хорошее общество* (la bonne compagnie) разсѣялось по всѣмъ концамъ земли. Маркиза Д* уѣхала въ Лондонъ, Графиня А* въ Швейцарію, а Баронесса Ф* въ Римъ, чшобы поспричься шамб въ монахини. Порядочной челоѣкъ не знаетъ теперь, куда дѣваться, что дѣлать, и какъ провести вечеръ.“

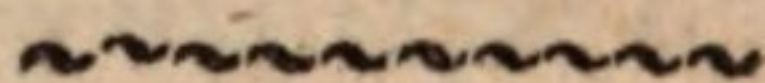
Однакожь Аббатъ Н*, (къ которому привезъ я письмо изъ Женевы отъ брата его, Графа Н*) признался мнѣ, что Французы давно уже разучились веселиться въ

обществахъ, такъ какъ они во время Людовика XIV веселились, на примѣрѣ въ домѣ извѣстной Марионы де-Лормъ, Графини де-ла-Сюзъ, Ниноны Ланкло, гдѣ Вольтеръ сочинялъ первые стихи свои; гдѣ Вуатюръ, Сент-Эвремонъ, Саразень, Граммонъ, Менажъ, Пелиссонъ, Гено, блистали остроуміемъ, сыпали апшическую соль на общій разговоръ и были законодателями забавъ и вкуса. — „Жанъ Ла, продолжалъ мой Аббатъ, Жанъ Ла несчастною выдумкою Банка погубилъ и богатство и любезность Парижскихъ жителей, превративъ нашихъ забавныхъ Маркизовъ въ торгашей и росповѣтниковъ; гдѣ прежде раздроблялись всѣ тонкости общественнаго ума, гдѣ всѣ сокровища, всѣ опѣнки Французскаго языка испощались въ пріянныхъ шуткахъ, въ острыхъ словахъ, тамъ заговорили. . . . о цѣнѣ банковыхъ ассигнацій, и до-

мы, въ копорыхъ собиралось лучшее общество, сдѣлались биржами. Обшпоятельства перемѣнились — Жанъ Ла бѣжалъ въ Италію — но испинная Французская веселость была уже съ того времени рѣдкимъ явленіемъ въ Парижскихъ собраніяхъ. Начались страшныя игры; молодыя дамы сбѣзжались по вечерамъ для того, чптобы разоряшь другъ друга, мепали карты на право и на лѣво, и забывали искусство Грацій, искусство нравиться. По помъ вошли въ моду попугаи и Экономиспы, *Академическїя интриги* и Энциклопедиспы, *каланбуры* и Магнепизмъ, Химія и Драмапургія, Мешафизика и Полишика. Красавицы сдѣлались Авпорами, и нашли способъ... усыпляшь самыхъ своихъ любовниковъ. О спектакляхъ, Оперѣ, балешахъ говорили мы наконецъ математическими посылками, и числами извѣсняли красоты Но-

вой Элоизы. Всѣ философствовали, важничали, хитрили и вводили въ языкъ новыя странныя выраженія, которыхъ бы Расинъ и Де-прео понять не могли или не захотѣли—и я не знаю, къ чему бы мы наконецъ должны были прибѣгнутьъ отъ скуки, естли бы вдругъ не грянулъ надъ нами громъ Революціи.“

Тутъ мы распались съ Аббатомъ.

Вчера, въ придворной церкви, видѣлъ я Короля и Королеву. Спокойствіе, крошость и добродушіе, изображающіяся на лицѣ перваго, и я увѣренъ, что никакое злое намереніе не раждалось въ душѣ его. Есть на свѣтѣ щастливыя характеры, которые по природному чувству не могутъ не любить и не дѣлать добра: таковъ сей Государь! Онъ можетъ быть

злополученъ ; можетъ погибнуть въ шумящей бурѣ— но правосудная Исторія впишетъ Людовика XVI въ число благодѣтельныхъ Царей, и другъ человѣчества прольетъ въ память его слезу сердечную. — Королева , не смотря на всѣ удары рока, прекрасна и величественна, подобно розѣ, на копорую вѣютъ холодные вѣтры, но копорая сохраняетъ еще цвѣтъ и красоту свою. Марія рождена бытъ Королевою. Бидѣ, взорѣ, усмѣшка — все показываетъ не обыкновенную душу. Не лзя, чшобы ея сердце не спрадало ; но она умѣетъ скрывать горестъ свою, и на свѣтлыхъ глазахъ ея не примѣтно ни одного облачка. Улыбаясь пакъ, какъ Граціи улыбаются, перебирала она лиспочки въ своемъ молитвенникѣ, взглядывала на Короля, на Принцессу, дочь свою, и снова бралась за книгу. Елисавета, сеспра Королевская, молилась съ вели-

кимъ усердіемъ и набожностію ;
 мнѣ казалось, что по лицу ея ка-
 пились слезы. — Въ церкви было
 множество народу , такъ что я
 отъ жару и духоты упалъ бы въ
 обморокъ , если бы одна дама ,
 приметивъ мою блѣдность , не по-
 дала мнѣ спирту. Всѣ люди смо-
 трѣли на Короля и Королеву ,
 еще болѣе на послѣднюю ; иные
 вздыхали, упирали глаза свои блѣ-
 лыми плашками; другіе смотрѣли
 безъ всякаго чувства, и смѣялись
 надъ блѣдными монахами, которые
 пѣли вечерню. — На Король былъ
 фіолетовой кафтанъ ; на Короле-
 вѣ , Елисаветѣ и Принцессѣ чер-
 ные плащя , съ простымъ голов-
 нымъ уборомъ. — Дофина видѣлъ
 я въ Тюльери. Прекрасная , нѣж-
 ная Ланбаль , которой Флоріанъ
 посвящалъ сказки свои , вела его
 за руку. Милой младенецъ ! Ангелъ
 красоты и невинности ! Какъ онъ,
 въ шемномъ своемъ камзолчикѣ ,

сѣ голубою лентою черезъ плечо, прыгалъ и веселился на свѣжемъ воздухѣ! Со всѣхъ сторонъ бѣжали люди смотрѣть его, и всѣ безъ шляпъ; всѣ сѣ радостію окружали любезнаго младенца, которой ласкалъ ихъ взоромъ и улыбками своими. Народъ любилъ еще кровь Царскую!

Парижъ, Апрѣля . . . 1790.

Говорить ли о Французской революціи? Вы читаете газеты: слѣдственно происшествія вамъ извѣстны. Можно ли было ожидать такихъ сценъ въ наше время, отъ зефирныхъ Французовъ, которые славились своею любезностію, и шли сѣ воспоргомъ отъ Кале до Марсели, отъ Перпиньяна до Стразбурга:

Pour un peuple aimable et sensible
Le premier bien est un bon Roi - - -

Для любезнаго Народа

Щастье добрый Государь?

Не думайте однакожь, чшобы вся нація учаспвовала вѣ прагедіи, копорая играется нынѣ во Франціи. Едва ли сошая часпъ дѣйсшвуемѣ; всѣ другіе смотряемѣ, судяемѣ, споряемѣ, плачуемѣ или смѣются, бьемѣ вѣ ладоши или освшсываюемѣ, какѣ вѣ театрѣ. Тѣ, копорымѣ поперяемѣ не чего, дерзки какѣ хищные волки; шѣ, копорые всего могуемѣ лишиться, робки какѣ зайцы; одни хошяемѣ все опняемѣ, другіе хошяемѣ спасшш что нибудь. Оборонительная война съ наглымѣ непріятелемѣ рѣдко бываемѣ щасшлива. Испорія не кончилась; но по сіе время Французское дворяншво и духовеншво кажущся худыми защшпниками Трона.

Сѣ 14 Іюля всѣ швердяемѣ во

Франціи обѣ Аристократахъ и Демократахъ; хвалящъ и бранящъ другъ друга сими именами, по большой части не зная ихъ смысла. Судите о народномъ невѣжествѣ по слѣдующему анекдоту:

Въ одной деревенькѣ близъ Парижа крестьяне остановили молодого, хорошо одѣтаго человека, и требовали, чтобы онъ кричалъ съ ними: *vive la nation ! да здравствуетъ нація !* Молодой человекъ исполнилъ ихъ волю; махалъ шляпою и кричалъ: *vive la nation ! Хорошо! хорошо!* сказали они: *мы довольны. Ты доброй Французъ; ступай, куда хочешь. Итъ, постой: изъясни намъ прежде, что такое . . . нація? —*

Разсказываютъ, что маленькой Дофинѣ, играя съ своею бѣлкою, щелкаетъ ее по носу и говоритъ: *ты аристократъ, великой аристократъ, бѣлка! Любезный младенецъ,*

безпрестанно слыша это слово, за-
твердилъ его.

Одинъ Маркизъ, которой былъ
нѣкогда осыпанъ Королевскими
милостями, играетъ теперь не
последнюю роль между непріа-
телями Двора. Нѣкоторые изъ
прежнихъ его друзей изъявили ему
свое негодованіе. Онъ пожалъ пле-
чами, и съ холоднымъ видомъ оп-
вѣчалъ имъ: *que faire? j'aime les te-
te-troubles! что дѣлать? я люблю
мяте - те - тежи!* Маркизъ заика.

Но читалъ ли Маркизъ исторію
Греціи и Рима? помнилъ ли цы-
купу и скалу Тарпейскую? Народъ
есть острое желѣзо, которымъ
играть опасно, а революція отвер-
стый гробъ для добродѣтели и—
самаго злодѣйства.

Всякое гражданское общесство,
вѣками утвержденное, есть свя-
тыня для добрыхъ гражданъ; и въ
самомъ несовершеннѣйшемъ надоб-
но удивляться чудесной гармоніи,

благоустройству, порядку. *Утопія* (*) будетъ всегда мечтою добраго сердца, или можетъ исполниться непримѣтнымъ дѣйствіемъ времени, посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ разума, просвѣщенія, воспитанія, добрыхъ нравовъ. Когда люди увѣряясь, что для собственнаго ихъ щастія добродѣтель необходима, тогда настанетъ вѣкъ злой, и во всякомъ правленіи человекъ насладится мирнымъ благополучіемъ жизни. Всякія же насильственные потрясенія гибельны, и каждый бунтовщикъ готовитъ себѣ эшафотъ. Предадимъ, друзья мои, предадимъ себя во власть Провидѣнію: Оно конечно имѣетъ Свой планъ; въ Его рукѣ сердца Государей—и довольно.

Легкіе умы думаютъ, что все легко; мудрые знаютъ опасность

(*) Или *царство щастія*, сочиненіе Моруса.

всякой перемѣны, и живушѣ тихо. Французская Монархія производи-
ла великихъ Государей, великихъ
Министровъ, великихъ людей въ
разныхъ родахъ; подѣ ея мирною
сѣнію возраспали науки и худо-
жества; жизнь общественная укра-
шалась цвѣтами пріятностей; бѣд-
ный находилъ себѣ хлѣбъ, богатый
наслаждался своимъ избыткомъ...
Но дерзкіе подняли сѣкиру на свя-
щенное дерево, говоря: *мы лучше
сдѣлаемъ!*

Новые Республиканцы съ пороч-
ными сердцами! разверните Плу-
тарха, и вы услышите опѣ древ-
няго, величайшаго, добродѣтель-
наго Республиканца, Капона, что
безнатураліе хуже всякой власти! —

Въ заключеніе сообщу вамъ нѣ-
сколько стиховъ изъ Рабеле, въ
которыхъ знакомецъ мой, Аббапѣ
Н*, находилъ предсказаніе нынѣш-
ней революціи.

Gargantua, ch. LVIII.

Enigme & Prophetie.

Je fays sçavoir à qui le veut entendre,
 Que cet hyver prochain , sans plus at-
 tendre,

En ce lieu où nous sommes,
 Il sortira une maniere d'hommes,
 Las du repos & faschez du sejour,
 Qui franchement iront, & de plein jour,
 Suborner gents de toutes qualitez,
 A differends & partialitez,
 Et qui voudra les croire & escouter,
 Quoy qu'il en doive advenir & couter.
 Ils feront mettre en débats apparents
 Amys entre eux & les proches parents.
 Le fils hardi ne craindra l'impropere
 De se bander contre son propre pere.
 Mesme les Grands de noble lieu saillis
 De leurs subjects se verront assaillis;
 Et sur ce point naistra tant de meslées,
 Tant de discords, venuës & allées,
 Que nulle histoire, où sont les grands
 merveilles,
 N'a fait récit d'émotions pareilles.

Alors auront non moindre autorité,
 Hommes sans foy, que gents de verité;
 Car tous suivront la creance & estude
 De l'ignorance & sotte multitude,
 Dont le plus lourd sera receu pour juge.
 O dommageable & penible deluge!
 Deluge, dis-je, & à bonne raison;
 Car ce travail ne perdra sa saison,
 Et n'en sera la terre delivrée,
 Jusques à tant qu'elle soit ennyvrée
 De flots de sang. . . .

Французской спаринный языкъ,
 можетъ бытъ, для васъ племенъ. Я
 переведу:

„Объявляю всѣмъ, кто хочетъ
 „знать, что не далѣе, какъ въ слѣ-
 „дующую зиму, увидимъ во Франціи
 „зловѣевъ, которые явно будутъ
 „развращать людей всякаго соспо-
 „янія, и поссорятъ друзей съ друзь-
 „ями, родныхъ съ родными. Дер-
 „зкой сынъ не побоится возстасть
 „противъ отца своего, и рабъ про-
 „тивъ господина, такъ, что въ са-

„мой чудесной Истории не найдемъ
 „примѣровъ подобнаго раздора, вол-
 „ненія и мятежа. Тогда нечеспи-
 „вые, вѣроломные сравниются вла-
 „стію съ добрыми; тогда глупая
 „чернь будетъ давать законы, и
 „безсмысленные сядутъ на мѣсто
 „судей. О страшный, гибельный
 „попоекъ! *потомъ*, говорю: ибо зем-
 „ля освободится отъ сего бѣдъ-
 „спвія не иначе, какъ *упоившисьъ*
 „кровію.“

Парижъ, Апрѣля...

Въ Четвертокъ, въ Пятницу и
 въ Субботу на Спрасной недѣлѣ
 бывало здѣсь славное гулянье въ
 аллеяхъ Булонскаго лѣсу; *бывало*:
 потому что нынѣшнее, мною ви-
 дѣнное, совсѣмъ не могло войти
 въ сравненіе съ прежними, для ко-
 торыхъ богачи и щеголи нарочно
 заказывали новые экипажи, и гдѣ

четыре, пять тысяч карет, одна другой лучше, блистательные, модные, являлись глазам зрителей. Я ходил туда пешком, и видел около тысячи экипажей, но ни одного великопного. Это гулянье напомнило мне наше Московское, 1 Мая. Также карета за каретою, от Елисейских полей до монастыря Longchamp. Народ стоял в два ряда под дорогой, шумел, кричал и смеялся непристойным образом над гуляющими. На примере: „Смотрите! Вот бедный торговец из рыбного ряда с своею соседкою, ба-
 „шмашницею! Вот красной нос,
 „самой длинной во всем Париже!
 „Вот молодая кокетка в 70
 „лет: влюбляйтесь! Вот Кавалер Св. Людовика с молодою
 „женою и с рогами! Вот Философ,
 „который продает свой
 „ум за две копейки!“—Молодые франши прыгали на Английских

коняхъ, заглядывали въ каждую карету и дразнили чернь: *allons, allons, mes amis! de l'esprit, de l'esprit! Bon; c'est de la vraie gaieté Parisienne!* Другіе бродили пѣшкомъ, съ длинными деревянными саблями вмѣсто проспей, *pour se confondre avec le peuple.* —Прежде болѣе всего отличались шумъ славныя жрицы Венерины; онѣ выѣзжали въ самыхъ лучшихъ экипажахъ. Одна молодая Акприса разорвала связь свою съ Графомъ Д*, прекраснымъ мужчиною. Ея знакомыя удивлялись. „Чему удивишься?“ сказала имъ Акприса: „онѣ чудовище, извергъ; онѣ не хотѣлъ подарить мнѣ новой кареты для Булонскаго гулянья. Я должна была предпочесть ему спараго Маркиза, которой заложилъ всѣ бриліанты жены своей, чтобы купить мнѣ самую дорогую карету въ Парижѣ!“

Я прошелъ въ монастырь Long-

champ, видѣлъ гробницу Изабел-
лы, сестры Людовика свяшаго, и
двѣ остроумныя надписи подѣ мо-
нументомъ отца Фременя и бра-
та Франциска Серафима. Первая:

Fremin, tu fais fremir le sort,
Et ton nom vit malgré la mort.

Другая: Qui la vie a vecu de François
Seraphique,
80 ans sur terre, au Ciel vit
l'angelique.

Парижъ, Апрѣля 29, 1790.

Нынѣ цѣлой день просидѣлъ я
въ комнаѣ своей, одинъ, съ го-
ловною болью; но когда стало
смеркаться, вышелъ на Pontneuf
(*), и облокопясь на подножіе Ген-
риковой шпаги, смотрѣлъ съ вели-

(*) Такъ называемой новой мостъ, близъ
котораго я жилъ.

кимъ удовольствіемъ, какъ тѣни
ночныя мѣшались съ умирающимъ
свѣтомъ дня; какъ звѣзды на
небѣ, а фонари на улицахъ засвѣ-
чались. Съ прїѣзду моего въ Па-
рижъ всѣ вечера безъ исключенія
проводилъ я въ спектаклахъ, и по-
тому около мѣсяца не видалъ
сумерекъ. Какъ они хороши ве-
сною, даже и въ шумномъ, неми-
ловидномъ Парижѣ!

Цѣлой мѣсяцъ былъ всякой день
въ спектакляхъ! былъ, и не на-
сыпишься ни смѣхомъ Таліи, ни
слезами Мельпомены!... и всякой
разъ наслаждаешься ихъ прїяпно-
стями съ новымъ чувствомъ!...
Самъ дивлюсь; но это правда.

Правда и то, что я не имѣлъ преж-
де доспапочнаго понятія о Фран-
цузскихъ театрахъ. Теперь скажу,
что они доведены, каждой въ сво-
емъ родѣ, до возможнаго совершен-
ства, и что всѣ части спектакля

соспавляютьъ здѣсь прекрасную гармонію, копорая самымъ пріятнѣйшимъ образомъ дѣйствуєтъ на сердце зрителя.

Въ Парижѣ пять главныхъ Театровъ: Большая Опера, такъ называемой Французской Театръ (Les François), Италіанской (Les Italiens), Графа Прованскаго (théâtre de Monsieur) и Variétés — всякой день играютъ на нихъ, и всякой день (подивитесь Французамъ!) бывають они наполнены людьми, такъ что въ 6 часовъ вы едва ли гдѣ нибудь найдете мѣсто.

Кто былъ въ Парижѣ, говорятъ Французы, и не видалъ Большой Оперы, подобенъ тому, кто былъ въ Римѣ и не видалъ Папы. Въ самомъ дѣлѣ, она есть нѣчто весьма великолѣпное, и наиболѣе по своимъ блестящимъ декораціямъ и прекраснымъ балетамъ. Здѣсь видите вы — по поля Елисейскія, гдѣ блаженствуютъ души

праведныхъ ; гдѣ вѣчная весна зеленѣетъ, гдѣ слухъ вашъ плѣняется тихими звуками лиръ, гдѣ все любезно, мило, восхитительно — то мрачный Тарпаръ, гдѣ вздохи умирающихъ волнуящъ страшный Ахеронъ; гдѣ шумъ черного Коцита и Спикса заглушается спенаніемъ и плачемъ бѣдствія ; гдѣ волны Флегетона пылающъ ; гдѣ Таншаль, Иксіонъ и Данайды вѣчно страдающъ, и не видящъ конца своимъ мученіямъ ; гдѣ свѣплая Лепа томнымъ журчаніемъ призываетъ несчастныхъ къ забвенію жишейскихъ заботъ и горестей. Здѣсь видите , какъ Орфей скитається въ черныхъ лѣсахъ подземнаго царства; какъ Фуріи терзающъ Ореста ; какъ Язонъ сражається съ огнемъ , съ пламенемъ и съ чудовищами; какъ раздраженная Медея, проклиная неблагодарность людей, лепитъ съ громомъ и молніей на вершину Кавказа ;

какъ Египтяне въ печальныхъ хо-
 рахъ оплакиваютъ смерть добро-
 дѣтельнаго Царя своего, и какъ
 горестная Нефта, надъ великолѣп-
 нымъ памятникомъ супруга, кля-
 неся вѣчно богопворишь его въ
 сердцѣ своемъ; какъ Ринальдо
 пааетъ въ воспоргѣ у ногъ пламен-
 ной Армиды, среди безчисленныхъ
 красотъ волшебнаго искусства, раз-
 сѣянныхъ въ садахъ ея; какъ Діа-
 на спускается на свѣпломъ обла-
 кѣ, цѣлуетъ Эндиміона, и блестя-
 щими слезами спростную грудь
 свою орошаетъ; какъ величествен-
 ная Калипса испощаетъ всѣ воз-
 можныя очарованія, чпобы плѣнить
 юнаго Телемака; какъ рѣзвыя,
 милыя Нимфы—одна другой рѣз-
 вѣе, одна другой милѣе—окружа-
 ютъ его съ арфами и лирами, игра-
 ютъ и поютъ любовь, и каждымъ
 сладостраспнымъ движеніемъ го-
 ворятъ ему: *люби! люби!* какъ нѣж-
 ный Телемакъ колеблется, чув-

спвуєтѣ слабость свою, забываетѣ совѣты мудроси, и . . . сверженный благодѣтельною рукою Ментора, лепитѣ съ высокаго каменнаго берега въ шумящее море; лепитѣ вмѣстѣ съ душою зрителей.

Все сіе такѣ живо, такѣ естественнo, что я тысячу разѣ забывался, и принималѣ искусственнoе подражаніе за самую натуру. Едва можно вѣришь глазамѣ своимѣ, видя быструю перемѣну декорацій. Въ одно мгновеніе рай превращается въ адѣ; въ одно мгновеніе проливаются моря, шамѣ, гдѣ луга зеленѣли, гдѣ цвѣты разцвѣтали, и гдѣ пастухи на свирѣляхѣ играли; свѣтлое небо покрывается густымѣ мракомѣ, черныя тучи несутся на крыльяхѣ ревущей бури, и зритель трепещетѣ въ душѣ своей; еще одинѣ мигѣ, и мракѣ исчезаетѣ, и тучи скрываются, и бури умолкаютѣ, и сер-

дце ваше свѣтлѣетъ вмѣстѣ съ
видимыми предметами.

Не смотря на множество здѣш-
нихъ искусныхъ панцовщиковъ,
Вестрисъ сіяетъ между ими какъ
Сириусъ между звѣздами. Всѣ его
движенія такъ пріятны, такъ жи-
вы, такъ выразительны, что я
всегда смотрю, дивлюсь и не могу
самъ себѣ изъяснить удовольствія,
которое доставляетъ мнѣ сей
единственный панцовщикъ; лег-
кость, стройность, гармонія, чув-
ство, жизнь — все соединяется
вмѣстѣ, и если можно бытъ
рипоромъ безъ словъ, то Вестрисъ
въ своемъ родѣ Цицеронъ. Никакіе
стихотворцы не опишутъ того,
что блистаетъ въ его глазахъ, что
выражаетъ игра его мускуловъ,
когда, милая, спыдливая пашу-
шка говоритъ ему нѣжнымъ взоромъ
люблю! когда онъ, бросаясь къ ея
сердцу, призываетъ небо и землю
во свидѣтели своего блаженства.

Живописецъ положишъ кисть, и скажешъ только: „Весприсъ!“ — Гардель безподобенъ въ прагической пантомимѣ. Какое величество! Герой въ каждомъ взорѣ, герой въ каждомъ движеніи! Весприсъ помощецъ милыхъ Грацій; а Гардель ученикъ важныхъ Музъ. — Нивлонъ есть второй Весприсъ. О другихъ танцовщикахъ скажу только, что они составляютъ прекрасную группу живописныхъ фигуръ, плѣнительную для зрѣнія. — Когда же являющся на сценѣ Терпсихорины Нимфы, какъ будто бы на крыльяхъ зефира принесенныя, тогда сцена кажется мнѣ весеннимъ лугомъ, на которомъ пестрѣютъ безчисленные цвѣты; взоръ перяется между разнообразными красками — но любезная Периньонъ и прелестная Миллеръ подобны пышной розѣ и гордой лилеѣ, которыя отличаются отъ всѣхъ другихъ цвѣтовъ.

Лаисъ, Шенаръ, Лене, Руссо —
 вопіє первые пѣвцы Оперы; и
 еспѣли вѣрять Французамъ, по
 никогда и никакая земля не про-
 изводила лучшихъ. Они нравятся
 мнѣ не только пѣніемъ, но и са-
 мою игрою: два таланта, которые
 не всегда бывають вмѣстѣ! Мар-
 кези никогда не могъ пронять ме-
 ня такъ, какъ Лаисъ и Шенаръ
 прогають. Пусть смѣются надъ
 моею прослопою и невѣжесствомъ;
 но въ голосъ сего славнаго Ипа-
 ліанскаго пѣвца нѣтъ того, что
 для меня всего любезнѣе — нѣтъ
 души! Вы спросите, что я разу-
 мѣю подъ сею душею? Не умѣю
 изъяснить; однакожь чувствую.
 Ахъ! какой Маркези можетъ пѣть
 такъ хорошо:

*J' ai perdu mon Eurydice :
 Rien n' égale mon malheur!*

какой Ипаліанской получиловѣкъ
 можетъ пѣть сію несравненную

Глукову арію съ такимъ сердечнымъ выраженіемъ, какъ Руссо, молодой спашной, прекрасной Руссо, достойный Эвридики?

Мальяръ есть теперь первая пѣвица. Вы слыхали о Сент-Юберти: ее уже нѣтъ! Говорятъ, что она сошла съ ума. Любители Оперы воспоминаютъ объ ней почти со слезами.

Симъ декораціямъ, балетамъ, пѣвцамъ, совершенно отвѣчаетъ и оркестръ, составленный изъ лучшихъ музыкантовъ Парижа. Однимъ словомъ, любезные друзья, здѣсь торжествуютъ Искусства на высочайшей степени совершенства, и всѣ вмѣстѣ производятъ въ зрителѣ чувство, которое безъ всякой гиперболы можно назвать восхищеніемъ. — Такой спектакль требуетъ конечно большихъ издержекъ. Не смотря на то, что за входъ въ ложи и въ паркетъ платятъ (на наши деньги) рубли по

два и до три; не смотря на то, что всѣ сіи дорогія мѣста бывающіе наполнены людьми, Опера стоила Двору, по счету Неккеру, около трехъ или четырехъ милліоновъ въ годъ.

На такъ называемомъ Французскомъ Театрѣ играющіе трагедіи, драмы и большія комедіи. — Я и теперь не перемѣнилъ мнѣнія своего о Французской Мельпоменѣ. Она благородна, величественна, прекрасна; но никогда не пронесъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ Муза Шекспирова и нѣкопторыхъ (правда, не многихъ) Нѣмцевъ. Французскіе Поэты имѣющіе тонкой, нѣжной вкусъ, и *въ искусствѣ писать* могутъ служить образцами. Только въ разсужденіи изобрѣщенія, жара и глубокаго *чувства Матуры* — проспите мнѣ, священные тѣни Корнелей, Расиновъ и Вольперовъ! — должны они

уступить преимущество Англичанамъ и Нѣмцамъ. Трагедіи ихъ наполнены изящными карпинами, въ копорыхъ весьма искусно подобраны краски къ краскамъ, шѣни къ шѣнямъ; но я удивляюсь имъ по большой части съ холоднымъ сердцемъ. Вездѣ смѣсь естественнаго съ романическимъ; вездѣ *mes feux, ma foi*; вездѣ Греки и Римляне *à la Française*, которые паюшъ въ любовныхъ воспорахъ, иногда философствуютъ, выражая одну мысль разными отборными словами, и теряясь въ лабиринтѣ краснорѣчія, забываютъ дѣйствовать. Здѣшняя публика пребуетъ отъ Автора прекрасныхъ стиховъ, *des vers à retenir*; они прославляютъ піесу, и для того стихотворцы стараются всячески умножать ихъ число, занимаясь шѣмъ болѣе, нежели важностію приключеній, нежели новыми, чрезвычайными, но естес-

сшвенными *положеніями* (situations),
и забывая, что характеръ всего бо-
лѣе обнаруживается въ сихъ нео-
быкновенныхъ случаяхъ, опъ копо-
рыхъ и слова заимспвуютъ силу
свою (*).

(*) Я прошу знатоковъ Французскаго Театра найти мнѣ въ Корнелѣ или въ Расинѣ что нибудь подобное — на примѣръ симъ Шекспировымъ стихамъ, въ устахъ старца Леара, изгнаннаго собственными дѣтьми его, которымъ опдалъ онъ свое царство, свою корону, свое величіе — скишающагося въ бурную ночь по лѣсамъ и пустынямъ:

Blow winds. . . rage, blow!
You sulph'rous and thought-executing
fires,
Vaunt-couriers of oak-cleaving thunder-
bolts,
Singe my white head! And thou allsha-
king thunder,
Strike flat the thick rotundity o'th' world;
Crack nature's mould, all germins spill
at once,

Коротко сказать, творенія Французской Мельпомены славны — и будутъ всегда славны — красою слога и блестящими стихами; но еспьли Трагедія должна глубоко прогашь наше сердце или

That make ingrateful man! . . .

I tax not you, you elements, with un-
kindness!

I never gave you kingdom, call'd you
children;

. . . Then let fall

Your horrible pleasure! . . . Here I stand,
your slave,

A poor, infirm, weak and despis'd old
man!

(„Шумите вѣтры, свирѣпствуй
„буря! Сѣрные, быстрые огни,
„предпечи разрушительныхъ уда-
„ровъ! лейте пламя на бѣлую главу
„мою! . . . Громы, громы! сокру-
„шите зданіе міра; сокрушите об-
„разъ натуры и человѣка, неблаго-
„дарнаго человѣка! . . . Не жалу-
„юсь на вашу свирѣпость, разъя-
„ренныя стихіи! Я не отдавалъ

ужасать душу: по соопечественники Вольперовы не имѣютъ можеть быть ни двухъ истинныхъ трагедій — и д'Аланбертъ сказалъ весьма справедливо, что всѣ ихъ піесы сочинены болѣе для чпенія, нежели для театра.

Когда же онѣ непременно должны быть играны, то по крайней мѣрѣ надобно для нихъ такихъ

„вамъ царства, не именовавъ васъ
„милыми дѣтьми своими! И такъ
„свирѣпствуйте по волѣ! Разите
„— се я, рабъ вашъ, бѣдный, сла-
„бый, изнуренный старецъ, ошвер-
„женный отъ чловѣчества!“)

Они раздираютъ душу; они гремятъ подобно тому грому, которой въ нихъ описывается, и потрясаютъ сердце читателя. Но что же даетъ имъ сію ужасную силу? Чрезвычайное положеніе царственнаго изгнанника, живая картина бѣдственной судьбы его. И кто послѣ того спроситъ еще: какой характеръ, какую душу имѣлъ Леаръ?

актеровъ, какъ ла-Ривъ, Сен-При, Сен-Фаль, и такихъ актрисъ, какъ Сенваль, Рокуръ, и проч., которые заспунили нынѣ мѣсто Барона и ле-Кеня, ла-Кувреръ и Клеронъ. Вотъ декламація! вотъ жесты! благородство въ видѣ, величавость въ поступи, ясность, чистота въ произношеніи, и въ каждомъ словѣ душа; то есть, всякая Поэтическая мысль оппѣнена, всякая мысль выражена свойственнымъ ей тономъ, и въ гармоніи съ игрою глазъ, съ движеніемъ руки; вездѣ живопись, вездѣ карпины — и если зришель, не смотря на сіе упоминаніе искусства, остается холоденъ, то конечно не актеры виноваты.

Ла-Ривъ царь на сценѣ. Совершенно Греческая фигура и рѣдкой органъ! — Сей актеръ совсѣмъ-было проспился съ театромъ. Рассказывающъ, что онъ, не любя молодой актрисы Дегарсень (которую можно назвать живымъ обра-

зомъ слабой помноспи), спарался
 всячески замѣшивашъ ее въ игрѣ.
 Публика съ неудовольствіемъ при-
 мѣшила сію непохвальную черпу
 сердца его, и славной ла - Ривъ
 былъ освистанъ парперомъ; послѣ
 чего онъ скрылся, и клялся ни-
 когда уже не выходить на сцену.
 Но—гдѣ клятва, шупъ и преспу-
 пленіе. Два года бездѣйствія ему
 наскучили. Привыкшій къ хвалѣ и
 рукоплесканіямъ, безъ нихъ не
 могъ быть щасливъ, сражался
 самъ съ собою, и наконецъ, оста-
 вля всѣ сомнѣнія, снова явился на
 сценѣ въ роль Эдипа. Я былъ сей
 разъ въ театрѣ. Ужасное спече-
 ніе людей! Не говоря о паркетѣ,
 ложахъ, партерѣ — самый ор-
 кестръ былъ наполненъ зрителя-
 ми, копорымъ музыканты усту-
 пили свои мѣста. Въ пять часовъ
 начался спукъ и попомъ непер-
 пѣнія; въ половинѣ шестаго под-
 нялся занавѣсъ — и все ушло.

Первое явленіе — Эдипа нѣтъ — молчаніе царствовало. Но лишь только Димасъ сказалъ: *Oedipe en ces lieux va paraître*, страшныя рукоплесканія загремѣли, которыя продолжались до самой той минушы, какъ Ла-Ривъ вышелъ, въ великолѣпной Греческой, бѣлой одеждѣ, распустивъ по плечамъ русые волосы, и гордо-смирненнымъ наклоненіемъ головы изъяснилъ публикѣ благодарную свою чувствительность. — Въ теченіе всѣхъ пяти актовъ громкая хвала не умолкала. Ла-Ривъ старался всѣми силами заслуживать ее, и, какъ Французы говорятъ, превосходилъ въ искусствѣ самого себя, не жалѣя бѣдной своей груди. Не понимаю, какъ онъ могъ выдержатъ до конца трагедіи; не понимаю, какъ и зрители не успали отъ рукоплесканія. Въ той сценѣ, гдѣ Эдипъ узнаетъ, что онъ умертвилъ отца своего; что онъ су-

пругъ своей матери ; узнаетъ и спрашнымъ образомъ проклиняетъ судьбу (*), я почти оцѣпенѣлъ. Никакая кисть не изобразитъ того, что свирѣпствовало на лицѣ ла-Рива въ сію мину : ужасъ, грызеніе сердца, опчаяніе, гнѣвъ, ожесточеніе, и все, все, чего не могу выразитъ словами. Зрители ахнули, когда онъ, перзаемый, гонимый Фуріями, бросился со сцены и ударился головою о периспиль, такъ что всѣ колонны задрожали.

(*) Въ слѣдующихъ стихахъ:

Un Dieu plus fort que moi m'entraînait
vers le crime;
Sous mes pas fugitifs il creusait un abîme,
Et j'étais, malgré moi, dans mon aveu-
glement,
D'un pouvoir inconnu l'esclave & l'in-
strument.
Voilà tous mes forfaits ; je n'en connais
point d'autres.
Impitoyables Dieux, mes crimes sont les
vôtres,

бовниковъ въ трагедіяхъ и драмахъ:
 молодой, спашной челоѣкъ пріят-
 наго вида. Въ Корнелевомъ *Сидѣ*
 поржесствуетъ онъ болѣе, нежели
 во всѣхъ другихъ піесахъ. Такъ
 надобно играть Родрига, кромѣ
 двухъ или трехъ сценъ, гдѣ я не
 совершенно доволенъ былъ игрою
 сего актера. На примѣрѣ, описы-
 вая Королю сраженіе свое съ Мав-
 рами, излишно спарался онъ вы-
 разить въ голосъ своемъ — спер-
 ва пишину ночи, а по томъ шумъ
 битвы, спукъ мечей и проч. Фран-
 цузы хлопали; но тѣ, которые раз-
 мышляли о правилахъ истинной
 Мимики, не могутъ любить та-
 кого неестественнаго подража-
 нія. — Сен-Валь, первая трагиче-
 ская актриса, хотя слишкомъ
 спара и немиловидна для роли лю-
 бовницъ, однакожь нравится бле-
 сстящимъ своимъ искусствомъ и
 жаромъ игры. — Рокуръ есть со-
 вершенная Медея, и потому въ

сей ролю она несравненна. Величественная фигура, большіе черные глаза, копорые между густыми ресницами сіяють какъ молніи ночью; волосы какъ вороново крыло; всѣ черпы лица правильны, но не милы; красота безъ нѣжности; суровость въ самой улыбкѣ; голосъ твердой и проникающей — однимъ словомъ, Медея. И теперь вижу я, какъ развѣвается на ней огненная мантия, съ волшебными знаками, и какъ ужасно сверкаетъ острый кинжалъ въ рукахъ раздраженной полубогини, сверкаетъ вмѣстѣ съ ея взоромъ. Одна Роккуръ можетъ сказать такъ разительнo сіи слова:

Le destin de Medée est d' être criminelle ;
Mais son coeur étoit fait pour aimer la vertu.

Славная актриса Конша—славная своею красотою и кокет-

своѣ болѣе, нежели театраль-
ною игрою — представляе роли
любовницъ въ комедіяхъ и драмахъ,
иногда и въ трагедіяхъ. Ей теперь
за тридцать лѣтъ; но она все еще
хороша, и партеръ наполненъ ея
обожателями, щастливыми и неща-
стными. Сказываютъ, что одинъ
молодой Графъ отъ любви къ ней
сошелъ съ ума, и заключился въ
Картезіанскомъ монастырѣ. Нико-
гда не бываетъ она такъ преле-
сна, какъ въ новой піесѣ *le Sou-
vent*. Черное платье, бѣлое покры-
вало, видъ невинности, чистосер-
дечія ахъ, бѣдной Графъ! я вѣ-
рю своему сумасшествію! — Зри-
тели всегда заставляютъ ее нѣ-
сколько разъ повторять арію:

*L' attrait qui fait cherir ces lieux,
Est le charme de l'innocence.*

Несказанно-пріятной голосъ! —
Но никто изъ актеровъ сего те-
атра не дѣлае мнѣ сколько

удовольствія, какъ Моле, единственной, несравненной Моле, играющей по большой части ролю опцевъ въ комедіяхъ. Нашъ Померанцевъ кажется ученикомъ его. Я два раза удивлялся ему въ Мольеровомъ и Фабровомъ Мизантропѣ, и два раза плакалъ отъ него въ *Монтескзё*, Мерсьеровой драмѣ. Такой благородной видъ, такую улыбку добродушія, челоѣколюбія, обходительности, надлежало имѣть Авпору безсмертной книги о законахъ (*)!

Я не буду говорить о другихъ комическихъ акперахъ сего Театра: ихъ много.— Но въ заключеніе скажу, что Талія Британская и Талія Германіи должны уступитъ преимущество Французской. Англійскія комедіи по большой части или скучны, или грубы, не-

(*) То есть, въ сей драмѣ Моле представляеъ благоѣтельнаго Монтескзё.

благоприспойны, оскорбительны для всякаго нѣжнаго вкуса; а Нѣмецкія, кромѣ нѣкоторыхъ посредственныхъ, совсѣмъ не достойны вниманія.

Такъ называемой Италіанской Театръ, но гдѣ играютъ однѣ Французскія мелодрамы, есть мой любимой спектакль: я бываю въ немъ чаще, нежели въ другихъ, и всегда съ великимъ удовольствіемъ слушаю музыку Французскихъ сочинителей, восхищаюсь игрою славной актрисы Дюгазонъ и пѣніемъ Розы Рено, милой дѣвушки лѣтъ въ двадцать, которую публика до небесъ превозноситъ, и которая въ самомъ дѣлѣ есть теперь лучшая пѣвица въ Парижѣ.

Мнѣ опмѣнно понравились двѣ новыя мелодрамы, играемыя на семъ Театрѣ: Рауль *синяя борода* и Пётръ Великой. Содержаніе первой взято изъ старинной сказки и очень, очень театрално. Рауль,

богашой дворянинъ , влюбляешся въ Розалію, любезную дѣвушку, сестру одного небогатаго рыцаря, и предлагаетъ ей руку свою, вмѣстѣ съ блестящими подарками. Красавица чувствуетъ нѣкоторую склонность къ молодому Вержи, которой любитъ ее спрасно: но, ахъ! бѣдной Вержи не имѣетъ ничего, кромѣ добраго, нѣжнаго сердца—а доброе и нѣжное сердце не всегда замѣняетъ, въ глазахъ красавицъ, дары щасія. Богатство Раулево ослѣпляетъ Розалію. Она разсмаприваетъ подарки . . . какое великолѣпіе! какой вкусъ! Больше всего нравится ей прекрасной головной уборъ, осыпанной бриліантами; она надѣваетъ его, подходитъ къ зеркалу. . . . и подаетъ руку гордому Раулю. Бѣдной Вержи плачетъ, и скрывается. Розалія живетъ въ огромномъ замкѣ, гдѣ все служитъ ей какъ богинѣ, гдѣ все льститъ ея суеп-

ности. Иногда, но очень рѣдко, вылетаетъ вздохъ изъ невѣрной груди; иногда, но очень рѣдко, кажется ей, что съ добрымъ, пламеннымъ Вержи была бы она щасливѣе, нежели съ холоднымъ своимъ супругомъ. — Скоро Рауль ѣдетъ — неизвѣстно куда — и прощаясь съ красавицею, отдаетъ ей ключъ отъ одной запертой комнаты. „Если не хочешь моей гибели, говоритъ онъ: если не хочешь сама погибнуть, то не будь любопытна!“ Розалія клянется — въ чемъ иногда не клянулася милыя женщины? — клянется, и черезъ двѣ минуты. . . опираетъ дверь. . . Вообразите ужасъ ея! . . . Она видитъ головы двухъ прежнихъ Раулевыхъ женъ, съ огненною надписью: *вотъ доля твоя!* (Раулю было пророчество, что любопытство жены погубитъ его; для того онъ испытывалъ супруговъ своихъ, и умерщ-

влялѣ ихѣ за сію слабость, надѣ-
ясь спасти шѣмѣ собственную
жизнь)—Дюгазонѣ представлѣеѣ
Розалію. Блѣдная, съ распущен-
ными волосами, она бросается на
креслы, и поетѣ дрожащимѣ го-
лосомѣ:

Ah! quel sort
Le barbare
Me prepare!
C'est la mort!
C'est la mort!

Вѣ сію минуѣ являеѣся Вержи,
вѣ женскомѣ плащѣ, подѣ име-
немѣ Розаліиной сестры. Какое
свиданіе! Должно спасти погиба-
ющую; но какѣ? Вержи безѣ ору-
жія, среди множесѣва непріате-
лей. Одно средсѣтво оспаеѣся:
увѣдомиѣѣ обо всемѣ Розаліина
браѣа. Вержи опправляеѣѣ кѣ не-
му письмо съ конюшимѣ своимѣ.
— Между шѣмѣ Рауль возвра-
щаеѣся; онѣ знаеѣѣ все, и гроз-
нымѣ голосомѣ велиѣѣ Розаліи

гоповипься кѣ смерти. Ни слезы, ни жалобы не смягчаютъ его — нѣтъ избавленія! Тщепно любовникъ смопритъ въ поле, неперпѣливо ожидая помощи —

Рѣки тамъ вѣсь сверкаютъ;

Солнца ясные лучи

Всю природу озлащаютъ:

Но булатные мечи

Не сіяютъ, не сверкаютъ.

Нѣтъ помощи! Не спѣшатъ рыцари избавить Розалію! Наконецъ опчаянный Вержи рассказываетъ о себѣ Раулю, что онъ не женщина, что онъ любитъ его супругу, и хочетъ умереть вмѣстѣ съ нею; его ведутъ въ пемницу. Розалія ожидаетъ смертоноснаго удара; острый мечъ блистаетъ надъ ея головою. . . . но вдругъ съ шумомъ отворяются двери; вооруженные рыцари нападаютъ на Рауля и воиновъ его, побѣждаютъ — и Розалія узнаетъ своего брата. Жестокой

супругъ ея умираетъ ; нѣжной
Вержи падаетъ передъ нею на
колѣни. . . занавѣсъ опускается.
— Гретри сочинялъ музыку : она
прекрасна. —

Въ мелодрамѣ Пётръ Великой
есть очень прогашельныя сцены ;
по крайней мѣрѣ для Рускаго.
Дѣйствіе происходитъ не далеко
отъ границъ Россіи. — Государь
съ другомъ своимъ ле-Форпомъ,
живучи въ маленькой деревенькѣ
на берегу моря, учился корабель-
ному искусству, и всякой день,
отъ утра до вечера, трудился
въ пристани. Всѣ почитаютъ его
обыкновеннымъ работникомъ, и
называютъ добрымъ, смысленымъ,
умнымъ Петромъ. Молодой, вид-
ной актеръ Мишу играетъ эту
ролю : мнѣ казался онъ живымъ
портретомъ нашего Императора.
Можетъ быть и воображеніе мое
прибавило нѣчто къ сему сход-
ству ; но я не хотѣлъ чувство-

вашь обмана—хотѣлъ имъ насладиться. Въ той же деревнѣ живѣтъ прелестная Каперина, молодая, добродѣтельная вдова, нѣжно любимая поселянами. Государь, пылкой во всѣхъ своихъ склонностямъ, скорой во всѣхъ движеніяхъ сердца, влюбляется въ красоту и милую душу ея, влюбляется, и открываетъ ей спрять свою. Каперина обожаетъ Петра; никогда еще глаза ея не видали такого прекраснаго, величественнаго, любезнаго человѣка, и никогда сердце ея столь охотно не слѣдовало за глазами. Она не таитъ своихъ чувствъ, и подаетъ ему руку; слезы восторга капаясь по блѣдному лицу ея. Государь клянется быть ей нѣжнымъ *супругомъ*; слово вылетѣло изъ устъ его—оно свято. Ле-Форпъ, оставшись наединѣ съ Монархомъ, говоритъ ему: „Бѣдная крестьянка будетъ супругою моего Им-

„пераипора ! Но ты во всѣхъ сво-
 „ихъ дѣлахъ безпримѣренъ ; ты
 „великъ духомъ своимъ ; хочешь
 „возвыситься въ отечествѣ нашемъ
 „санъ человека , и презираешь су-
 „ешную надменность людей ; одно
 „душевное благородство достой-
 „но уваженія въ глазахъ твоихъ ;
 „Капери́на благородна душою —
 „и такъ да будетъ она супругою
 „моего Государя , моего отца и
 „друга!“ Второе дѣйствіе открыва-
 „ется сговоромъ. Сполѣтніе
 „сварцы , опираясь на плечо вну-
 „чатъ своихъ , приходятъ къ невѣ-
 „стѣ ; хладными , слабыми руками
 „пожимающъ ея руку , и съ радо-
 „стными слезами желаютъ ей бла-
 „гополучія. Молодые дѣвушки при-
 „носятъ розовыя вѣнки , украшающъ
 „ими любезную чепу , и поютъ сва-
 „дебныя пѣсни. „Доброй Пётръ !
 „говорятъ сварцы : люби всегда
 „милую Каперину , и будь дру-
 „гомъ нашей деревни!“ Государь

пронувъ до глубины сердца.,,Вотъ
 ,,другая блаженная минута въ
 ,,жизни моей!“ тихо говоритъ онъ
 ле-Форту : ,,первою насладился я
 ,,тогда , когда рѣшился въ душѣ
 ,,своей бытъ опцомъ и просвѣти-
 ,,телемъ миллионовъ людей, и далъ
 ,,въ томъ клятву Всевышнему.“
 — Всѣ садятся вокругъ любовни-
 ковъ; всѣ веселы и щасливы!
 Спарики знаютъ, что ле-Фортъ
 имѣетъ пріятной голосъ, и для
 того просятъ его спѣть какую
 нибудь старинную пѣсню; онъ
 думаетъ, беретъ цитру, играетъ
 и поетъ :

Жилъ-былъ въ свѣтѣ доброй Царь,
 Православной Государь.
 Всѣ сердца его любили,
 Всѣ опцомъ и другомъ чтили.

Любитъ Царь дѣтей своихъ;
 Хочетъ онъ блаженства ихъ:
 Санъ, великосъ забываетъ —
 Тронъ, порфиру оставляетъ. —

Царь какъ странникъ вѣ путь идетъ,
И обходитъ цѣлый свѣтъ.
Посохъ есть ему — держава,
Всѣ опасности — забава.

Для чегожь оставилъ онъ
Царскій санъ и свѣтлый тронъ?
Для чего ему скипашься, —
Хладу, зною подвергашься?

Чтобъ вездѣ добро собирашь,
Душу, сердце украшаешь
Просвѣщенія цвѣтами,
Трудолюбія плодами.

Для чегожь ему желашь
Душу, сердце украшаешь
Просвѣщенія цвѣтами,
Трудолюбія плодами?

Чтобы мудростью своей
Озаришь умы людей,
Чадъ и подданныхъ прославишь
И вѣ искусствъ жить наставишь.

О Великій Государь!

Первый, первый въ свѣтѣ Царь! —

Всю вселенную пройдете,

Но другога не найдете.

Ле-Форшъ забылъ конецъ пѣс-
ни. Добрые крестьяне хваляшъ
ее; только не хотяшъ вѣришъ,
чтобы въ самомъ дѣлѣ былъ на
свѣтѣ такой Государь. Каперина
болѣе всѣхъ пронута; въ черныхъ
глазахъ ея блистающъ слезы.
„Нѣшъ, говоритъ она ле-Форшу:
нѣшъ, ты насъ не обманываешь;
пѣсня твоя справедлива; иначе ты
не могъ бы пѣшъ ее съ такимъ сер-
дечнымъ жаромъ!“ Вообразише чув-
ствительность Государя! — Но
скоро дѣйствіе перемѣняется.
Пріѣзжаетъ Меншиковъ, вызыва-
етъ Императора и рассказываетъ
ему, что въ Россіи прошелъ лож-
ный слухъ о его смерти; что зло-
мышленники развѣвающъ вездѣ пла-
мя бунта; что ему непременно дол-

жно возврапитъся какъ можно скорѣе въ Москву, и что вѣрной Преображенской полкъ ожидаетъ его на границѣ. Императоръ не спрашивая мятежниковъ — одинъ величественный, свѣплый взоръ его можетъ разсѣять всѣ тучи на горизонтѣ Россіи — но онъ спѣшивъ явиться глазамъ любезной своей Гвардіи. Нѣжная Каперина ждетъ друга своего, но тщетно; ищетъ его и не находитъ. Ей сказываютъ, что онъ уѣхалъ. Сердце ея хладѣетъ. *Петръ оставилъ, обманулъ меня!..* сіи слова умираютъ на блѣдныхъ устахъ ея. Но когда она, послѣ жестокаго обморока, приходитъ въ себя, Петръ стоитъ на колѣняхъ передъ нею, уже не въ плащѣ бѣднаго работника, но въ великолѣпной одеждѣ Царской, окруженный Вельможами. Каперина не видитъ ничего, кромѣ своего милаго друга; оживаетъ, восхищается и забываетъ

упреки. Государь открываетъ ей все. „Я хотѣлъ обладать нѣжнымъ сердцемъ, говоришь онъ, которое любило бы во мнѣ не Императора, но человека: вотъ оно!“ — (обнимая Катерину) — „сердце и рука моя твои: прими же отъ меня и корону! Не она, но ты будешь украшать ее.“ — Удивленная Катерина не радуется вѣнцу Царскому; она хотѣла бы жить съ любезнымъ Петромъ — своимъ вѣдной жизнью; но Петръ и на прѣмъ мило душою ея. Вельможи упадаютъ передъ нею на колѣни — весь Преображенской полкъ выходитъ на сцену — радостныя восклицанія гремятъ въ воздухъ — восклицанія: *да здравствуетъ Петръ и Екатерина!* Государь обнимаетъ супругу — занавѣсъ опускается. Я опираю слезы свои — опираю, и радуюсь, что я Руской. Авторъ пьесы есть Г. Бульи. — Жаль только, что Французы на-

рядили Государя, Менщикова и ле-
 Форша въ Польское плащѣ, а Пре-
 ображенскихъ солдатъ и Офице-
 ровъ въ крестьянскіе зеленые
 кафтаны съ желтыми кушаками.
 Зришели вокругъ меня говорили,
 что Рускіе и нынѣ точно такъ
 одѣваются; а я, занимаясь дра-
 мою, не почелъ за нужное выво-
 дить ихъ изъ заблужденія.

На Театрѣ Графа Прованскаго
 (Théâtre de Monsieur) представ-
 ляютъ по большой части Италі-
 янскія комическія оперы, иногда
 же маленькія Французскія піесы.
 Говорятъ, что въ Италіи нѣтъ и
 не бывало подобной труппы: рѣд-
 кіе таланты! Гж. Балетти есть
 первая пѣвица, и славна не только
 своимъ голосомъ, красою, но и
 безпорочнымъ поведеніемъ. Париж-
 ская актриса и добродѣтель: чуд-
 ная связь! и пошому Англійскіе

Лорды со вздохомъ говорящъ, что она фениксъ.— Изъ пѣвцевъ славнѣйшіе Раффанелли, Мандини и Виганони.

Новой Театръ des Variétés огромнѣе всѣхъ здѣшнихъ Театровъ: великолѣпная зала, прекрасныя ложи, блестящая аванъ-сцена!— Тамъ представляющія комедіи и драмы иногда очень хорошо, иногда посредственно. Извѣстной Монвель, одинъ изъ первыхъ Парижскихъ актеровъ, второй левенъ, играетъ нынѣ въ Variétés. Онъ снороватъ, не имѣетъ ни голоса, ни фигуры; но всѣ сіи недоспадки замѣняетъ искусствомъ и живостию игры. Всякое слово его впечатлѣвается въ душу зрителя; глаза его въ одну минуту и меркнутъ и воспаляются; я боюсь сморгнуть съ него, когда онъ выходитъ на сцену. Ларивъ, Монвель, Моле — вотъ три актера, которые можетъ быть во всей

Европѣ не найдутъ себѣ двухъ подобныхъ.

Кромѣ сихъ главныхъ пяти Театровъ есть въ Парижѣ множество другихъ въ Palais Royal, на бульварахъ, и для всякаго спектакля находятся особливые зрители. Не говоря уже о богатыхъ людяхъ, которые живутъ только для удовольствій и разсѣянiя, самые бѣдные ремесленники, Са-вояры, разнощики, почидаютъ за необходимость быть въ Театрѣ два или три раза въ недѣлю; плачутъ, смѣются, хлопаютъ, свистятъ и рѣшатъ судьбу пiесъ. Въ самомъ дѣлѣ между ими есть много знамоковъ, которые замѣчаютъ всякую щастливую мысль, всякое щастливое выраженiе, всякой удачной жестъ актера. *A force de forger on devient forgeron* — и я часпо удивлялся вѣрному вкусу здѣшнихъ партеровъ, которые по большой части бывають

наполнены людьми низкаго соспоянія. Англичанинѣ поржесствуюѣ въ Парламентѣ и на биржѣ, Нѣмецѣ въ ученомѣ кабинетѣ, Французѣ въ Театрѣ.

Только на двѣ недѣли въ году закрывающя здѣсь спектакли, то естѣ, на Страстную и Святую недѣлю; но какѣ Французамѣ жити и 14 дней безѣ публичныхѣ веселій? Тогда всякой вечерѣ въ оперномѣ домѣ бываеѣ духовный концертѣ, concert spirituel, гдѣ лучшіе Виршуозы на разныхѣ инструментахѣ показывающѣ свое искусство, и гдѣ провелѣ я нѣсколько весьма пріятныхѣ и, можно сказаѣ, сладкихѣ часовѣ, слушаѣ Гайденову Stabat Mater, Йомелліево Miserere, — и проч. Нѣсколько разѣ грудь моя орошаласѣ жаркими слезами — я не опиралѣ ихѣ — я ихѣ не чувствовалѣ. — Небесная музыка! наслаждаѣсь побою, возвышаюсѣ духомѣ, и не за-

видую Ангеламъ. Кпо докажешъ мнѣ, чшобы душа моя, удобная къ такимъ святымъ, чистымъ, эфирнымъ радостямъ, не имѣла въ себѣ чего нибудь божественнаго, неплѣннаго? Сіи нѣжные звуки, вѣющіе какъ зефиръ на сердце мое, могутъ ли быть пищею смершнаго, грубаго существа?—Но ничто въ этомъ концертѣ не прогало меня такъ сильно, какъ одинъ прекрасной *дуэтъ* Лайса и Руссо. Они пѣли — оркестръ молчалъ — слушатели едва дышали. . . . несравненно!

Парижъ, Апрель . . .

Отъ чего сердце мое спирадается иногда безъ всякой извѣстной мнѣ причины? Отъ чего свѣтъ помрачается въ глазахъ моихъ иногда, какъ лучезарное солнце сіяетъ на небѣ? Какъ изъяснить сіи жесто-

кіе, меланхолическіе припадки, въ копорыхъ вся душа моя сжимається и хладѣетъ? . . . Не уже ли сія тоска есть предчувствіе опдаленныхъ бѣдствій? Не уже ли она есть ничто иное, какъ задапокъ тѣхъ горестей, копорыми Судьба намѣрена посѣпшть меня въ будущемъ? . . .

Часовъ шесть бродилъ я по окрестностямъ Парижа, въ самомъ грустномъ расположеніи духа, пришелъ въ Булонской лѣсѣ и увидѣлъ передъ собою готической замокъ Мадришъ, построенный въ 16 вѣкѣ, окруженный глубокими рвами и темными аркадами. Террасы его заросли высокою правою. Гдѣ Францискъ I наслаждался всѣми пріятностями любви и роскоши (*); гдѣ нѣжные звуки арфѣ

(*) Сей замокъ построенъ Францискомъ I, по возвращеніи его изъ Гишпаніи.

и гитарѣ. усыпляли его въ объятіяхъ богини сладоспращія ; тамъ нынѣ пустоша и молчаніе царствующѣ Вокругъ меня бѣгали олени; солнце капилось къ западу ; въпрѣ шумѣлъ въ густотѣ лѣса. Я хотѣлъ видѣть внутренность замка. . . . Барельефы крыльца, представляющіе разныя сцены изъ Метаморфозъ Овидіевыхъ , покрылись зеленымъ мохомъ; здѣсь, надъ пламеннымъ сердцемъ нѣжнаго Пирама , умирающаго отъ любви къ Тизбѣ , развѣвается хладная полынь ; тамъ Время рукою своею изглаживаетъ картину Юнонина мщенія, превратившаго въ пепелъ злощастную Семелею. . . . Въ первой, вѣпорой , претѣей залѣ все пусто и мрачно; въ чепвертой, украшенной рѣзьбою и живописью , услышалъ я тяжелой вздохъ. . . . осмопѣлся кругомъ, и . . . представшее мое удивленіе ! . . . въ углу сей огромной залы, подлѣ мраморнаго

камина, на больших креслах сидѣла старая женщина лѣтъ шестидесяти, блѣдная, сухая, въ раздранномъ рубищѣ... Она взглянула на меня, кивнула головою и тихимъ голосомъ сказала: *доброй вечеръ!*... Нѣсколько минутъ стоялъ я неподвижно на одномъ мѣстѣ; наконецъ подошелъ, началъ говорить съ нею и узналъ, что она нищая, собираетъ милоспыню въ Парижѣ, въ окрестныхъ деревняхъ, и уже два года живетъ въ пустомъ замкѣ Мадришѣ.—Никто не превозитъ тебя здѣсь? спросилъ я. — „Кому превозитъ? Одинъ разъ пришелъ сюда Надзирапель, и увидѣлъ меня лежащую на соломѣ въ передней горницѣ. Я рассказала ему свою испорію, испорію моей дочери—онъ заплакалъ—далъ мнѣ три ливра, и велѣлъ жить въ этой залѣ, для того что въ ней цѣлы окончины; для того что въ ней не дуетъ вѣтеръ.

Доброй человекъ!“ — У тебя есть дочь? — „Была, была; теперь она тамъ, выше замка Мадрида. Ахъ! мы жили съ нею какъ въ раю; жили въ низенькой хижинѣ, спокойно и щасливо! Тогда и свѣтъ былъ лучше; тогда и всѣ люди были добрее. Знаешь ли, какъ у насъ въ деревнѣ называли ее? Мужчины соловьемъ, а женщины малиновкой. Она любила пѣть, сидя подъ окномъ, или ходя въ рощѣ за цвѣтами; всѣ останавливались и слушали. У меня сердце прыгало отъ радости. Тогда заимодавцы насъ не мучили. Луиза попроситъ, и всякой гоповъ ждашь. Луиза умерла, и меня выгнали изъ хижины, съ клюкою и копомкою. Ходи по міру и лей слезы на холодные камни!“ — У тебя нѣтъ родни? — „Есть; да нынѣ всякой объ себѣ думаетъ. Кому до меня нужда? Я не люблю скупать собою. Слава Богу! нашла

пристанище. Знаешь ли, что здѣсь
 жила Король Франсуа? я заспу-
 пила его мѣсто. Иногда, по но-
 чамъ, кажется мнѣ, будто онъ
 расхаживаетъ по горницамъ съ
 своими Министрами, Генералами,
 и разговариваетъ о спаринѣ.“ —
 И тебѣ здѣсь не страшно? —
 „Страшно? Нѣтъ, я уже давно
 перестала бояться.“ — Что же
 будетъ съ тобою, добрая спаруш-
 ка, когда ты занеможешь, когда
 ноги твои опъ спароспи. . . .
 „Что будетъ? Я умру — меня по-
 гребутъ, и все дѣло съ концомъ.“
 — Мы замолчали. . . Я подошелъ
 къ окну, и смотрѣлъ на заходя-
 щее солнце, которое своими лу-
 чами своими освѣщало разнообраз-
 ныя картины Парижскихъ окре-
 стностей. Боже мой! сколько ве-
 ликолѣпія въ физическомъ мірѣ
 (думалъ я), и сколько бѣдствія въ
 нравственномъ! Можетъ ли неща-
 сный, угнетенный бременемъ бы-

тія свого, отверженный, уединенный среди множества людей, жадных и жестоких,—можепѣ ли онѣ веселился своимъ великолѣпіемъ, златое солнце! своею чистою лазурью, свѣтлое небо! вашею красою, зеленые луга и рощи? Нѣпѣ, онѣ помился, всегда, вездѣ помился, бѣдный спрадалецъ! Темная ночь, сокрой его! Шумящая буря, унеси его. . . пуда, пуда, гдѣ добрые не поскуютѣ; гдѣ волны океана, океана вѣчности, прохлаждаютѣ исплѣвшее сердце! . . .

Солнце закапилось. Я пожалъ руку бѣдной старушки — и возвратился въ Парижѣ.

Парижѣ, Мая . . .

Сей часѣ получилъ отѣ васѣ письмо—и какѣ обрадовался, нѣпѣ нужды сказывать. Можно ли, что

вы не писали ко мнѣ отъ 14 Февр. до 7 Апрѣля? Любезные друзья мои конечно не знали, какъ дорого стоило ихъ молчаніе бѣдному Гускому путешественнику; иначе, безъ сомнѣнія, они не заспавили бы его мучиться. Извините, еспѣли эшо похоже на выговоръ; мнѣ право было очень грустно. Теперь говорю: *слава Богу!* и все забываю.

Вамъ казалось, что я никогда не выѣду изъ Женевы; а еспѣли бы вы знали, какъ мнѣ наконецъ спало шамъ скучно! Спросите, для чего же я потчасъ не выѣхалъ опшуда? Единспвенно для того, что всякой день ожидалъ вашихъ писемъ — и время проходило. Мнѣ очень хотѣлось возобновить свое путешествіе съ покойнымъ сердцемъ; чего однаковь не сдѣлалось.

Правда, любезный А. А. Парижъ есть городъ единспвенный. Нигдѣ можешъбыть не лзя найти столь-

ко матеріи для філософскихъ наблюденій, какъ здѣсь; нигдѣ сполько любопытныхъ предметовъ для человѣка, умѣющаго цѣнить Искусства; нигдѣ сполько разсѣянія и забавъ. Но гдѣ же и сполько опасностей для Философіи, особливо для сердца? Здѣсь тысячи сѣпей разспавлены для всякой его слабости... Шумный океанъ, гдѣ быстрое спременение волнъ мчитъ васъ отъ Харибды къ Сциллѣ, отъ Сциллы къ Харибдѣ! Сиренъ множество; и пѣніе ихъ такъ сладоспно, усыпипельно.... Какъ легко забыться, заснуть! но пробужденіе едва ли не всегда гороспно—и первой предметъ, копорой явился глазамъ, будетъ пустой кошелекъ.

Однакожь не надобно себѣ воображать, что Парижская пріятная жизнь очень дорога для всякаго; напрошивъ того здѣсь можно за небольшія деньги насладатся

всѣми удовольствіями по своему вкусу. Я говорю о *позволенныхъ*, и въ спрогомѣ смѣслѣ позволенныхъ удовольствіяхъ. Еспльи же кпо вздумаешъ *коротко* знакомишься съ пѣвицами и актрисами, или въ тѣхъ домахъ, гдѣ играютъ въ каршы, не опказываешься ни опѣ какой паршіи, тому надобно Англійское богатство. И домомъ жишь дорого, шо еспь, дороже, нежели у насъ въ Москвѣ. Но вопѣ какъ можно весело проводишь время и шрапишь не много денегъ:

Имѣшь хорошую комнапу въ лучшей *Отели* (*); поупру чипаешь разные *публичные листы*, журналы, газетшы, гдѣ всегда найдешь

(*) Hôtel есть наемной домъ, гдѣ вы кромѣ комнашы и услуги ничего не имѣете. Кофе и чай приносятъ вамъ изъ ближайшаго кофейнаго дома, а обѣдъ изъ шракшира.

чтонибудь занимательное, жалкое, смешное; и между тем пишь кофе, какого не умѣютъ варить ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи; по томъ кликнешь парикмахера, говоруна, вралю, копорой наскажетъ намъ множество забавнаго вздору о Мирабо и Мори, о Бальи и Лафаетъ; намажетъ вашу голову Прованскими духами и напудритъ самою бѣлою, легкою пудрою; а тамъ, надѣвъ чистую, простую фракъ, *бродитъ* по городу, зайди въ Пале-Рояль, въ Тюльери, въ Елисейскія Поля, къ извѣстному Писателю, къ художнику, въ лавки, гдѣ продаются эстампы и каршины,—къ Дидоту, любовайся его прекрасными изданіями классическихъ Авторовъ; обѣдай у *ресторатёра* (*), гдѣ

(*) Ресторантёрами называются въ Парижѣ лучшіе практирщики, у которыхъ можно обѣдать. Вамъ подадутъ роспись всѣмъ блюдамъ,

подадутъ вамъ за рубль пять или
шесть хорошо приготовленныхъ
блюдъ съ десертомъ; посмотришь
на часы, и расположишь время
свое до шести, чтобы, осмотрѣвъ
какую нибудь церковь, украшен-
ную монументами, или галерею
картинную, или библіотеку, или
кабинетъ рѣдкостей, явись, съ
первымъ движеніемъ смычка, въ
Оперѣ, въ Комедіи, въ Трагедіи,
плѣнясь гармонією, балетомъ,
смѣясь, плакаешь — и съ помною,
но пріятныхъ чувствъ исполнен-
ною душою отдыхаешь въ Пале-Ро-
яль, въ Café de Valois, de Caveau,
за чашкою *баваруза* (*); взгляды-
ваешь на великолѣпное освѣщеніе
лавокъ, аркадъ, алей въ саду,
вслушиваешься иногда въ то, что

съ означеніемъ ихъ цѣны; выбравъ,
что угодно, обѣдаешь на малень-
комъ, особливомъ столикѣ.

(*) Аромапической сиропъ съ чаемъ.

говорять тамошніе глубокіе полишки ; наконецъ возвратишься въ пихую свою комнату , соберешься съ идеями , напишешь нѣсколько строкъ въ своемъ журналѣ , бросишься на мягкую постелю , и (чѣмъ обыкновенно кончится и день и жизнь) заснуешь глубокимъ сномъ съ пріятною мыслию о будущемъ.— Такъ я провожу время, и доволенъ.

Скажу вамъ нѣсколько словъ о главныхъ Парижскихъ зданіяхъ.

Муверъ. Прежде былъ онъ ничто иное, какъ грозная крѣпость, гдѣ жили попомки Кловисовы, и гдѣ , какъ въ государственной темницѣ, заключались возмущившіе, послушные Бароны , которые часто восставали противъ своихъ Королей. Францискъ I, страшной охотникъ воевать, плѣнялъ красавицъ и строилъ великолѣпные замки , разрушивъ до основанія готическія

башни , на ихъ мѣстѣ соорудилъ
 огромный дворецъ , украшенный
 лучшими художниками его вѣка ,
 но необитаемый до временъ Карла
 IX. Лудовикъ XIV воцарился ;
 съ нимъ воцарились Искусства, На-
 уки — и Лувръ, по его мановенію ,
 увѣнчался великолѣпною своею
 колоннадою, лучшимъ произведені-
 емъ Французской Архитектуры, и
 тѣмъ болѣе удивительною , что
 соорудилъ ее не славный зодчій, а
 Докторъ Перро, обезславленный ,
 разруганный насмѣшливымъ Буало
 въ его сапирахъ. Не лзя взглянуть
 безъ какого-то глубокаго почтенія
 на ея периспили, порпики, фронто-
 ны, пиласпры, сполпы, копорымъ
 вмѣсто крова служилъ терраса съ
 прекраснымъ балюспрадомъ. Я вся-
 кой разъ останавливаюсь пропивъ
 главныхъ ворошъ , смотрю и ду-
 маю : „Сколько тысящелѣтій
 мелькнуло черезъ земной шаръ въ
 вѣчность между первымъ сплеше-

ніемъ гибкихъ вѣтвей, укрывшихъ дикаго Адамова сына отъ ненастья, и гигантскою колоннадою Лувра, дивомъ огромности и вкуса! Какъ малъ человекъ; но какъ великъ умъ его! Какъ медленны успѣхи разума; но какъ они многообразны и безконечны!“ — Людовикъ XIV долго жилъ въ Луврѣ; наконецъ предпочелъ ему Версалю, и мѣсто великаго Монарха занялъ Аполлонъ съ Музами. Тутъ всѣ Академіи (*); тутъ жили и славные Ученые, Авторы, Поэты, достойные Королевскаго вниманія. Людовикъ, уступивъ свое жилище Генію, возвысилъ и его и себя.

Говоря о Луврѣ, не лѣзя не вспомнить о снѣжномъobeliskѣ, ко-

(*) Тамъ, въ залѣ Академіи Художествъ, видѣлъ я чешыре славныя де-Брюнеллы картины: сраженія Александра Великаго.

порой въ жестокую зиму 1788 году сдѣланъ былъ пропивъ его оконъ бѣдными людьми, въ знакъ благодарности къ нынѣшнему Королю, покупавшему для нихъ дрова. Всѣ Парижскіе Спихопворцы сочиняли надписи для такого рѣдкаго памятника, и лучшая изъ нихъ была:

*Мы дѣлаемъ Царю и другу своему
Лишь снѣжный монументъ; милѣе онъ ему,
Чѣмъ мраморъ драгоценный,
Изъ дальнихъ странъ на счетъ убогихъ
привезенный.*

Въ память сего прогашельнаго случая, одинъ богатой человекъ, Г. Жюбо, соорудилъ передъ своимъ домомъ, близъ Тюльери, мраморной обелискъ, и вырѣзалъ на немъ всѣ надписи снѣжнаго монумента; я былъ у Г. Жюбо, чиналъ ихъ и вообразивъ, какъ нынѣ Французы обходящяся съ Королемъ сво-

имѣ, подумалѣ: „Вопѣ памятникѣ благодарности, который доказываетѣ неблагодарность Французовѣ!“

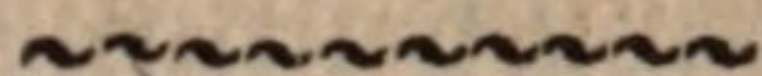

Тюльери. Имя произошло отѣ *tuile*, ш. е. черепицы, которую нѣкогда пушѣ дѣлали. Сей дворецѣ построенѣ Капериною Медисѣ; состоитѣ изѣ пяти павильйоновѣ съ чепырьмя *корѣ-де-ложи*; украшенѣ мраморными колоннами, фронтономѣ, статуями, и наконецѣ изображеніемѣ лучезарнаго солнца, девизомѣ Людовика XIV. Видѣ зданія не величественѣ, но пріятенѣ; положеніе очень хорошо. Съ одной стороны рѣка Сена, а передѣ главною фасадою Тюльерійской садѣ съ высокими своими террасами, цвѣтниками, бассейнами, группами и (что всего лучше) древними густыми алеями, сквозь которыя вдали видна, на обшир-

ной площади, спашуя Лудовика XV. Тутъ живетъ нынѣ Королевская фамилія. Я видѣлъ и внутренность дворца. Въ день Св. Духа Король вмѣстѣ съ Кавалерами главнаго Французскаго Ордена пошелъ въ церковь; за нимъ и Королева съ Дамами: первые въ рыцарскихъ мантіяхъ, съ распущенными волосами; впорыя въ богатыхъ робахъ. Въ ту самую минуто любопытные зрители бросились во внутреннія комнапы—я за ними—изъ залы въ залу, и до самой спальни. *Куда вы, господа? за тѣмъ?* спрашивали придворные лакеи. *Смотрѣть,* отвѣчали мои поварищи, и шли далѣе. Украшеніе комнапъ соспавляють обои Гобелиновой фабрики, карпины, спашуи, грешески, бронзовые камины. Между пѣмъ глаза мои занимались не только вещами, но и людьми: Миниспрами и Экс-Миниспрами, придворными и старыми Королевскими слугами,

которыя, видя безчинство молодыхъ, съ величайшимъ небреженіемъ одѣтыхъ людей, шумящихъ и бѣгающихъ, пожимали плечами. Я самъ съ какимъ-то горестнымъ чувствомъ ходилъ за другими. Таковъ ли былъ прежде Французскій Дворъ, славный своею блестящею пышностію? Видя двухъ человекъ, сидящихъ рядомъ и шепотомъ говорящихъ между собою, думалъ я: „Они вѣрно говорятъ о несчастномъ состояніи Франціи, и будущихъ ея возможныхъ бѣдъ!“ — Второй Сынъ Герцога Орлеанскаго игралъ въ билліардъ съ какимъ-то почтеннымъ старикомъ. Молодой Принцъ очень хорошъ лицомъ; надобно, чтобы и душа его была прекрасна, — слѣдственно не похожа на душу отца его. — — Тюльери соединяется съ Лувромъ посредствомъ галереи, которая длиннѣе и огромнѣе всѣхъ галерей на свѣтѣ, и гдѣ долженъ

быть Королевской Музеумъ, или собраніе картинъ, спашуй, древностей, разсѣянныхъ теперь по разнымъ мѣстамъ.

Люксембургъ принадлежитъ нынѣ Графу Прованскому: величественный дворецъ, построенный Маріею Медицисъ, супругою великаго и матерію слабаго Короля, женщиною властлюбивою, но рожденною безъ всякаго таланта властвовать; копорая, бывъ долгое время Ксантиппою Генриха IV, заступила его мѣсто на пронѣ для того, чпобы распочить плоды Сюллиевой бережливости, завести междоусобную войну во Франціи, возвеличить Ришельё и быть жертвою его неблагодарности; копорая, осыпавъ милліонами недостойныхъ своихъ любимцевъ, кончила жизнь въ изгнаніи, въ бѣдности, едва имѣя кусокъ хлѣба для утоленія

голода и рубище для прикрытія наготы своей. Игра судьбы бываеѣ иногда ужасна.— Съ такими мыслями смотрѣлъ я на прекрасную архитектуру сего Дворца, на его террасы и павильоны. За нѣсколько гривенъ показали мнѣ и внутренность. Комнаты едва ли достойны примѣчанія; но шупѣ славная галерея Рубенсова, въ которой сей Нидерландской Рафаель испошилъ всю силу искусства и Генія своего: 25 большихъ картинъ, представляющихъ Генриха IV и Королеву Марію со множествомъ аллегорическихъ фигуръ. Какое разнообразіе въ видѣ супруговъ! На всякой картинѣ *они*, но всякая имѣетъ свой особенный характеръ. Марія, изображенная въ родахъ, есть вѣнецъ Рубенсовой кисти. Глубокіе слѣды страданія, помножь, изнеможеніе; блѣдная роза красоты; радость бытія матерію Дофина; чувство, что

вся Франція ожидала сей минушы
 съ боязливымъ неперпѣніемъ, и
 что милліоны будутъ торжество-
 вать ея щасливое разрѣшеніе
 отъ бремени; нѣжность супруги,
 говорящей своими взорами Генри-
 ху: *я жива! у насъ есть сынъ!* все
 прекрасно, и съ прогашельнымъ
 искусствомъ выражено. Видно,
 что главнымъ предметомъ живо-
 писца была Королева; она зани-
 маетъ первое мѣсто на карти-
 нахъ: Генрихъ вездѣ *для нее*. Уди-
 вительно ли? Рубенсъ писалъ по
 ея заказу, послѣ Генриховой смер-
 ти; и льстецъ - живописецъ сдѣ-
 лалъ то, чего ни льстецъ - Исто-
 рикъ, ни льстецъ - Поэтъ не могъ
 бы сдѣлать для Маріи: онъ умѣлъ
 искусствомъ своимъ подкупить
 сердца въ ея пользу; онъ заспа-
 ляетъ меня любить Марію. —
 Между аллегорическими фигурами
 примѣшилъ я одно женское ми-
 лое лицо, неоднократно изображен-

ное. Ученикъ живописи, копорой показывалъ мнѣ галлерею, сказалъ: „Не дивись повторенію; это лицо Рубенсовой жены, славной красавицы Элены Форманъ. Рубенсъ былъ ея любовникомъ • супругомъ, и вездѣ, гдѣ только могъ, изображалъ свою милую Элену.“ Я люблю шѣхъ, которые любятъ умѣли; и сердце мое еще сильнѣе прилѣпилось къ художнику.

Садъ Люксанбургской былъ нѣкогда любимымъ гульбищемъ Французскихъ Авторовъ, копорые въ густыхъ и шемныхъ его алеяхъ обдумывали планы своихъ твореній. Тамъ Мабли часто гулялъ съ Кондильякомъ; шуда приходилъ иногда и печальный Руссо говорить съ своимъ краснорѣчивымъ сердцемъ; тамъ и Вольперъ въ молодости не рѣдко искалъ гармоническихъ риѣмъ для острыхъ своихъ мыслей, а мрачный Кребийонъ воображалъ себя злоб-

нымъ Апреемъ. Нынѣ садъ уже не шаковъ ; многія алеи исчезли , вырублены или засохла. Но я часто пользуюсь оспальною сѣнію памошнихъ спарыхъ деревъ ; хожу одинъ , или , сидя на дерновомъ канапѣ , чишаю книгу. Люксанбуръ не далеко отъ улицы Генего, въ которой живу.

Господинъ Д*, гуляя со мною прешьягодня въ Люксанбургскомъ саду, рассказалъ мнѣ забавной случай. Въ 1784 году, Іюля 8, собрался тамъ почти весь Парижъ, чшобы видѣть воздушное пущешествіе Аббапа Міолана, объявленное черезъ газетны. Ждущъ два, при часа, шаръ не поднимается. Публика спрашиваетъ, когда начнется экспериментъ? Аббапъ отвѣчаетъ : *въ минуту !* Но приходитъ вечеръ, а шаръ ни съ мѣста. Народъ перяетъ наконецъ терпѣніе, бросается на аэро-

сшапѣ, рвешѣ его въ клочки, а Міоланѣ спасається бѣгствомѣ. На другой день въ Пале - Рояль и на всѣхъ перекресткахъ Савояры кричапѣ: „Кому надобно изображеніе славнаго пупешествія, щасливо совершеннаго славнымъ Аббатомъ Міоланомъ,—за копѣйку, за копѣйку!“ Аббатѣ послѣ того умерѣ гражданскою смертію, то естѣ, не смѣлѣ казапѣся въ люди. Смѣшная исторія должна была кончитѣся новымъ смѣшнымъ анекдотомъ. Господинѣ Д*, скоро послѣ Міоланова бѣдства, былѣ въ партерѣ Оперы и смотрѣлѣ на балетѣ. Вдругъ приходѣтъ высокой человекѣ, Аббатѣ, спановившя передѣ нимѣ, и мѣшаеѣ ему видѣѣ сцену. „Поспоронитѣся, говоряѣ ему: здѣсь довольно мѣста.“ Гигантѣ не слушаеѣтъ, не прогаеѣтся; смотритѣ и не даеѣтъ другимъ смотрѣѣѣ. Молодой Адвокатѣ, копорой спо-ялѣ подлѣ Господина Д*, сказаѣ

ему : „хопите ли , чпобы я выгналъ високаго Аббаша?“ — *Ахъ ради Бога! естѣли можете.*— „Могу“—и потчасѣ началъ шептати на ухо всѣмъ, споявшимъ вокругъ его : „вопѣ Аббатѣ Міоланѣ , копорой обманулъ публику!“ Вдругъ десятъ голосовъ повторили : „вопѣ Аббатѣ Міоланѣ!“ Черезъ минуту весь партеръ закричалъ : „вопѣ Аббатѣ Міоланѣ!“ и всѣ указывали пальцомъ на високаго человѣка , копорой въ изумленіи , въ досадѣ , въ опчаяніи на право и на лѣво кричалъ : „Государи мои ! я не Аббатѣ Міоланѣ!“ Но скоро и во всѣхъ ложахъ раздался голосъ : „вопѣ Аббатѣ Міоланѣ!“ такъ , чпо високому человѣку , копорой назывался совсѣмъ не Міоланомъ , надлежало какъ преступнику бѣжати изъ театра. Господинъ Д*, умирая со смѣху , извѣвлялъ благодарность молодому Адвокапу , между тѣмъ какъ

партеръ и ложи, заглушая музыку, кричали: „вонъ Аббапъ Міоланъ!“

Графъ Прованской живепъ во флигелъ.

Пале - Рояль называется *сердцемъ, душою, мозгомъ, извлетеніемъ Парижа*. Ришельё спроилъ и подарилъ его Лудовику XIII, написавъ надъ воротами: Palais Cardinal! Эша надпись многимъ не полюбилась; одни называли ее гордою, другіе бессмысленною, доказывая, что по-Французски нельзя сказать: Palais Cardinal. Нѣкоторые вступились за Ришельё; писали, судились передъ публикою, и славный *щеголь* Французскаго языка (разумѣется, по тогдашнему времени) Бальзакъ игралъ отличную роль въ семъ важномъ прѣніи: доказательство, что Парижскіе умы издавна промышляють мыльными пузырями! Коро-

лева Анна прекрапила спорѣ, велѣвъ стереть Cardinal, и написашь Royal. Лудовикѣ XIV воспитывался въ Пале - Рояль, и наконецъ подарилъ его Герцогу Орлеанскому.

Не буду описывать вамъ наружности сего квадрашнаго замка, копорой безъ всякаго сомнѣнія есть огромнѣйшее зданіе въ Парижѣ, и въ которомъ соединены всѣ ордены архитектуры; скажу только, что собственно принадлежитъ къ опличному его характеру. Фамилія Герцога Орлеанскаго занимаетъ самую малую часть главнаго эшажа; все остальное посвящено удовольствію публики, или прибытку хозяина. Тутъ спектакли, клубы, концершныя залы, магазины, кофейныя дома, пракширы, лавки; тутъ богатые иносранцы нанимаютъ себѣ комнаты; тутъ живутъ блестящія первокласныя Нимфы; тутъ гнѣз-

дяпся и самыя презрительныя. Все, что можно найпи въ Парижѣ, (а чего въ Парижѣ найпи не лзя?) есть въ Пале - Рояль. Тебѣ надобенъ модной фракъ: поди шуда, и надѣнь. Хочешь, чптобы комнапы твои черезъ нѣсколько минути были украшены великолѣпно: поди шуда, и все гошово. Желаетъ имѣть карпины, эспампы лучшихъ масперовъ, въ рамахъ, за стеклами: поди шуда, и выбирай. Разныя драгоцѣнныя вещи, серебро, золопо, все можно найпи тамъ за серебро и золопо. Скажи, и вдругъ очупишся въ кабинетѣ своемъ опборная библіотека на всѣхъ языкахъ, въ прекрасныхъ шкапахъ. Однимъ словомъ, приходи въ Пале-Рояль *дикимъ Американцемъ*, и черезъ полчаса будешь одѣтъ наилучшимъ образомъ, можешь имѣть богато - украшенный домъ, экипажъ, множество слугъ, 20 блюдъ на столѣ, и, еспьли

угодно, цвѣтущую Лаису, копорая всякую минуу будешъ умирашъ опѣ любви кѣ тебѣ. Тамѣ собраны всѣ лекарства опѣ скуки и всѣ сладкія отравы для душевнаго и тѣлеснаго здоровья, всѣ средства выманивать деньги и мучить безденежныхъ, всѣ способы наслаждаться временемъ и губить его. Можно цѣлую жизнь, и самую долготѣпную, провести въ Палероаяль какѣ волшебный сонъ, и сказать при смерти: *я все видѣлъ, все узналъ!*

Въ срединѣ замка садъ, еще не давно разведенный; и хотя планъ его очень хорошъ, но Парижскіе жители не могутъ забыть густыхъ, сѣнисныхъ деревъ, которыя прежде шутъ были и вырублены немилосерднымъ Герцогомъ для новыхъ регулярныхъ алей. „Теперь, говорятъ недовольные, „одно дерево кличетъ другое, и „ни копорое воробья не укроетъ;

„а прежде — то ли дѣло? Въ
 „Іюлѣ мѣсяцѣ, въ самой жаркой
 „день наслаждались мы здѣсь
 „прохлагою какъ въ самомъ дрему-
 „чемъ, дикомъ лѣсу. Славное Кра-
 „ковское дерево (*arbre de Cracovie*)
 „какъ царь возвышалось между
 „другими; въ непроницаемой пѣ-
 „ни его собирались наши спарые
 „полиники, и сидя кругомъ, за
 „чашею лимонада, на дерновомъ
 „канапѣ, сообщали другъ другу
 „газетныя тайны, глубокія знанія,
 „оспроумныя догадки. Молодые
 „люди приходили слушать ихъ,
 „чтобы послѣ къ своимъ родспвен-
 „никамъ въ провинціяхъ написавъ:
 „такой-то Король скоро объявитъ
 „войну такому-то Государю. Но-
 „вость несомнительная! Мы слы-
 „шали ее подъ вѣтвями Краков-
 „скаго дерева. Тотъ, кто не по-
 „щадилъ его, пощадилъ ли какую
 „нибудь святыню? Герцогъ Орле-
 „анской запишетъ имя свое въ

„исторіи какъ Геростратъ: Геній
„его есть злой духъ разрушенія.“

Однакожь новой садъ имѣетъ
свои красоты. Зеленые павильоны
вокругъ бассейна и липовый храмъ
пріятны для глазъ. Всего же
милѣе Сиркъ, зданіе удивительное,
единственное въ своемъ родѣ: длин-
ный параллелограмъ, занимающій
середину сада, украшенный Иони-
ческими колоннами и зеленью, въ
копорой бѣлѣются мраморныя изо-
браженія великихъ мужей Франціи.
Снаружи кажется онъ вамъ ни-
зенькою бесѣдкою съ порпиками;
войдете, и увидите внизу, подъ
вашими ногами, великолѣпныя
залы, галлерей, манежъ; можете
сойти туда по любому крыльцу,
и вы будете въ гостяхъ у Короля
Гномовъ, въ подземельномъ цар-
ствѣ, однакожь не въ темноствѣ:
свѣтъ льется на васъ сверху,
сквозь большія окна; и вездѣ, въ
блещащихъ зеркалахъ, повпора-

юпся видимые вами предметы. Въ залахъ бывающъ всякой вечеръ или концерты или балы; освѣщеніе придаетъ внушенности Сирка еще болѣе красоты. Тутъ ко всякой дамѣ, сколько бы бриліантовъ ни сіяло на головѣ ея, можно смѣло подойти, говорить, шептать; ни копорая не разсердится, хотя всѣ онѣ очень хорошо играющъ ролю знатныхъ господъ. Тутъ же и славные Парижскіе фехтмейстеры показываютъ свое искусство, копорому я нѣсколько разъ удивлялся.—Изъ комнатъ Герцога Орлеанскаго сдѣланъ ходъ въ манежъ или, лучше сказать, подземельная дорога, по копорой онѣ можетъ пріѣзжать шуда верхомъ или въ коляскѣ. Прекрасная терраса, усыпанная цвѣтами, усаженная ароматическими деревьями, составляетъ кровлю зданія, и напоминаетъ вамъ древніе сады Вавилонскіе. Взошедши шуда, гу-

ляете среди цвѣтниківъ, выше земли, на воздухѣ, въ царствѣ Сильфовъ, и черезъ минушу сходите опять въ глубокія нѣдра земли, въ царство Гномовъ, гдѣ съ пріятностію думаете: „тысячи людей шумятъ и движущаяся теперь надъ моею головою.“

Вся нижняя часть Пале - Рояль состоитъ изъ галлерей съ 180 поршиками, копорые, будучи освѣщены реверберами, представляють всякую ночь блестящую иллюминацію.

Комнапы, занимаемая фамиліею Герцога Орлеанскаго, украшены богато и со вкусомъ. Тамъ славная картинная галлерей, едва ли уступающая Дрезденской и Диссельдорфской; кабинетъ Натуральной Исторіи, собраніе Аншиковъ, гравированныхъ камней и моделей всякаго рода художественныхъ произведеній, вмѣстѣ съ изображе-

ніемъ всѣхъ ремесленныхъ орудій.

Время кончить мое длинное историческое письмо, и пожелать вамъ, друзья мой, пріятной ночи.

Парижъ, Мая. . . 1790.

Нынѣшній день молодой Скиѣ К*, въ Академіи Надписей и Словесности, имѣлъ щастіе узнать Бартелеми-Платона!

Меня обѣщали съ нимъ познакомиться; но какъ скоро я увидѣлъ его, то, слѣдуя первому движению энтузіазма, подошелъ и сказалъ ему: „Я Руской; читалъ Анахарсиса; умѣю восхищаться произведеніемъ великихъ, бессмертныхъ, талантовъ. И такъ, хотя въ нескладныхъ словахъ, примите жершву моего глубокаго почтенія!“ — Онъ вспалъ съ креселъ, взялъ мою руку, ласковымъ взоромъ предувѣдомилъ меня о своемъ бла-

IV.

горасположеніи, и наконецъ отвѣчалъ: я радъ вашему знакомству; люблю сѣверъ, и герой, мною избранный, вамъ не тужой. — „Мнѣ хопѣлось бы имѣть съ нимъ какое нибудь сходство. Я въ Академіи: Платонъ передо мною; но имя мое не такъ извѣстно, какъ имя Анахарсиса (*).“ — *Вы молоды, путешествуете, и конечно для того, чтобы украсить вашъ разумъ познаніями: довольно сходства! —* „Будетъ еще болѣе, еспли вы дозволише мнѣ иногда видѣть и слушать васъ, съ любопытнымъ умомъ, съ ревностнымъ желаніемъ образовавъ вкусъ свой наставлені-

(*) Анахарсисъ, пріѣхавъ въ Аѳины, нашелъ Платона въ Академіи. Il me reçut, говоритъ молодой Скиѣ, avec autant de politesse que de simplicité, et me fit un si bel éloge du Philosophe Anacharsis, dont je descends, que je rougissois de porter le même nom. — Anach. vol. 2. ch. VII.

ями великаго Писателя. Я не поѣду въ Грецію: она въ вашемъ кабинетѣ.“ — Жаль, что вы пріѣхали къ намъ въ такое время, когда Аполлона и Музъ наряжаемъ мы въ національной мундиръ! Однакожъ дайте мнѣ случай видѣться съ вами. Теперь вы услышите мое сужденіе о Самаританскихъ медаляхъ и легендахъ; оно покажется вамъ скучно, comme de raison; извините: мои товарищи займутъ васъ пріятнѣйшимъ образомъ. — Между тѣмъ засѣданіе Академіи открылось. Баршелеми сѣлъ на свое мѣсто; онъ старшій въ Академіи, le Doyen. Въ собраніи было около 30 человекъ, да сколько же зрительей — не болѣе. Въ самомъ дѣлѣ диссертація Аббата Баршелеми, въ которой дѣло шло о медаляхъ Іонаѳановыхъ, Анпигоновыхъ, Симеоновыхъ, не могла занимать меня; за то мало слушая, я много смотрѣлъ на

Бартелеми. Совершенной Вольтеръ, какъ его изображаютъ на портретахъ! высокой, худой, съ пронцапельнымъ взоромъ, съ тонкою Аѳинскою усмѣшкою. Ему гораздо болѣе 70 лѣтъ; но голосъ его пріятенъ, станъ прямъ, всѣ движенія скоры и живы. Слѣдственно онъ ученыхъ трудовъ люди не спарбуются. Не сидячая, но бурная жизнь спраспей песпристъ морщинами лице наше. Бартелеми чувспвовалъ въ жизни только одну спраспъ: любовь ко славѣ, и силою Философіи своей умбрялъ ее. Подобно безсмертному Монпескьѣ онъ былъ еще *влюбленъ въ дружбу*, имблъ щаспіе доказать великодушную свою привязанность къ изгнанному Миниспру Шуазелю, и дблilъ съ нимъ скуку уединенія. Ему и супругъ его, подъ именемъ Арсама и Федимы, приписалъ онъ Анахарсиса такъ мило и прогашельно, говоря:

„Сколько разъ имя ваше гопово
 „было изъ глубины моего сердца
 „излипсья на бумагу! Сколь луче-
 „зарно сіяло оно предо мною,
 „когда мнѣ надлежало описывать
 „какое нибудь великое свойство
 „души, благодѣянiя, признапель-
 „ность! Вы имѣете право на сію
 „книгу; я сочинялъ ее въ пѣхъ
 „мѣспахъ, копорыя всего болѣе
 „украшались вами; и хопя кон-
 „чилъ оную далеко отъ Персіи,
 „но въ глазахъ вашихъ: ибо воспо-
 „минаніе минувъ, съ вами прове-
 „денныхъ, никогда не можетъ за-
 „гладиться. Оно соспавивъ ща-
 „спіе оспальныхъ дней моихъ; а
 „по смерти желаю единствено
 „пого, чпобы на гробѣ моемъ глу-
 „боко вырѣзали слова: *очъ заслу-*
 „жилъ благосклонность *Арсамы и*
 „Федимы!“

Тутъ же узналъ я Ловека, Авпора
Россійской Исторіи, копорая хопя
 имѣетъ много недоспапковъ, одна-

кожъ лучше всѣхъ другихъ. Больно, но должно по справедливости сказать, что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей Россійской Исторіи, то есть, писанной съ философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ—вопль образцы! Говорятъ, что наша Исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло выйти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только Русскихъ, но и чужестранцевъ. Родословная Князей, ихъ ссоры, междоусобіе, набѣги Половцевъ, не очень любопытны: соглашусь; но за чѣмъ наполнять ими цѣлые томы? Что не важно, то сократишь, какъ сдѣлалъ Юмъ въ Англійской Испо-

ріи; но всѣ черты, которыя означаютъ свойство народа Рускаго, характеръ древнихъ нашихъ Героевъ, оптимѣнныхъ людей, собственно такъ называемые анекдоты, собрать, описать живо, разительнѣно. У насъ былъ свой Карлъ Великой : Владиміръ — свой Лудовикъ XI : Царь Іоаннъ — свой Кромвель: Годуновъ — и еще такой Государь, которому нигдѣ не было подобныхъ: Пётръ Великой. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей Исторіи, и даже въ Исторіи человѣчества ; его - по надобно представить въ живописи, а прочее можно обрисовать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаель или Микель Анджело. — Левекъ, какъ писатель, не безъ дарованія, не безъ достоинствъ ; соображаетъ довольно хорошо, рассказываетъ довольно складно, судитъ довольно справедливо ; но кисть его

слаба, краски не живы; слоги правильной, логической, но не быстрой. Къ тому же Россія не мать ему; не наша кровь течетъ въ его жилахъ: можетъ ли онъ говорить о Рускихъ съ такимъ чувствомъ, какъ Руской? Всего же болѣе не люблю его за то, что онъ унижаетъ Петра Великаго, (если посредственный Французскій Писатель можетъ унижить нашего славнаго Монарха) говоря: *on lui a peut-être refusé avec raison le titre d'homme de Genie, puisque, en voulant former sa nation, il n'a su qu'imiter les autres peuples* (*). Я слыхалъ такое мнѣнiе даже отъ Рускихъ, и никогда не могъ слышать безъ досады.

(*) То есть: „Его, можетъ быть, по справедливости не хотѣли называть великимъ умомъ; ибо онъ, желая образовать народъ свой, только что подражалъ другимъ народамъ.“

Пусть образованія или просвѣщенія *одинъ* для народовъ ; всѣ они идутъ имъ въ слѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣе Рускихъ : и такъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами. Благоразумно ли искашь, что сыскано? Лучше либѣ было Рускимъ не строить кораблей, не образовывать регулярнаго войска, не заводить Академій, фабрикъ, для того, что все это не Рускими выдуманно? Какой народъ не перенималъ у другаго? и не должно ли *сравняться*, чтобы *превзойти*? „Однакожь, говорятъ, начто подражать рабски? начто перенимать вещи совсѣмъ ненужныя?“ Какія же? Рѣчь идетъ, думаю, о плащѣ и бородѣ. Петръ Великій одѣлъ насъ по-Нѣмецки для того, что такъ удобнѣе; обрилъ намъ бороды для того, что такъ и покойнѣе и пріятнѣе. Длинное платье не ловко, мѣшаетъ хо-

дишь, Но въ немъ теплѣ!“...
 У насъ есть шубы, За чѣмъ же
 имѣть два плащя?“... За шѣмъ,
 что нѣтъ способа быть въ од-
 номъ на улицѣ, гдѣ 20 градусовъ
 мороза, и въ комнатѣ, гдѣ 20 гра-
 дусовъ тепла. Борода же принадле-
 житъ къ состоянію дикаго чело-
 вѣка; не брить ее по же, что не
 спричь ногшей. Она закрываетъ
 отъ холоду только малую часть
 лица: сколько же неудобности лѣ-
 томъ, въ сильной жарѣ? сколько
 неудобности и зимою, носишь на
 лицѣ иней, снѣгъ и сосульки? Не
 лучше ли имѣть муфту, которая
 грѣетъ не одну бороду, но все
 лицо? Избирать во всемъ лучшее,
 есть дѣйствіе ума просвѣщеннаго;
 а Пётръ Великій хотѣлъ просвѣ-
 щить умъ во всѣхъ отношеніяхъ.
 Монархъ объявилъ войну нашимъ
 стариннымъ обыкновеніямъ во пер-
 выхъ для того, что они были гру-
 бы, недостойны своего вѣка; во

впорыхъ и для того, что они препятствовали введенію другихъ, еще важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ иностранныхъ новостей. Надлежало, такъ сказать, свернуть голову закоренѣлому Рускому упрямству, чтобы сдѣлать насъ гибкими, способными учиться и перенимать. Если бы Пётръ родился Государемъ какого нибудь острова, удаленнаго отъ всякаго сообщенія съ другими государствами, то онъ въ природномъ великомъ умѣ своемъ нашелъ бы источникъ полезныхъ изобрѣтеній и новостей для блага подданныхъ; но рожденный въ Европѣ, гдѣ цвѣли уже Искусства и Науки во всѣхъ земляхъ, кромѣ Руской, онъ долженъ былъ только разорвать завѣсу, которая скрывала отъ насъ успѣхи разума человеческого, и сказать намъ: „смотрите; сравняйтесь съ ними, и по томъ, если можете, превзойдите ихъ!“ Нѣмцы, Фран-

цузы, Англичане, были впереди Рускихъ по крайней мѣрѣ шестью вѣками: Пётръ двинулъ насъ своею мощною рукою, и мы въ нѣсколько лѣтъ почти догнали ихъ. Всѣ жалкія *Іереміады* объ измѣненіи Рускаго характера, о потерѣ Руской народной, моральной физіономіи, или ничто иное какъ шутка, или происходятъ отъ недоспадка въ основательномъ размышленіи. Мы не таковы, какъ брадапые предки наши: тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука, были ихъ долею въ самомъ вышшемъ состояніи; для насъ открыты всѣ пути къ упонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. Все *національное* ничто передъ *человѣческимъ*. Главное дѣло быть людьми, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для Рускихъ; и что Англичане

или Нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то *мое*, ибо я человѣкъ! Еще другое странное мнѣніе. Il est probable, говоритъ Левекъ, que si Pierre n'avoit pas régné, les Russes seroient aujourd'hui ce qu'ils sont; то есть: хотя бы Пётръ Великій и не училъ насъ, мы бы выучились! Какимъ же образомъ? сами собою? но сколько трудовъ спoiло Монарху побѣдить наше упорство въ невѣжествѣ? Слѣдственно Рускіе не расположены, не готовы были просвѣщаться. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ жили многіе иностранцы въ Москвѣ; но не имѣли никакого вліянiя на Рускихъ, не имѣвъ съ ними почти никакого обхожденiя. Молодые люди, тогдашніе франты, капались иногда въ саняхъ по Нѣмецкой слободѣ, и за то считались вольнодумцами. Одна только ревностная, дѣятельная воля и безпредѣльная

власть Царя Рускаго могла произвеси такую внезапную, быструю перемену. Сообщение наше съ другими Европейскими землями было очень не свободно и затруднительно; ихъ просвѣщеніе могло дѣйствовать на Россію только слабо; и въ два вѣка по естественному, непринужденному ходу вещей, едва ли сдѣлалось бы то, что Государь нашъ сдѣлалъ въ 20 лѣтъ. Какъ Спарта безъ Ликурга, такъ Россія безъ Петра не могла бы прославиться.

Между тѣмъ, друзья мои, вы все еще сидите со мною въ Академіи Надписей. Чишали разсужденіе о Греческой живописи, похвальное слово одному изъ умершихъ членовъ; и я замѣтилъ то же, что нѣсколько разъ замѣчалъ въ Спектакляхъ: ни одна хорошая мысль, ни одно щастливое выраженіе не укрывается отъ тонка-

го вкуса здѣшней Публики — *браво!* и рукоплесканіе. Всего болѣе нравятся здѣсь моральныя мысли или *сентенціи*, иногда самыя обыкновенныя. На примѣръ, въ похвальномъ словѣ умершему, Авторъ сказалъ: „Вопѣ доказа-
 „тельство, что нѣжныя души
 „предпочитаютъ тихое удоволь-
 „ствіе совѣсти шумнымъ успѣ-
 „хамъ честолюбія!“ и всѣ слуша-
 тели захопали. — Засѣданіе кон-
 чилось предложеніемъ задачъ для
 Аншикваріевъ. Надобно было по-
 знакомишься съ Гм. Левекомъ и
 сказать ему комплиментъ на
 счетъ его добраго мнѣнія о Рус-
 кихъ, у копорыхъ онъ, по своей
 благосклонности, не опшимаеѣ
 природнаго ума, ни способности
 къ Наукамъ. Баршелеми подарилъ
 меня еще двумя учтивыми фраза-
 ми, и мы разстались какъ знако-
 мые.

Я видѣлъ Автора прекрасныхъ сказокъ, копорой въ самомъ, кажется, легкомъ, въ самомъ обыкновенномъ родѣ сочиненій, умѣетъ бытъ единственнымъ, неподражаемымъ: Мармоншеля. Не довольно видѣть, надобно его узнать короче; надобно поговорить съ нимъ о щасливыхъ временахъ Французской Императоры, копорыя прошли и не возвращаются! Въкъ Вольтеровъ, Жанъ-Жаковъ, Энциклопедіи, Духа Законовъ, не уступаешь въкъ Расина, Буало, ла-Фоншена; и въ домъ Гжи. Неккеръ, Барона Ольсбаха, шутили столь же остроумно, какъ въ домъ Ниноны Ланкло. Физіогномія Мармоншелева очень привлекательна; онъ его доказываетъ, что онъ жилъ въ лучшемъ Парижскомъ обществѣ. Вообразите же, что одинъ Нѣмецкой Романистъ, копораго имени не помню, въ журналъ своего путешествія описываетъ его почти

мужикомъ, то есть, самымъ гру-
 бымъ человѣкомъ! Какъ врали мо-
 гутъ быть нахальны! — Мармон-
 телю болѣе шеспидесяти лѣтъ;
 онъ женился на молодой красави-
 цѣ, и живетъ съ нею щасливо
 въ сельскомъ уединеніи, изрѣдка
 заглядывая въ Парижъ. — Лагарпъ,
 въ улицѣ Генего, мой сосѣдъ.
 Талантъ, слогъ, вкусъ и крипика
 его давно награждены всеобщимъ
 уваженіемъ. Онъ лучший Трагикъ
 послѣ Вольпера. Въ твореніяхъ
 его мало огня, чувствительности,
 воображенія, но стихи всѣ хоро-
 ши, и много сильныхъ. Теперь
 занимается онъ литературною
 частію Французскаго Меркурія,
 вмѣстѣ съ Шанфоромъ, также
 Членомъ Академіи. — Мерсье и
 Флоріанъ въ Парижѣ; но мнѣ по
 сіе время не удалось ихъ видѣть.

Парижъ, Мая. . . .

Бывшая актриса Девьё, актриса посредственная, но прелестница славная, упражняясь лѣтъ двадцать въ доходномъ своемъ искусствѣ, и наживъ миллионы, вздумала построишь такой домъ, который обратилъ бы на себя вниманіе Парижа. Чего хотѣла, то и сдѣлалось. Сей домъ смотрявъ всѣ какъ диво. Надобно имѣть билетъ, чтобы видѣть его. Господинъ П*, мой землякъ, доставилъ мнѣ это удовольствіе. Что за комнаты! что за приборы! Живопись, бронза, мраморъ, дерево: все блестяще, привлекаетъ глаза. Домъ не великъ; но Умъ чертилъ планъ его, Искусство было архитекторомъ, Вкусъ украшалъ, а Богатство выдавало деньги. Тутъ нѣтъ ничего *не-прекраснаго*; и съ прекраснымъ для глазъ вездѣ соединена удобность или ловкость для употребленія. Прошедши комнаты

пяць, вошли мы во святилище
 — въ спальню, гдѣ живопись изо-
 бразила на стѣнахъ Геркулеса,
 стоящаго на колѣняхъ передъ
 Омфалою; пяць или шесть Эро-
 товъ, вѣдущихъ верхомъ на его
 палицѣ; Армиду, которая смо-
 трилась въ зеркало, гораздо болѣе
 восхищаясь своею красою, не-
 жели обожаніемъ сидящаго подлѣ
 нее Ринальда; Венеру, которая,
 снявъ съ себя поясъ, подаетъ
 его . . . не видно кому, но вѣр-
 но хозяйкѣ. Глаза ищутъ . . .
 догадаетесь, чего. Ложе удоволь-
 ствій, осыпанное неувядаемыми,
 то есть, искусственными розами
 безъ терній, возвышается на нѣ-
 сколькихъ ступеняхъ; путь безъ
 сомнѣнія всякой Адонисъ долженъ
 преклонять колѣна свои. Позади
 спальни, въ небольшой залѣ, сдѣланъ
 мраморной бассейнъ для купанья;
 а вверху хоры для музыкантовъ,
 чтобы красавица, слушая гармо-

ническую игру ихъ, могла въ такпѣ полоскаться. Изъ сей комнапы дверь въ Гесперидской садѣ, гдѣ всѣ пропинки опушены цвѣтами; гдѣ всѣ дерева осѣняя благоухающѣ. Лужки и лѣсочки живописные; кажется, будто всякая правка и всякой листокъ выбраны изъ пысячи. Дорожки извиваясь приводятъ васъ ко мшистой скалѣ, къ дикому гробу, гдѣ чашаеппе надпись: *Искусство ведетъ къ Матурѣ*; она дружески подаетъ ему руку; а въ другомъ мѣстѣ: *Здѣсь я наслаждаюсь задумчивостію*. Молодой Англичанинъ, которой былъ съ нами, взглянувъ на послѣднюю надпись, сказалъ: grimace, grimace, Mademoiselle Dervieux!— Хозяйка живетъ во второмъ этажѣ, которой мы также осматривали, и гдѣ комнапы хотя со вкусомъ прибраны, однакожь не имѣющѣ очаровательности перваго. Я любопытствовалъ видѣть Нимфу; но

ей угодно было играть ролю невидимки. На диванѣ лежалъ корсетъ, доказательство ея тонкаго спана, чепчикъ съ розовыми лентами и черепаховой гребень. Зеленой тафтяной занавѣсью отъблалъ отъ насъ славную прелестницу; но мы не смѣли отдернуть его. —

Новая Нинонъ вздумала продавать волшебной своей храмъ. Одинъ богатый Американецъ, изъ числа ея любимцевъ, покупаетъ его за половину цѣны, за 600,000 ливровъ, съ шѣмъ намѣреніемъ, какъ сказываютъ, чтобы за ужиномъ, который онъ хочетъ дать въ новокупленномъ домѣ, подарить его прежней хозяйкѣ. Взоръ благодарнаго удивленія долженъ быть наградою Американца.

Академіи.

Рабошаць соединенными силами, съ однимъ намѣреніемъ, по лучшему плану, естъ предметъ всѣхъ Академій. Выдумка благословенная для пользы Наукъ, Искусствъ и всѣхъ людей! Пріятная мысль бытъ участникомъ въ достохвальныхъ трудахъ, соревнованіе между Членами, нераздѣлимость общей славы съ личною, взаимное усердное вспоможеніе, окриляющъ разумъ человѣческой. Надобно опдашь справедливостъ Парижскимъ Академіямъ: онѣ были всегда прудолубивѣе и полезнѣе другихъ ученыхъ обществъ.

Собственно такъ называемая *Французская Академія*, учрежденная Кардиналомъ Ришельё для обогащенія Французскаго языка, ушверждена Парламентомъ и Королемъ. Девизъ ея: *Безсмертію!* Жаль, что она обязана бытіемъ своимъ такому жестокому Министру!

Жаль, что всякой новой Членъ при вступленіи своемъ долженъ хвалишь его! Жаль, что половина Членовъ состоитъ изъ людей едва не безграмотныхъ, для того единственно, что они знашныя! Такіе Академики, ни мало не возвышая себя ученымъ титуломъ, унижаютъ только Академію. „Всякой знай свое мѣсто и дѣло,“ есть мудрое правило, но рѣже всего исполняется. Правда, что *Господа — сорокъ*, *messieurs les quarante* (*), наблюдая въ своихъ засѣданіяхъ почное равенство. Прежде всѣ они сидѣли на стульяхъ; одинъ изъ знашныхъ Членовъ попребовалъ для себя креселъ: чтожь сдѣлали другіе? сами сѣли на кресла. *C'est toujours quelque chose*. Главной плодъ сего Академическаго дерева есть Лексиконъ Французскаго языка, чистой, правильной, спро-

(*) Ихъ всегда 40, ни болѣе, ни менѣе.

гой, но не полной, такъ что въ первомъ изданіи господа Члены забыли даже слово *Академія*! На примѣръ: Англійской Лексиконъ Джонсоновъ и Нѣмецкой Аделунговъ гораздо совершеннѣе Французскаго. Вольперъ болѣе всѣхъ чувствовалъ недостатки его, хотѣлъ дополнить, украсить; но смерть помѣшала (*). Академія занималась и крипикою, только рѣдко и мало; въ угожденіе своему основателю Ришельё доказывала, что Корнелевъ *Сидъ* не достоинъ славы; но Парижскіе любители театра, на зло ей, тѣмъ болѣе хвалили *Сиду*. Она могла бы конечно быть гораздо полезнѣе, издавая на примѣръ Журналъ для

(*) Остроумной Ривароль давно обѣщаетъ новой Философической Словарь языка своего; но чрезмѣрная лѣность, какъ сказываютъ, мѣшаетъ ему исполнить обѣщаніе.

кришки и словесности: чего бы не произвели соединенные труды лучших Писателей? Однакожь полезность ея не сомнительна. Множество хороших піесъ написано для славы быть Членомъ Академіи, или заслужить ея хвалу. Всякой годъ избираетъ она два предмета для Стихотворства и краснорѣчія, вызываетъ всѣхъ Авторовъ обрабатывать ихъ, въ день Св. Лудовика торжественно объявляетъ, кто побѣдитель, чье твореніе достойно награды, и раздаетъ золотыя медали. Спрашивается, для чего Ла-Фонтенъ, Мольеръ, Жанъ-Баптистъ, Жанъ-Жакъ Руссо, Дидро, Доранъ и многіе другіе достойные Писатели не были ея Членами? Отвѣтъ: гдѣ люди, тамъ пристрастіе и зависть; иногда славнѣе не быть, нежели быть Академикомъ. Истинныя дарованія не остаются безъ награды: есть публика, есть попомство. Главное

дѣло не *получить*, а *заслужить*. Не *Писатели*, а *маратели* всего болѣе сердятся за то, что имъ не даюшъ папшеншовъ. Французская Академія, боясь, чшобы кто нибудь изъ Авторовъ не оскорбилъ ея гордоспи и не вздумалъ опровергнущъ предлагаемаго ею папшенша, утвердила закономъ выбирать въ Члены единственно тѣхъ, копорые сами запишущся въ кандидаты. Злѣйшій непріятель ея былъ Пиронъ. Извѣстна его насмѣшка : *messieurs les quarante ont de l'esprit comme quatre*, и забавная эпипафія :

*Ci-git Piron; il ne fut rien,
Pas même Académicien.*

Но вотъ что дѣлаетъ честь Академіи: въ залѣ ея, между многими изображеніями славныхъ Авторовъ, спюишъ Пироновъ бюстъ! Мщеніе великодушное !

Академія Наукъ учреждена Людовикомъ XIV, состоишъ изъ 76

Членовъ, и занимается Физикою, Астрономіею, Математикою, Химіею, спараясь *открывать новое, или доводитъ до совершенства* извѣстное, по девизу: *invenit et perfecit*. Каждый годъ выдаетъ она большой Томъ сочиненій своихъ, полезныхъ для ученаго, пріятныхъ для любопытнаго. Они составляютъ подробнѣйшую Историю Наукъ со временъ Лудовика XIV. Иностранцы считающъ за великую славу быть Членами Парижской Академіи; число ихъ определено закономъ: 8, не болѣе. Нигдѣ нѣтъ теперь такихъ Астрономовъ и Химиковъ, какъ въ Парижѣ. Нѣмецкой Ученой снимаетъ колпакъ, говоря о Лаландѣ и Лавуазье. Первый, забывая все земное, болѣе 40 лѣтъ безпрестанно занимается небеснымъ, и открылъ множество новыхъ звѣздъ. Онъ есть Талесъ нашего времени, и прекрасную эпитафію Греческаго

мудреца (*) можно будешъ вырѣ-
зать на его гробъ:

*Когда отъ старости Талесовъ взоръ за-
тмился;*

*Когда уже и звѣздъ не могъ онъ раз-
личить,*

Мудрецъ на небо преселился,

Чтобъ къ нимъ поближе быть.

Кромѣ своей учености, Лаландъ любезенъ, живъ, веселъ какъ самый любезнѣйшій молодой Французъ. Онъ воспитываетъ дочь свою также совершенно *для неба*, учишъ Математику, Астрономіи, и въ шутку называетъ Уранією; ведетъ переписку со всѣми знаменитыми Астрономами Европы, и съ великимъ уваженіемъ говоритъ о Берлинцѣ Боде. — Лавуазье есть Геній Химіи, обогатилъ ее безчисленными открытіями, и (что всего важнѣе) полезными для жизни, для

(*) См. Діогена Лаэртія въ жизни Талеса.

всѣхъ людей. Бывъ передъ революціею Генеральнымъ Опкупщикомъ, имѣетъ конечно не одинъ миллионъ; но богатство не прохладаетъ ревностной любви его къ Наукамъ: оно служи́тъ ему только средствомъ къ размноженію ихъ благотворныхъ дѣйствій. Химическіе опыты пребудутъ иногда большихъ издержекъ: Лавуазье ничего не жалѣетъ; и сверхъ того любитъ дѣлиться съ бѣдными: одною рукою обнимаетъ ихъ какъ братьевъ, а другою кладетъ имъ кошелекъ въ карманъ. Его сравниваютъ съ Гельвеціемъ, копорой также былъ Генеральнымъ Опкупщикомъ, также любилъ науки и благотѣпелность; но Философія послѣдняго не споитъ Химіи перваго. Товарищъ мой Беккеръ не можетъ безъ восхищенія говорить о Лавуазье, копорой дружески обласкалъ его, слыша, что онъ ученикъ Берлинскаго Химика Клап-

ропа. Я всегда готовъ плакать отъ сердечнаго удовольствія, видя, какъ Науки соединяютъ людей, живущихъ на сѣверѣ и югѣ; какъ они, безъ личнаго знакомства, любятъ, уважаютъ другъ друга. Чпо ни говорятъ Мизософы, а Науки святое дѣло! — Слава Лавуазьерова пристраспила многихъ здѣшнихъ Дамъ къ Химіи, такъ чпо года за два передъ симъ красавицы любили изъяснять нѣжныя движенія сердець своихъ химическими операціями. — Бальи есть также одинъ изъ знаменитыхъ Членовъ Академіи, и болѣе всего прославилъ себя Исторіею Древней и новой Астрономіи. Жаль, чпо онъ вдался въ революцію, и мирную тишину кабинета промѣнялъ можетъ быть на эшафотъ (*).

Академія Надписей и Словесно-

(*) Лавуазье и Бальи умерщвлены Роберспьеромъ.

спи учреждена также Людовикомъ XIV, и болѣе ста лѣтъ ревностно прудился для обогащенія Исторической Липпературы; нравы, обыкновенія, монументы древности, соспавляють предметъ ея любопытныхъ изысканій. Она по сіе время выдала болѣе 40 Томовъ, копорые можно назвать золопою миною Исторіи. Вы не знаете, что были Египтяне, Персы, Греки, Римляне, есѣли не читали Записокъ Академіи; читая ихъ, живете съ Древними; видите, кажешся, всѣ ихъ движенія, малѣйшія подробности домашней жизни въ Аѣинахъ, въ Римѣ и проч. Девизъ Академіи есѣ Муза Исторіи, копорая въ правой рукѣ держитъ лавровый вѣнокъ, а лѣвою указываетъ вдали на пирамиду, съ надписью: *не даеѣ умиратъ, vetat mori.*

Наименую вамъ еще Академію Живописи, Ваянія, Архитектуры,

которыя всѣ помѣщены въ Луврѣ, и всѣ доказываютъ любовь къ Наукамъ Лудовика XIV, или великаго Министра его Кольберта.

Парижѣ, Мая

Нынѣшній день—угадайте, что я осматривалъ? Парижскія улицы; разумеется, гдѣ что нибудь случилось, было или есть примѣчанія доспойное. Забывъ взять съ собою планъ Парижа, который бы всего лучше могъ быть моимъ путеводителемъ, я спрашнымъ образомъ кружилъ по городу, и въ скверныхъ фіакрахъ цѣлой день проѣздилъ. Въ 10 часовъ утра началось мое путешествіе. Кучеру данъ былъ приказъ везти меня — къ *источнику любви*. Онъ не читалъ Сент-Фуа, слѣдственно не понималъ меня, но хотѣлъ угадать и не угадывалъ. Надлежало сказать

яснѣ: Eh bien, dans la rue de la Truanderie! — „A la bonne heure. Vous autres étrangers, vous ne dites le mot propre qu'à la fin de la phrase.“ — И такъ мы оправились въ Трюандери. Вотъ анекдотъ:

Агнеса Теллебикъ, прекрасная молодая дѣвушка, дочь главнаго Конюшаго при Дворѣ Филипа Августа, любила и спрадала. Опъ Парижа далеко до мыса Левкадскаго: что же дѣлать? броситься въ колодезь на улицѣ Трюандери, и концемъ дней своихъ прекратить любовную муку. Лѣтъ черезъ 300 послѣ того другой случай. Одинъ молодой человекъ, приведенный въ опчаяніе жестокостію своей богини, также бросился въ этотъ колодезь, но весьма осторожно и весьма щасливо: не упонулъ, не зашибся; и красавица, свѣдавъ, что ея любовникъ сидитъ въ водѣ, прилетѣла на крыльяхъ

Зефира, спустила къ нему веревку, выпатила рыцаря, наградила его своею любовію, сердцемъ и рукою. Желая изъяснить благодарность колодезю, онъ перестроилъ его, украсилъ, и гошическими буквами написалъ:

L' amour m' a refait

En 1525 tout-à fait.

Въ 1525 году вновь

Меня перестроила Любовь.

Весь Парижъ узналъ о семъ происшествіи. Молодые люди и дѣвушки начали шамъ сходитьсь при свѣтѣ луны, пѣть нѣжныя пѣсни, плясать, увѣрять другъ друга въ любви, и колодезь обратился въ жертвенникъ Эроповъ. Наконецъ одинъ славный проповѣдникъ тогдашняго времени съ великимъ жаромъ представилъ родителемъ возможные слѣдствія такихъ сходбищъ, и набожные люди немедленно засыпали источникъ люб-

ви. Показывающѣ мѣсто его: пущѣ
выпилѣ я спаканѣ Сенской воды,
оспапками оросилѣ землю, и ска-
залѣ: *à l'amour! въ жертву Венерѣ-
Ураніи!*

Нынѣшняя *Павильонная* улица
называлась прежде именемѣ Діаны,
не Греческой богини, а прекрасной
милой Діаны дю-Пуапье, копо-
рую знаю и люблю по запискамѣ
Бранпома. Она имѣла всѣ преле-
сти женскія, до самой спароспи
сохранила свѣжестѣ красоты сво-
ей, и владѣла сердцемѣ Генриха II.
Роспѣ Минервинѣ, гордый видѣ
Юноны, походка величественная,
темно-русые волосы, копорые до
земли доставали; глаза черные
огненные; лице нѣжное лилейное,
сѣ двумя Майскими розами на ще-
кахѣ; грудь Венеры Медицейской,
и, что еще милѣе, чувствитель-
ное сердце и просвѣщенный умѣ:
вопѣ ея портретѣ! Король хо-
тѣлѣ, чтобы Парламенты фор-

малынымъ актомъ признали дочь
 ея законною его дочерью; Діана
 сказала: „Имѣвъ право на швою
 „руку, я претбовала единственнo
 „швоего сердца, для того, что лю-
 „била тебя; но никогда не согла-
 „шусь, чтобы Парламентъ обѣ-
 „явилъ меня швоею наложницею.“
 —Генрихъ слушалъ ее во всемъ и
 дѣлалъ только хорошее. Она лю-
 била Науки, Поэзію, и была Музою
 остроумнаго Маро. Городъ Ліонъ
 посвящилъ ей медаль съ надписью:
 Omnia victorem vici (*). „Я ви-
 „дѣлъ Діану шестидесяти пяти
 „лѣтъ, говоритъ Браншомъ, и не
 „могъ надивиться чудесной кра-
 „сотѣ ея; всѣ прелести сіяли
 „еще на лицѣ сей рѣдкой жен-
 „щины.“ Какая изъ нынѣшнихъ кра-
 савицъ не позавидуетъ Діанѣ? Имъ
 остается слѣдовать образу ея
 жизни. Она всякой день вставала

(*) Я побѣдила побѣдителя всѣхъ.

въ шестъ часовъ, умывалась самою холодною ключевою водою, не знала припираній, никогда не румянилась, часто бздила верьхомъ, ходила, занималась чпеніемъ и не терпѣла праздности. Вотъ рецептъ для сохраненія красоты!—
Діана погребена въ Анепѣ; не имѣя надежды видѣть могилу ея, я бросилъ цвѣтокъ на то мѣсто, гдѣ жила прелестная.

Въ улицѣ *писателей* или *копистовъ* (des écrivains) хотѣлъ я видѣть домъ, гдѣ въ 14 вѣкѣ жилъ Николай Фламелъ съ женою своею Перниліею, и гдѣ еще по сіе время на большомъ камнѣ видны ихъ рѣзныя изображенія, окруженныя готическими надписями и гіероглифами. Вы не знаете, кто былъ Николай Фламелъ: не правда ли? Онъ былъ ничто иное, какъ бѣдной копистъ; но вдругъ къ общему удивленію сдѣлался благошворителемъ неимущихъ, и началъ

сыпать деньги на бѣдныхъ опцовъ семейства , на вдовъ и сиротъ ; завелъ больницы , выстроилъ нѣсколько церквей. Пошли въ городъ разные полки: одни говорили, что Фламель нашелъ кладъ; другіе думали, что онъ знаетъ пайну философскаго камня и дѣлаетъ золото ; иные подозрѣвали даже , что онъ водится съ Духами ; а нѣкоторые утверждали, что причиною богатства его есть тайная связь съ Жидами, выгнанными тогда изъ Франціи. Фламель умеръ, не рѣшивъ спора. Черезъ нѣсколько лѣтъ любопытные вздумали рыть землю въ его погребѣ , и нашли множество угольевъ , разныхъ сосудовъ , урнъ , съ какимъ-то жесткимъ , минеральнымъ веществомъ. Алхимическое суевѣріе обрадовалось новому лучу безумной надежды, и многіе, желая разбогатѣть подобно Фламелью, превратили въ дымъ свое имѣніе.

Прошло нѣсколько вѣковъ ; исторія его была уже забыта; но Павелъ Люкасѣ, славной Путешественникѣ, славной лжецѣ, возобновилъ ее слѣдующею сказкою. Будучи въ Азїи, познакомился онѣ съ однимѣ Дервишемѣ, копорой говорилъ *всѣми* языками, казался молодымѣ человекомѣ, а прожилъ на свѣтѣ болѣе ста лѣтъ. „Сей „Дервишѣ, говоритѣ Люкасѣ, увѣрилъ меня, чѣто Николай Фламель еще живѣ ; чѣто онѣ, боясь „сидѣть въ пюрѣмѣ за тайну философскаго камня, вздумалъ „скрыться; подкупилъ Доктора и „приходскаго священника, чѣобы „они разгласили о его смерти, а „самѣ ушелъ изѣ Франціи. Съ того времени, сказалъ мнѣ Дервишѣ, „Николай Фламель и жена его „Пернилія ведуѣ философскую „жизнь въ разныхѣ часпяхѣ свѣта; онѣ сердечной другѣ мой, и „я недавно видѣлся съ нимѣ на

„берегу Гангеса.“ — Удивительно не то, что Павелъ Люкасъ выдумалъ романъ, а то, что Лудовикъ XIV посылалъ такого человека странствовать для обогащенія Наукъ историческими свѣдѣніями. — Я споялъ нѣсколько минушъ передъ домомъ Фламея, копалъ въ землѣ своею проспью, но не нашелъ ничего, кромѣ камней совсѣмъ не философскихъ.

Я не хотѣлъ бы жить въ улицѣ *Ферронери*: какое ужасное воспоминаніе! Тамъ Генрихъ IV палъ отъ руки злодѣя — *seul roi de qui le peuple ait gardé la mémoire*, говоритъ Вольперъ. Герой великодушной, Царь благопovitельной! ты завоевалъ не чужое, а свое государство, и единственно для щаспія завоеванныхъ! — Слова незабвенныя, просшыя, но сильныя: *Я не хочу умереть безъ того, чтобы всякой крестьянинъ въ Королевствѣ моемъ не вѣлъ курицы по Во-*

*скресеньямъ! и другія, сказанныя имъ Гишпанскому Министру: Вы не узнаете Парижа: мудро ли? Отецъ семейства былъ прежде въ отлучкѣ; теперь онъ дома, и нежится о своихъ дѣтяхъ!— Въ бѣдствіяхъ образовалась душа Генрихова; въ собственномъ несчастіи научился онъ дорожить щастіемъ другихъ людей и дружбою, которая раждается и торжествуетъ въ бурныя времена. Онъ былъ любимъ! Нѣкоторые изъ добрыхъ Французовъ опъ горести послѣдовали за нимъ во гробъ; между прочими ле-Викъ, Парижской Губернаторъ.— Кучеръ мой остановился и кричалъ: „вопъ улица де-ла-Ферронери!“ *Мѣтъ*, отвѣчалъ я: *ступай далѣе!* Я боялся выпши и спупишь на шу землю, которая не провалилась подъ гнуснымъ Равальякомъ.*

Улица храма, rue du Temple, напоминаетъ бѣдственный жребій

славнаго Ордена Тамплиеровъ, которые въ бѣдѣности были смиренны, храбры и великодушны; разбогатѣвъ, возгордились и вели жизнь роскошную. Филиппъ Прекрасный (но только не душою), и Папа Климентъ V, по доносу двухъ злодѣевъ, осудили всѣхъ главныхъ рыцарей на казнь и сожженіе. Варварство достойное 14 вѣка! Ихъ мучили, терзали, заставляя виниться въ ужасныхъ нелѣпостяхъ; на пр. въ томъ, будто они поклонялись деревянному болвану съ сѣдою бородою, опраекались отъ Христа, дружились съ дьяволомъ, влюблялись въ черпалокъ, играли младенцами какъ мячомъ, то естъ, бросали ихъ изъ рукъ въ руки, и такимъ образомъ умерщвляли. Многіе рыцари не могли снести пытки, и признавали себя виновными; другіе же, въ страшныхъ мукахъ, на кострѣ, въ пламени, восклицали: *Есть Богъ! Онъ знаетъ*

нашу невинность! Моле, Великой
 Магистеръ Ордена, выведенъ былъ
 на эшафотъ, чѣмъ всенародно
 изъяснивъ покаяніе, за которое
 обѣщали прости его. Одинъ
 ревностной Легатъ въ длинной
 рѣчи описалъ всѣ мнимыя злодѣ-
 янія Кавалеровъ Храма, и заклю-
 чилъ словами: „вошъ ихъ началь-
 „никъ! слушайте: онъ самъ оп-
 „кроетъ вамъ богомерзкія пайны
 „Ордена.“ . . . Открою истину, ска-
 залъ несчастный спарецъ, высту-
 пивъ на край эшафота, и попря-
 сая тяжкими своими цѣпями:
*Всевышній, милосердый Отецъ че-
 ловѣковъ! внемли клятвѣ моей, ко-
 торая да оправдаетъ меня предъ
 Твоимъ небеснымъ судилищемъ! . . .
 Клянусь, что рыцарство невинно;
 что Орденъ нашъ былъ всегда рев-
 ностнымъ исполнителемъ Христї-
 анскихъ должностей, правовѣрнымъ,
 благодѣтельнымъ; что однѣ лютыя
 муки заставили меня сказать про-*

тивное, и что я молю Небо простить теловѣческую слабость мою. Вижу яростную злобу нашихъ гонителей; вижу метъ и пламя. Да будетъ со мною воля Божія! Готовъ все терпѣть въ наказаніе за то, что я оклеветалъ моихъ братій, истину и святую вѣру!—Въ этотъ же день сожгли его. Спарецъ, пылая на кострѣ, говорилъ только о невинности рыцарей, и молилъ Спасителя подкрѣпить его силы. Народъ, проливая слезы, бросился въ огонь, собралъ пепелъ несчастнаго и унесъ его какъ драгоценную святыню.—Какія времена! какіе изверги между людьми! Хищному Филиппу надобно было имѣніе Ордена.

Чѣмъ загладить въ мысляхъ страшныя воспоминанія? Куда теперь ѣхать? Въ *Аль де-Мотр* *Дамб*, гдѣ, во время Карла V, передъ глазами всѣхъ имениныхъ жителей Парижа, рыцарь Макеръ

сражался... съ другимъ рыцаремъ, думаете? Нѣтъ, съ собакою, которая могла служишь примѣромъ для рыцарей. До нынѣ показывають тамъ мѣсто сего чуднаго поединка. Выслушайте исторію. Обри Мондидье, гуляя одинъ въ лѣсу недалеко отъ Парижа, былъ зарѣзанъ и схороненъ подъ деревомъ. Собака несчастнаго, которая оспавалась дома, побѣжала ночью искашь его, нашла въ лѣсу могилу, узнала, кѣмъ погребенъ трупъ, и нѣсколько дней не сходила съ мѣста. Наконецъ голодъ заставилъ ее возвратишься въ Парижъ. Она пришла къ Обриеву другу, Ардильеру, и жалкимъ воємъ давала ему чувствовашъ, что общаго друга ихъ нѣтъ уже на свѣтѣ! Ардильеръ накормилъ ее, ласкалъ: но горестная собака не переставала визжать, лизала ему ноги, брала его за кафшанъ, тащила къ дверямъ. Ардильеръ

рѣшился итти за нею—изъ улицы въ улицу, за городъ, въ лѣсъ, къ высокому дубу. Тутъ начала она визжать еще сильнѣе и рыть лапами землю. Другъ Обріевъ съ горестнымъ предчувствіемъ видитъ могилу; велитъ слугѣ своему копать, и находитъ тѣло несчастнаго. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ собака встрѣчается съ убійцею, котораго всѣ Испорики называютъ рыцаремъ Макеромъ; бросается на него (*), лаепъ, грызетъ, какъ что съ великимъ трудомъ могли оппачить ее. Въ другой, въ претій разъ то же; собака, всегда смирная, только пропивъ одного человѣка дѣлается злобнымъ пигромъ. Люди удивляются, говоря; вспомнили ея привязанность къ го-

(*) Спрашивается, какъ она узнала его? Можетъ быть, имѣя тонкое обоняніе, почувствовала на немъ кровь господина своего.

сподину; вспомнили, что Макеръ въ разныхъ случаяхъ оказывалъ ненависть къ покойнику. Другія обстоятельства умножають подозрѣніе. Доходитъ до Короля. Онъ желаетъ видѣть собственными глазами — и видитъ, что собака, ласкаясь ко всѣмъ придворнымъ, съ визгомъ кусаетъ Макера. Въ тогдашнія времена поединокъ рѣшилъ судьбу обвиняемыхъ, если доказательства были не ясны. Карлъ назначаетъ день, мѣсто; рыцарю даютъ булаву, и пускають собаку. Жестокой бой начинается. Макеръ заноситъ руку, хочетъ разить; но собака увертывается, хватая его за горло — и злодѣй, падая на землю, признается Королю въ своемъ злодѣянніи. Карлъ V, желая для попомощва сохранить память вѣрной собаки, которая столь чудесно открыла тайное убійство, велѣлъ въ Бондійскомъ лѣсу соорудить

ей мраморный монументъ и вырѣ-
зашъ слѣдующую надпись: *Жесто-*
кїя сердца! стыдитесь: безслове-
сное животное ужѣтѣ любитъ, и
знаетѣ благодарность. А ты, зло-
дѣй! въ минуту преступленїя бой-
ся самой тѣни своей! — И такъ
Карлъ справедливо названъ *му-*
дрымъ. — Когда *Исторїя людей*, на-
полненная злодѣянїями, выпадетъ
изъ рукъ моихъ, я спану чипашъ
исторїю собакъ, и ушѣшусь!

Опѣ чего въ Парижѣ называли одну
улицу *адского*? Лудовикъ Святой,
доброй Государь (еспили бы онѣ
шолько не бздилъ воевашъ въ
Азію и въ Африку) подарилъ уче-
никамъ Бруновымъ (*) небольшою
домикъ съ садомъ, близъ старин-
наго дворца, построеннаго Коро-
лемъ Робертомъ, и давно уже
осшавленнаго. Скоро разнесся въ

(*) Бруно основалъ Картезіанской Ор-
денъ.

Парижѣ слухѣ, что нечистые души живутъ въ Робертовыхъ палатахъ, шумятъ, спучаютъ цѣпями и воютъ страшнымъ образомъ; что одно *зеленое чудовище*, сверху человекъ, а снизу змѣя, ходитъ по комнатамъ, ночью выбѣгаетъ на улицу и бросается на людей. Лудовикъ, слыша такіе ужасы, рассудилъ за благо отдать сей дворецъ Картезіанцамъ, съ условіемъ, чтобы они выгнали опшуда злыхъ духовъ. Зеленое чудовище вдругъ скрылось, и добрые монахи жили покойно въ своемъ огромномъ домѣ; но улица и до нынѣ называется *адскою*.

Я проѣхалъ опшуда въ улицу *Милькёрзъ*, гдѣ Францискъ I жилъ нѣсколько времени въ маленькомъ домикѣ, чтобы быть сосѣдомъ прекрасной Герцогини д'Эшампъ, которая владела его нѣжнымъ сердцемъ. Онъ украсилъ свои комнаты живописью, эмблемами, надпи-

сями, въ честь и славу любви. „Я
 „видѣлъ еще многіе изъ сихъ де-
 „визовъ, говоришь Соваль; но по-
 „мню только одинъ: пламенное
 „сердце, изображенное между *аль-*
 „*фы* и *омеги*; что безъ сомнѣнія
 „значило: оно будетъ всегда пы-
 „лать.“ Бани Герцогини д'Эшампъ
 служащъ нынѣ конюшнею. Шляп-
 ной масперъ варишь себѣ кушанье
 въ спальнѣ Франциска I, а въ ка-
 бинетѣ его восторговъ (*cabinet de*
delices) живешь сапожникъ.

Спаринный законъ не великъ
 во Франціи выпускашь на улицу
 свиней. Любопытны ли вы знаете
 причину? Въ улицѣ *Мальтуа* вамъ
 скажутъ ее. Тамъ молодой Ко-
 роль Филиппъ, сынъ Лудовика
Толстаго, ѣхалъ верхомъ. Вдругъ
 откуда ни взялась свинья и бро-
 силась подъ ноги лошади его: ло-
 шадь споткнулась, Филиппъ упалъ,
 и на другой день умеръ.

Шопланецъ Ла (Law) просла-
вилъ улицу Кенкампуа: путѣ раз-
давались билеты его Банка. Спра-
шное множество людей всегда
тѣснилось вокругъ бюро, чшобы
мѣняшь луидоры на ассигнаціи.
„Тутѣ горбатые торговали своими
„горбами; шо есть, позволяли ажѣ-
„опѣрамъ писать на нихъ, и вѣ
„нѣсколько дней обогащались. Слу-
„га покупалъ экипажъ господина
„своего; демонъ корысполубія вы-
„гонялъ Философа изъ ученаго ка-
„бинета и заспавлялъ его вмѣши-
„ваясь вѣ толпу игроковъ, чшо-
„бы покупать мнимыя ассигнаціи.
„Сонъ исчезъ, оспалась просшая
„бумага, и авторъ сей несчастной
„системы умеръ съ голоду вѣ
„Венеціи, бывъ за нѣсколько
„времени передъ тѣмъ роскош-
„нѣйшимъ человекомъ вѣ Ев-
„ропѣ,, — *Мерсье въ Картинѣ
Парижа.*

Путешествіе мое кончилось

улицею *Арфы*, de la Harpe, гдѣ я видѣлъ оспашки древняго Римскаго зданія, извѣстнаго подѣ именемъ Palais des Thermes: огромную залу съ круглымъ сводомъ, вышиною въ 40 футовъ. Испорики думающе, что это зданіе древнѣе временъ Іуліановыхъ; по крайней мѣрѣ Іуліанъ жилъ въ немъ, когда Гальскіе Легіоны назвали его Римскимъ Императоромъ. Великолѣпныя сады, бассейны, водоводы, о копорыхъ говоряще старинныя лѣтописи, все сперто и заглажено рукою времени. Тутъ жили Французскіе Цари Кловиссва поколѣнія; тутъ заключены были любезныя дочери Карла Великаго за ихъ нѣжныя слабости; тутъ, при Короляхъ вѣраго поколѣнія, знатныя Парижскія дамы видались съ своими обожаемыми; тутъ нынѣ выкармливаютъ голубей для продажи. Ксшапи, подумалъ я: голубь есть Венерина птица.

Въ этой же улицѣ славился
пирожникъ Миньйо, котораго во-
спѣлъ Буало въ Сапирѣ своей.

. . . Mignot, c'est tout dire, & dans le
monde entier
Jamais empoisonneur ne sut mieux son
métier . . .

Пирожникъ разсердился на Са-
пирика, жаловался въ судѣ; но бу-
дучи только осмѣянъ судьями,
вздумалъ мстить Поэту инымъ
образомъ: уговорилъ Аббата Коп-
пеня сочинить сапиру на Буало,
напечаталъ ее и разослалъ съ пи-
рогами по всему городу.

О перное знакомство.

Я пришелъ въ Оперу съ Нѣм-
цомъ Рейнвальдомъ.—Entrez dans
cette loge, Messieurs!—Въ ложѣ
сидѣли двѣ дамы съ Кавалеромъ
Св. Лудовика. „Останьтесь здѣсь,
государи мои,“ сказала намъ одна

изъ нихъ: „видите, что у насъ нѣтъ ничего на головахъ; въ другихъ ложахъ найдете женщинъ съ превысокими уборами, которые совсѣмъ закроютъ отъ васъ шею.“ Мы васъ благодаримъ, отвѣчалъ я, и сѣлъ позади ее. Учтивость ея возбудила мое вниманіе: я съ обѣихъ сторонъ заглядывалъ ей въ лицо. Между шѣмъ товарищъ мой началъ говорить со мною по-Руски; и дамы и кавалеры посмотрѣли на насъ, услышавъ неизвѣстные звуки. Я имѣлъ удовольствіе найсти въ учливой дамѣ блондинку молодую красавицу. Черной цвѣтъ платья отличалъ близну лица; голубая ленточка извивалась въ густыхъ, свѣтлыхъ, ненапудренныхъ волосахъ; букетъ розъ алѣлъ на лилеяхъ груди.—„Хорошо ли вамъ?“ спросила у меня съ улыбкою любезная незнакомка.—*Не лъзя лутше, сударыня.*— Но кавалеръ, копорой си-

дѣлѣ рядомъ съ нею, безпрестанно повертываясь съ стороны въ сторону, безпокойлѣ Рейнвальда. „Я здѣсь ни за что не останусь,“ сказалъ мой Нѣмецъ: „проклятой Французъ напретѣ мнѣ на колѣняхъ мозоли“ —сказалъ, и ушелъ. Бѣлокурая незнакомка посмопрѣла на дверь и на меня. „Вашъ товарищъ не доволенъ нашею ложею?“

Я. Ему хочется быть прямо прошивъ сцены.

Незнакомка. А вы съ нами?

Я. Есѣли позволите.

Незнакомка. Вы очень милы.

Кавалеръ Св. Людовика. Я только теперь примѣтилъ, что у васъ на груди розы: вы ихъ любите?

Незнакомка. Какъ не любить? онѣ служащѣ эмблемою нашего пола.

„Отъ нихъ совсѣмъ нѣтъ запаха,“ сказалъ онъ, распуская и сжимая свои ноздри.

Я. Извините — я далѣе, а чувствую.

Мезнакомка. Вы далѣе? да чпожь вамъ мѣшаетъ быть поближе, естѣли розы для васъ пріятны? Здѣсь естѣ мѣсто. . . . Вы Англичанинъ?

Я. Естѣли Англичане имѣютъ щастіе вамъ нравиться, то мнѣ больно назваться Рускимъ.

Кавалеръ. Вы Руской? Видите, что я угадалъ, сударыня! j' ai voyagé dans le nord; je me connois aux accens; je vous l'ai dit dans le moment.

Мезнакомка. Я право думала, что вы Англичанинъ. Je raffole de cette nation.

Кавалеръ. Не лѣзя ошибиться тому, кто, подобно мнѣ, былъ вездѣ, и знаетъ языки. Вишь у васъ въ Россіи говорящъ Нѣмецкимъ языкомъ?

Я. Рускимъ.

Кавалеръ. Да , Рускимъ ; все одно.

„Всѣ мѣста заняты,“ сказала красавица, взглянувъ на партеръ : „шѣмъ лучше! я люблю людей.“

Кавалеръ. Иначе вы были бы неблагодарны.

Какъ досадно ! думалъ я : онъ сорвалъ у меня съ языка это слово.

Кавалеръ. Только по Моисееву закону вамъ надобно ненавидѣть женщинъ.

Незнакомка. Почему же ?

Кавалеръ. Любовь за любовь, ненависть за ненависть.

Незнакомка (съ усмѣшкою). Я Христіянка. Однакожь это правда : женщины не любятъ другъ друга.

Для чего же ? спросилъ я съ величайшею невинностію.

Красавица. Для чего ? . . .

Тутъ она понюхала свои розы, взглянула опять на меня, и спро-

IV.

сила, давно ли я въ Парижѣ? долго ли пробуду?

Когда розы увянутъ въ саду, меня уже здѣсь не будетъ — опвѣчалъ я самымъ жалкимъ голосомъ.

Красавица (посмотрѣвъ на свой букетъ). Онъ у меня цвѣтупъ и зимою.

Я. Чего не дѣлаетъ искусство, сударыня? Однакожь Напура не теряетъ своихъ правъ: ея цвѣты милѣе.

Красавица. Не сѣверному жителю хвалятся Природу: она у васъ печальна.

Я. Не всегда, сударыня: у насъ также есть весна, цвѣты и прекрасныя женщины.

Мезнакомка. Любезныя?

Я. По крайней мѣрѣ любимыя.

Мезнакомка. Да, я думаю, что у васъ лучше умѣютъ любить, нежели нравиться. Во Франціи

напропивъ : чувство пылае въ
здѣсь только въ романахъ.

Я. У насъ, сударыня, у насъ
оно пылае въ сердцахъ.

Кавалеръ. Чувствительность
ездѣ романъ. Я путешествовалъ,
и знаю.

Красавица. О несносные Францу-
зы! вы всѣ апейсты въ любви. Не
мѣшайте ему говорить. Онъ намъ
скажетъ, какъ въ Россіи обожаютъ
женщинъ —

Кавалеръ. Романъ!

Красавица. Какъ мужчины нѣжны,
примѣчательны —

Кавалеръ (зѣвая). Романъ!

Красавица. Какъ они смотрятъ
дамамъ въ глаза, не скучая, не зѣ-
вая.

Кавалеръ (засмѣявшись). Ро-
манъ! романъ!

Тутъ весь театръ освѣтился
плошками, и зрители захлопали въ
знакъ удовольствія. Красавица ска-
зала съ улыбкою: „мужчины рады

свѣту, а мы боимся его. Посмотрише, на примѣръ, какъ вдругъ стала блѣдна молодая дама, копорая сидишъ прошивъ насъ!“...

Кавалеръ. Отъ того, что она, подражая Англичанкамъ, не румянишся.

Я. Блѣдность имѣеши свою прелестъ, и женщины напрасно румяняшся.

Красавица обернулась къ партеру... ахъ! она была нарумянена! Я сказалъ неучтивость, прижался бокомъ къ сѣнѣ, и молчалъ. Къ щасстью оркестръ заигралъ, и началась опера. Музыка Глукова Орфея восхишила меня такъ, что я забылъ и красавицу; за то вспомнилъ Жанъ-Жака, копорой не любилъ Глука, но слышавъ первой разъ Орфея, плѣнился, молчалъ — и когда Парижскіе знакомки при выходѣ изъ театра окружили его, спрашивая, какова музыка? запѣлъ тихимъ голосомъ:

j'ai perdu mon Euridice; rien n'égale mon malheur — обтерѣ слезы свои, и не сказавъ болѣе ни слова, ушелъ. Такъ великіе люди признаются въ несправедливости мнѣній своихъ!

Занавѣсъ опустился. Незнакомка сказала мнѣ: „Божественная музыка! а вы, кажется, не аплодировали?“

— *Я чувствовалъ, сударыня.*

Незнакомка. Глукъ милѣе Пиччини.

Кавалеръ. Объ этомъ въ Парижѣ давно переспали спорить. Одинъ славится гармоніею, другой мелодіею; одинъ всегда равно удивленъ, другой великъ порывами; одинъ никогда не падаетъ, другой вспадаетъ съ земли, чобы лепѣтъ къ облакамъ; въ одномъ болѣе характера, въ другомъ болѣе опшѣнокъ. Мы давно согласились.

Незнакомка. Я не умѣю дѣлать ученыхъ сравненій; а вы, государь мой?

Я. Согласенъ съ вами, сударыня.

Незнакомка. Etes-vous toujours bien, Mr. ?

Я. Parfaitement bien, Madame, auprès de vous.

Тутъ Кавалеръ Св. Лудовика сказалъ ей что-то на ухо. Она засмѣялась, посмопрѣла на часы, вспала, подала ему руку, и сказавъ мнѣ: je vous salue, monsieur! ушла вмѣстѣ съ другою дамою. Я изумился Не дождашься прекраснаго балета *Калипсы и Телемака!* странно! . . . Мнѣ спало въ ложѣ проспорнѣе и — скучнѣе. Я взглядывалъ на дверь, какъ будто бы ожидая возвращенія прелеспной незнакомки. Кто она? благородная, почпенная, или . . . Какая мысль! Важныя Парижскія дамы не говорятъ такъ вольно съ незнакомыми; однакожь можетъ быть исключеніе изъ правила. Воображеніе мое не преспавало заниматься ею во

время балета, находя въ разныхъ танцовщицахъ сходство съ бѣлокурою незнакомою. Я пришелъ домой — и все еще объ ней думалъ.

„Исторія кончилась,“ вы скажете: а можетъ быть и *нѣтъ*. Чпо, есѣли я опять гдѣ нибудь встрѣчусь съ красавицею, въ *Элисейскихъ поляхъ*, въ Булонскомъ лѣсу; избавлю ее отъ разбойниковъ, или выпашу изъ Сены, или спасу отъ огня? . . . Предвижу вашу усмѣшку. „Романъ! романъ!“ повпориѣте вы съ Кавалеромъ Св. Лудовика. Боже мой! какъ люди спали нынѣ недоувѣрчивы! Эѣо опнимаѣтъ охопу пупешествоваѣть и разсказываѣть анекдоты. Хорошо; я замолчу.

Парижъ, Мая . . .

Солиманъ Ага, Турецкой Посланникъ при Дворѣ Лудовика XIV въ

1669 году, первый ввелъ въ употребленіе кофе. Нѣкто Паскаль, Армянинъ, вздумалъ завести кофейной домъ; новостъ полюбилась, и Паскаль собралъ довольно денегъ. Онъ умеръ, и мода на кофе прошла, такъ что къ его наслѣдникамъ никто уже не ходилъ въ гости. Черезъ нѣсколько лѣтъ Проконъ, Сициліянецъ, открылъ новой кофейной домъ близъ *Французскаго театра*, украсилъ его со вкусомъ, и нашелъ способъ заманивать къ себѣ лучшихъ людей въ Парижѣ, особливо Авторовъ. Тутъ сходились Фонтенель, Жанъ Батистъ Руссо, Соренъ, Кребийонъ, Пиронъ, Вольперъ; читали прозу и стихи свои, спорили, шутили, рассказывали новосты. Парижане ходили отъ скуки слушать ихъ. Имя сохранилось до нынѣ; но перешнй Проконъ кофейной домъ не имѣетъ уже славы прежняго.

Что можетъ быть щасливѣе этой выдумки? Вы идете по улицѣ, успали, хопите опдохнуть: вамъ отворяютъ дверь въ залу, чисто прибранную, гдѣ за нѣсколько копѣекъ освѣжитесь лимонадомъ, мороженымъ; прочитаете газетъ; слушаете сказки, разсужденія; сами говорите, и даже кричите, есѣли угодно, не боясь досадишь хозяину. Люди небогатые, осенью, зимою, находятъ путь пріятное убѣжище отъ холода, каминъ, свѣтлой огонь, передъ которымъ могутъ сидѣть какъ дома, не плаща ничего, и еще пользоваться удовольствіемъ общества. Vive Pascal, vive Procure! vive Soliman Aga!

Нынѣ болѣе 600 кофейныхъ домовъ въ Парижѣ (каждый имѣетъ своего Корифея, умника, говоруна), но знаменитыхъ считается 10, изъ которыхъ пять или

шесть въ Пале - Рояль : Café de Foi, du Cavot, du Valois, de Chartres. Первой опмѣнно хорошо прибранъ; а второй украшенъ мраморными бюстами музыкальных сочинителей, которые своими Операми плѣняяющъ слухъ здѣшней публики: бюстомъ Глука, Саккини, Пиччини, Гретри и Филидора. Тутъ же на мраморномъ столѣ написано золотыми буквами : On ouvrit deux souscriptions sur cette table ; la premiere le 28 Juillet, pour répéter l'expérience d'Annonay ; la deuxieme le 29 Août, 1783, pour rendre hommage par une médaille à la decouverte de MM. de Montgolfier. На столѣ прибитъ медальонъ, кошорой изображаетъ обоихъ братьевъ Монгольфье.—Жанъ Жакъ Руссо прославилъ одинъ кофейной домъ, le Café de la Régence, тѣмъ, что всякой день игралъ тамъ въ шашки. Любопытство видѣть велика-

го Автора привлекало шуда споль-
ко зришелей, что Полицеймей-
стеръ долженъ былъ приспавипь
къ дверямъ караулъ. И нынѣ еще
собираюпся тамъ ревностныя
Жанъ - Жакиспы, пипь кофе въ
чеспъ Руссовой памяпи. Спулъ,
на которомъ онъ сиживалъ, хра-
нипся какъ драгоцѣнность. Мнѣ
сказывали, что одинъ изъ почи-
пелей Философа давалъ за него
500 ливровъ; но хозяинъ не хо-
пѣлъ продать его.

С М Ъ С Ъ.

Я желалъ видѣпъ, какъ веселип-
ся Парижская чернь, и былъ ны-
нѣшній день въ *Тенгетахъ*: такъ
называюпся загородные пракпи-
ры, гдѣ по Воскресеньямъ соби-
раетпся народъ обѣдать за 10 су
и пипь самое дешевое вино. Не
можете представипь себѣ, какой

шумной и разнообразной спектакль! Превеликія залы наполнены людьми обоего пола; кричапѣ, пляшупѣ, поютѣ. Я видѣлъ двухъ шестидесятилѣтнихъ стариковъ, важно танцующихъ менуетѣ съ двумя спарухами; молодые хлопали въ ладоши, и кричали: *браво!* Нѣкоторые шапались опѣ дѣйствія винныхъ паровъ, а также хотѣли танцовать, и только что не падали; не узнавали дамъ своихъ, и вмѣсто извиненія говорили: *diable! peste!*—*C'est l'empire de la grosse gaieté*, царство грубаго веселья! — И такъ не одинъ Руской народъ обожаетъ Бахуса! Розница та, что пьяной Французъ шумитѣ, а не дерется.

У дверей всякой *Тенгеты* стоятѣ женщины съ цвѣтами, берутѣ васъ за руку и говорятѣ: *Господинъ милый, господинъ прекрасной! я дарю васъ букетомъ розъ.* Надобно непременно взять подарокъ,

опблагодарить шестью копѣйками (*), и еще сказать учтивое слово, *un mot de politesse, d'honnêteté.* Парижскія *цвѣтошницы* одного разбора съ *рыбными торговками* (*les poissardes*); спрашно не понравилъся имъ; онѣ въ состояніи замешать васъ грязью. Но естѣли вы держите въ рукѣ букетъ цвѣтовъ, то вамъ уже не предлагающъ другаго. Однажды, на *Королевскомъ мосту*, двѣ *цвѣтошницы* остановили меня съ Барономъ В*, и пребовали. . . поцѣлуя! Мы смѣялись, хопѣли иппи; но жестокія Вакханты насильно поцѣловали насъ въ щеку, хохотали во все горло, и кричали намъ въ слѣдъ: *еще, еще одинъ поцѣлуй!*

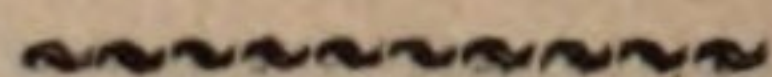
Идучи по *Дофинскому берегу*, увидѣлъ я на рѣкѣ два Кишай-

(*) Une pièce de 6 sous.

скіе павильйона; узналъ, что эпо бани; сошелъ внизъ, заплатилъ 24 *су* и вымылся холодною водою въ прекрасномъ маленькомъ кабинетъ. Чистота удивительная. Во всякой кабинетъ проведена изъ рѣки особливая труба, въ которой вода течетъ сквозь песокъ. Тутъ же учатъ плавать; урокъ стоить 30 *су*. При мнѣ плавали три человека съ опмѣнною легкостью. Въ Парижѣ есть и теплыя бани, въ которыя часто посылаютъ Медики больныхъ своихъ. Самыя лучшія и дорогія называющіяся Русскими, *bains Russes, de vapeurs ou de fumigations, simples et composés*. Надобно заплатить рубли два, и васъ вымоютъ, вытрутъ губками, обкурятъ ароматами, какъ у насъ въ Грузинскихъ баняхъ.

Я былъ въ Hôtel-Dieu, главной Парижской Гошпитали, въ копорую принимають, безъ различія вѣры и націи, всякаго рода больныхъ, и гдѣ бываетъ ихъ иногда до 5000, подъ надзираніемъ 8 Докторовъ и ста лекарей. 130 Монахинь Августинскаго Ордена служатъ несчастнымъ и пекутся о соблюденіи чистоты; 24 священника безпрестанно исповѣдываютъ умирающихъ, или оспѣваютъ мерзвыхъ. Я видѣлъ только двѣ залы, и не могъ итти далѣе: мнѣ стало дурно; и до самаго вечера спонъ больныхъ опзывался въ моихъ ушахъ. Не смотря на хорошій присмотръ, изъ 1000 всегда умираетъ 250. Какъ можно заводитъ такія больницы въ городѣ? Какъ можно пить воду изъ Сены, въ копорую спекаетъ вся нечистота изъ Hôtel-Dieu? Ужасно вообразить! Щасливъ, кто выѣдетъ изъ Парижа здоровый!— Я спѣшу

въ театрѣ, чптобы разсѣять свою
меланхолію и начало лихорадки.

Здѣшняя Королевская Библіотека есть первая въ свѣтѣ; по крайней мѣрѣ такъ сказалъ мнѣ Библіотекаръ. Шестъ превеликихъ залъ наполнены книгами. Миспическіе Авторы занимаютъ пространство въ 200 футовъ длиною и въ 20 вышиною, Схоласпики 150 футовъ, Юриспруденцы 40 сажень, Испорики вдвое. Поэповъ считается 40000, Романисповъ 6000, путешественниковъ 7000. Все вмѣстѣ составляетъ болѣе 200000 помовъ, къ которымъ надобно еще прибавить 60000 рукописныхъ. Порядокъ рѣдкой. Наименуйте книгу, и черезъ нѣскольکو минушъ она у васъ въ рукахъ. Мнѣ, какъ Рускому, показывали Славянскую Библію и Наказъ Им.

пераприцы. — Карлъ V получилъ въ наслѣдство послѣ Короля Іоанна 20 книгъ; любя чпеніе, умножилъ ихъ до 900, и былъ основателемъ сей Библіотеки. Тутъ же, въ Кабинетѣ древнихъ и новыхъ медалей, съ великимъ любопытствомъ разсматривалъ я два щипта славнѣйшихъ изъ древнихъ полководцевъ: Аннибала и Сципіона Африканскаго (*). Какими пріятными воспоминаніями обязаны мы Исторіи! Мнѣ было 8 или 9 лѣтъ отъ роду, когда я въ первой разъ читалъ Гимскую, и воображая себя маленькимъ Сципіономъ, высоко поднималъ голову. Съ того времени люблю его какъ своего Героя. Аннибала я ненавиждѣлъ въ щасливыя времена славы его, но въ рѣшительный день, передъ спѣнами Карфагенскими, сердце мое едва ли не ему желало побѣды. Когда

(*) Доказывается надписью.

всѣ лавры на головѣ его увяли и засохли; когда онѣ, укрываясь отъ злобы мстительныхъ Римлянъ, скипался изъ земли въ землю: тогда я былъ нѣжнымъ другомъ хотя нещастнаго, но великаго Аннибала, и врагомъ жестокихъ Республиканцевъ. — Еще храняпся въ Библіотекѣ двѣ стрѣлы дикихъ Американцевъ, намазанныя такимъ сильнымъ ядомъ, что еспльи проколешь ими до крови какое нибудь живошное, то оно черезъ нѣсколько минутъ оцѣпенѣвъ умретъ. — Въ залѣ нижняго эшажа сшоятъ два глобуса чрезвычайной величины, такъ что верхняя часть ихъ выходитъ, черезъ опверстіе потолка, въ другой этажъ. Они сдѣланы монахомъ Коронелли. — Собраніе эстамповъ въ Библіотекѣ также доспойно примѣчанія.

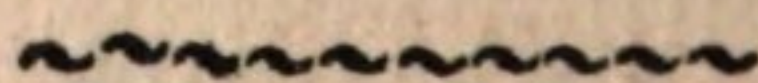
Здѣсь много и другихъ общесшвенныхъ и частныхъ Библіо-

шекъ , отворенныхъ въ назначенные дни для всякаго. Читайше , выписывайше , что вамъ угодно. Нѣтъ въ свѣтѣ другаго Парижа ни для ученыхъ , ни для любопытныхъ ; все готово — только пользуйся.

Королевская Обсерваторія, обращенная углами къ чепыремъ главнымъ пунктамъ горизонта , построена безъ дерева и безъ желѣза. Въ большой залѣ перваго этажа проведенъ Меридіанъ , которой идетъ черезъ всю Францію , на сѣверъ и на югъ , отъ Коліура до Динкирхена. Тамъ одна комната называется *тайною* , *la salle des Secrets* , и представляетъ любопытный феноменъ. Если вы приложите губы къ пиласпру и тихонько скажете нѣсколько словъ , то человекъ , стоящій напрошивъ у другаго пиласпра , слы-

шипъ ихъ; а люди, которые стояли между вами, ничего не слышали. Монахъ Киркерь писалъ изъясненіе сей механической странности. — Кто хочетъ сойти въ подземельный лабиринтъ Обсерваторіи, служащій для разныхъ метеорологическихъ опытовъ, тому надобно непременно взять фонаря и факелы: 360 ступеней ведутъ васъ въ эту бездну; темно и страшная; густой, сырой воздухъ почти останавливаетъ дыханіе. Мы рассказывали, что два монаха, сошедши туда вместе съ другими любопытными, опспали — хотѣли догнать товарищей, но факелъ ихъ угасъ — они искали выхода изъ темныхъ переходовъ, но тщетно. Черезъ 8 дней нашли ихъ въ лабиринтъ мертвыхъ.

Лудовикъ XIV построилъ самой великолѣпнѣйшей въ Европѣ

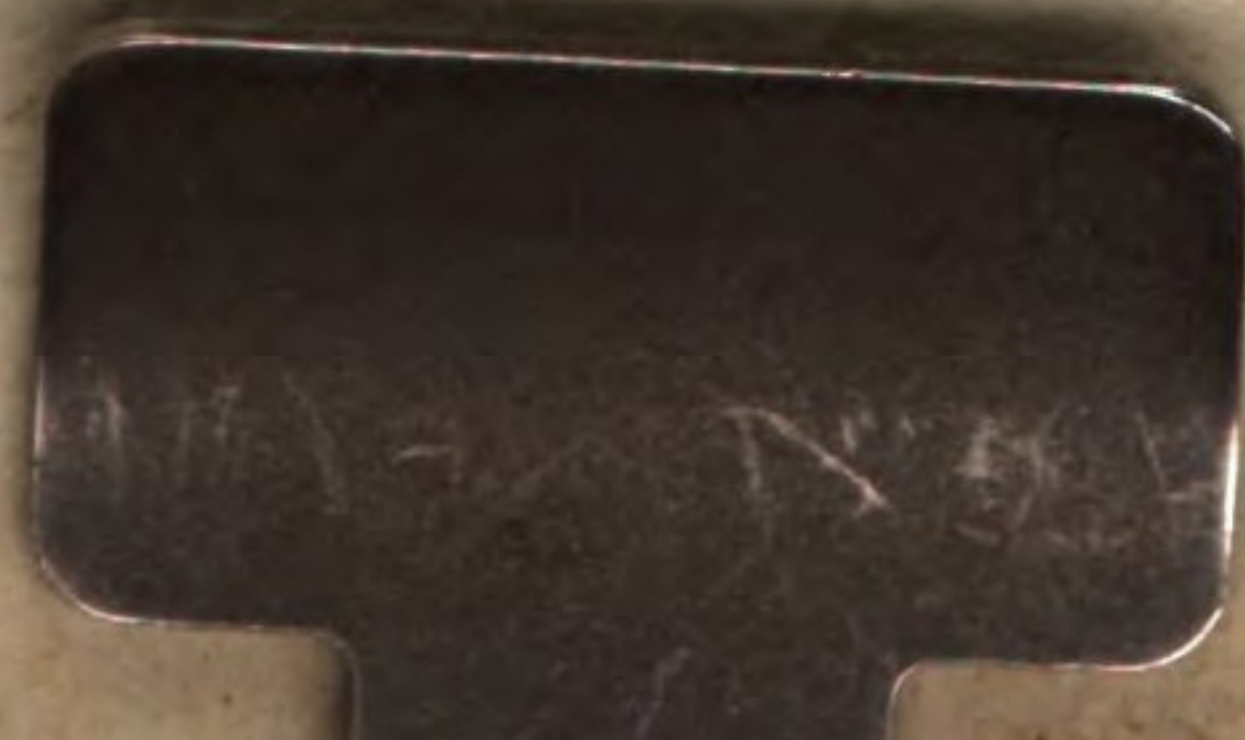
Инвалидный домъ для изувѣчен-
 ныхъ и преспарѣлыхъ воиновъ,
 желая доказать имъ Царскую бла-
 годарность, и часто бывалъ у нихъ
 въ гостяхъ, безъ всякой спражи,
 кромѣ испытаннаго усердія сво-
 ихъ Веперановъ. Печальное зрѣли-
 ще для Философа, прогашельное
 для всякаго чувствительнаго! Мно-
 гіе Инвалиды не могутъ ходишь;
 многіе не могутъ даже ѣсть сами:
 ихъ кормящъ. Одни молятся пе-
 редъ олтарями; другіе сидящъ
 подъ тѣнію густыхъ деревъ, раз-
 говаривая о побѣдахъ, купленныхъ
 ихъ кровію. Какъ охотно снимаю
 шляпу передъ сѣдымъ воиномъ,
 копорой носятъ на себѣ незагла-
 димые знаки храбрости и печать
 славы! Война бѣдственна, но храб-
 рость есть великое свойство ду-
 ши. „Робкой человекъ можетъ
 „быть добрымъ; но всякой дур-
 „ной человекъ непременно дол-
 „женъ быть трусомъ,“ говоритъ

Сперновъ Капралъ Тримъ.— Пепръ
Великой, осматривая Парижской
Инвалидной домъ въ то время,
какъ почтенные воины сидѣли за
обѣдомъ, налилъ себѣ рюмку ви-
на, и сказавъ: *ваше здоровье, това-*
рищи! выпилъ до капли.

Архитектура и живопись пре-
красны.

К О Н Е Ц Ъ Ч Е Т В Е Р Т А Г О Т О М А .

Karamzin, Nikolaj Michajlovič,

Sočinenīja Karamzina

Bd.: 4

Moskva 1803

Opp. 659 b-4

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10605657-7